

ЛЮДВИГ УЛАНД

ЛЮДВИГ
УЛАНД

LUDWIG UHLAND

(1787~1862)

ЛЮДВИГ УЛАНД

СТИХОТВОРЕНИЯ

Перевод с немецкого

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1988

ББК 84.4Ге

У 47

Составление, вступительная статья и
комментарии

А. ГУГНИНА

Оформление художника

Ю. КЛОДТА

У $\frac{470300000-384}{028(01)-88}$ 141-88

ISBN 5-280-00320-4

© Состав, вступительная
статья, комментарии,
оформление и переводы,
помеченные в содержа-
нии *. Издательство «Ху-
дожественная литерату-
ра», 1988 г.

**РОМАНТИЧЕСКИЙ ЧЕЛН
В БУРНЫХ ВОЛНАХ ИСТОРИИ,
ИЛИ
ПОЭЗИЯ ЛЮДВИГА УЛАНДА**

Повторяю, поколение 1813 года находит в стихах г-на Уланда дух своего времени в драгоценнейшей сохранности, и не только дух политический, но и моральный и эстетический... Через него подведен итог творчеству большинства его лирических товарищей по романтической школе, которую читатели любят и чтят теперь в лице одного-единственного человека.

Г. Гейне (1835)

Умер Людвиг Уланд... Единственный поэт, о котором я знаю совершенно точно, что он придет к потомкам не как имя, а как продолжающая свое воздействие живая личность.

Ф. Геббель (1862)

26 апреля 1987 года исполнилось 200 лет со дня рождения Иоганна Людвиг Уланда — выдающегося немецкого поэта, ученого, прогрессивного общественного деятеля, чье романтическое творчество расцвело

на благодатной почве, взрыхленной в Германии представителями литературного течения «Бури и натиска», позднего Просвещения, а также теоретиками и поэтами раннего романтизма. Людвиг Уланд, родившийся в 1787 году, за два года до Великой французской буржуазной революции, пережил их всех; пережил наполеоновские войны (имел возможность лично видеть Наполеона в 1805 году — раньше, чем старый Гете), антинаполеоновскую освободительную войну 1813 года, годы реставрации и Священного союза, Июльскую революцию 1830 года во Франции, революционные события 1848—1849 годов, итоги которых он воспринял как «крах национальных надежд». Умер он в 1862 году — за восемь лет до Парижской коммуны и за девять лет до объединения Германии под эгидой Пруссии. На глазах Уланда несколько раз перекраивалась карта Европы и в раздробленной феодальной Германии неудержимо, хотя и медленно, пробивал себе дорогу буржуазный строй, который так ненавидели немецкие — и не только немецкие — романтики. Во многих событиях своего времени Уланд принимал непосредственное участие, на другие откликался в поэзии или публицистике, постепенно и трудно преодолевая свои ранние иллюзии, но в глубине души оставаясь все тем же романтиком — в идеализированном, односторонне восторженном представлении о народе, в своем нежелании подчиниться буржуазной унификации личности, в стремлении сохранить национальный и региональный уклад жизни, не допустив его растворения и обезличивания, неизбежного в условиях развития буржуазного общества.

Детство и юность Уланда прошли на юго-западе Германии в швабском городе Тюбингене, расположенном в живописной долине реки Неккар, в окружении лесистых холмов, развалин старинных замков и церквей, живо напоминавших о временах феодального ры-

царства. Сами названия многих мест были окружены легендами, которые мог рассказать едва ли не каждый коренной житель; старинные песни и баллады являлись народным достоянием, которое пришло к Уланду из самой жизни. В круг ближайших родственников будущего поэта, ученого и политика входили люди высокообразованные, глубоко привязанные к традициям старого Вюртемберга; генеалогия семьи уходила своими корнями в швабское средневековье. Отец Уланда, Иоганн Фридрих, юрист по образованию, служил секретарем в Тюбингенском университете, стипендиатом которого уже в 1801 году стал его третий сын, Людвиг, записавшийся на подготовительный («артистический», как тогда говорили) факультет с целью последующего изучения юриспруденции. Уланд был окружен в детстве атмосферой ученой и книжной, получил отличное гуманитарное образование.

В связи с биографиями Ф. Шиллера и К. Шубарта обычно говорят о деспотизме вюртембергского герцога Карла Евгения (1728—1793). Но эти деспотические наклонности все-таки несколько сдерживались с помощью своеобразной конституции, основанной на Тюбингенском договоре, заключенном во время крестьянского восстания «Бедного Конрада» в 1514 году герцогом Ульрихом с представителями городов и сословий, из которых было исключено дворянство. Представители городов и сословий получили право регулировать сбор налогов, иметь свою кассу и быть постоянными советниками герцога во всех значительных политических и военных вопросах. Вполне естественно, что существовавший почти триста лет договор нуждался в модернизации. И все же, когда властолюбивый вюртембергский король Фридрих II попытался, воспользовавшись смутой, вызванной наполеоновскими войнами, упразднить этот договор, сословия вступили с ним в долгую и упорную борьбу, закончившуюся в 1819 го-

ду принятием повой конституции, в основе которой все же лежал прежний принцип постоянно возобновляемого договора между королем и ландтагом, который избирался тайным голосованием. Активное участие в этой борьбе за «старое, доброе право» принял в 1814—1819 годах и Людвиг Уланд, который затем был избран в первый ландтаг депутатом от города Штутгарта.

В раннем, доромантическом творчестве Уланда, помимо влияния античных и библейских сюжетов, поначалу особенно сильным было воздействие поэтов-идилликов XVIII века. При этом из подражания порой всплывали стихи, до сих пор не утратившие поэтической привлекательности. Постепенно круг увлечений юного поэта стал шире. Наряду с Ф. Клопштоком, Гете и Шиллером, настольной его книгой становятся «Песни Оссиана». Уже в первые годы учебы в университете он начинает активно знакомиться со средневековьем: читает «Историю лангобардов» Павла Диакона, «Деяния датчан» Сакса Грамматика, рыцарские романы. Обстановка в университете этому способствовала: талантливые профессора Д.-Ф. Зейбольд и пришедший ему на смену К.-Ф. Конц всячески поощряли средневековые штудии своих студентов и их романтические поэтические устремления. Правда, в студенческие годы средние века еще представляли перед юным поэтом в довольно туманных очертаниях: выезжали на поиски приключений мужественные благородные рыцари, грабили на дорогах путников страшные разбойники, блуждали в лесу и ожидали спасения юные девы. Это дикое, в целом псевдоисторическое средневековье преобладало в балладах Уланда (баллады — его любимый поэтический жанр) примерно до 1808 года. Но даже в эту пору он создал немало ярких и художественно вполне зрелых произведений.

В 1804—1807 годах в стенах Тюбингенского университета сформировался литературный кружок, постепенно осознавший себя неотъемлемой частью романтического литературного движения в Германии и сыгравший довольно заметную роль в историко-литературном процессе в 1807—1820 годах. В этом кружке, насчитывавшем свыше тридцати участников, ведущую роль (кроме Уланда) играли медики Юстинус Кернер и Карл Генрих Кёстлин, юрист Карл Майер и теолог Густав Шваб. Близкие связи с кружком поддерживал видный берлинский литератор Варнхаген фон Энзе и издатель Лео фон Зекендорф, опубликовавший в 1806 году первые двадцать семь стихотворений Уланда.

Чтобы понять специфику вклада Тюбингенского (с 1810-х гг. — Вюртембергского) романтического кружка, следует ясно представлять себе главные контуры литературного развития в Германии со второй половины XVIII века. Рационализм и космополитизм большинства мыслителей и художников раннего и зрелого Просвещения (таких, как Вольтер во Франции или Готшед и отчасти Лессинг в Германии) неизбежно должны были рано или поздно вызвать противодействие. В борьбе с многовековыми социальными, религиозными и прочими духовными оковами просветители буквально перекроили общественное сознание Европы. Но, отрицая узконациональные предрассудки, просветители порой отрицали и национальное своеобразие; развенчивая средневековые как средоточие темных суеверий, они не замечали, что и в средние века духовная жизнь и искусство отнюдь не заглохли, именно тогда, к примеру, сложился пародный героический эпос и многие другие жанры устного народного творчества. Ставя во главу угла разум и рационализм, просветители нередко игнорировали живые человеческие чувства. Не удивительно, что в недрах самого же Про-

свещения созрели силы хотя и не порвавшие с ним, но заметно подточившие его изнутри. В 1770-е годы в Германии в рамках движения «Бури и натиска» (а не у романтиков, как это иногда поверхностно утверждается) зародился глубокий и подлинный интерес к национальному своеобразию, стремление понять самоценность веками сложившихся традиций и форм. Отсюда — мощный прорыв к народной песне у Гердера и Гете; сам жанр литературной баллады, блестяще открытый в Германии в 1773 году «Ленорой» Бюргера, достиг непревзойденных высот в творчестве Гете и Шиллера.

Романтики по-своему и в новых исторических условиях продолжали путь, начатый задолго до них «бурными гениями». Другое дело, что сами Гете и Шиллер (Г.-А. Бюргер умер в 1794 г.) к моменту зарождения романтизма в Германии уже далеко отошли от «Бури и натиска», и дело «бурных гениев» осталось незавершенным. По существу «веймарский классицизм» Гете и Шиллера и ранний немецкий романтизм представляют собой две эстетические реакции на бурные события своей эпохи.

Гете и Шиллер, оставаясь на почве Просвещения, в 1790-е годы сузили свои художественные задачи, одновременно углубив их. Знаменитая впоследствии формула «красота спасет мир» практически впервые получила хождение именно в Веймаре. Раз политические восстания к добру не приводят (пугали ужасы якобинской диктатуры, пролитая кровь, казалось, в самой жизни ничего не изменила к лучшему), оставалось уповать лишь на эстетическое и нравственное воспитание, могучим средством которого, как утверждали Гете и Шиллер, является искусство. Но не любое искусство, а лишь наиболее ясно и цельно выражающее эстетический идеал, — отсюда возврат в те годы к античному идеалу красоты. При этом, в своем твор-

честве, Гете почти всегда оказывался шире своей теоретической программы и с той же народной песней, по существу, никогда не порывал.

Романтики пошли другим путем. Если для Гете и Шиллера искусство было великим средством просвещения и воспитания народа, то для ранних немецких романтиков искусство стало великой самоцелью. Для Новалиса и Ф. Шлегеля йенского периода искусство — наивысшая форма жизнедеятельности, а художник — полубог среди людей и, в любом случае, маг и заклинатель; волшебная сказка — высший жанр литературы, поскольку легче всего поддается своеволию творческого воображения; сон и мечта — любимые состояния творца. Если в «веймарском классицизме» был сознательно преодолен крайний индивидуализм «Бури и натиска», то ранние романтики даже развили этот индивидуализм, отказавшись от его социально-политической и бунтарской трактовки. Вся энергию разбуженного индивидуализма они направили на утверждение самоценности и неисчерпаемости мира души отдельной личности, на защиту этого мира от наступающего и всё нивелирующего буржуазного века. История немецкого романтизма есть постепенное размывание романтического абсолюта, постепенное схождение его с заоблачных теоретических высот в гущу весьма прозаической немецкой полубуржуазной действительности. На этом пути были свои утраты, хотя были и несомненные приобретения, как это показывает история немецкого романтизма от Новалиса до Гейне.

В развитии немецкой романтической поэзии — от Новалиса до Гейне — Уланд, несомненно, занимает некое промежуточное положение: ему чужд творческий максимализм ранних романтиков, но ему столь же чуждо цинически-дерзкое, как представлялось многим, осмеяние всего и вся у Гейне. Характерно, что

В. А. Жуковский, много переводивший Уланда, никогда не переводил Гейне — для него Гейне лежал уже за пределами романтизма, то есть в чуждой самому В. А. Жуковскому области. В этом смысле Уланд служил как бы антиподом Гейне. Он упорно, на протяжении десятилетий, призывал романтических поэтов стремиться к простоте, искренности, простосердечной народности и этим повлиял на формирование большинства поздних немецких романтических поэтов. Он был эталоном нравственной чистоты и высоты помыслов. Не случайны комплименты, которые расточали в его адрес Шамиссо, Гейне, Бёрне, Эйхендорф, Мёрике, Ф. Геббель, даже крупнейшие немецкие реалисты второй половины XIX века Т. Фонтане и Т. Шторм. Хотя призывы и утверждения Уланда доходили порой до тривиальности, он, по сути, впервые в своем творчестве повернул романтизм лицом к массовой читательской аудитории. Уже в конце 1806 года Уланд ясно сформулировал принципиальное положение своей творческой программы, которому не изменял на протяжении всей жизни: «Жизнь сама по себе благородна, но она должна быть воспринята благородным сердцем и изображена благородным духом. Об этом свидетельствует народная поэзия, которая сейчас возрождается...»

Уланд соединил просветительско-штюрмерскую программу собирания и освоения народной поэзии со специфически романтическим взглядом на средневековье как на некую модель мира. Если для Тика, Брентано и Арнима увлечение народной средневековой поэзией оказалось лишь эпизодом, хотя и прекрасным, то для Уланда оно уже с 1805 года стало средоточием всей жизни, всей творческой и научной деятельности. Уланд оставил нам, к примеру, прекрасное собрание немецких народных песен. 26 января 1807 года он пишет в Париж К.-Ф. Кёлле — одному из старших това-

рищей по Тюбингенскому университету: «Я хотел заклинять вас святым именем: Германия! — идите в парижские библиотеки, разыскивайте в них погребенные богатства старонемецкой поэзии!.. Но не ограничивайтесь исключительно немецкими древностями, не забывайте и о романтическом прошлом Франции: дух рыцарства витал над всей Европой». А в 1810 году Уланд сам едет в Париж и, отодвинув в сторону запланированные юридические штудии, с головой погружается в старонемецкие и старофранцузские памятники.

Известность и славу Уланду принесли прежде всего его лирика, его политические стихотворения и баллады. Очень многие его стихи были сразу же положены на музыку, некоторые по пять — десять раз, а стихотворение «Весенняя вера» привлекло даже пятнадцать композиторов. В число творцов, сочинявших музыку к стихотворениям Уланда, были Ф. Шуберт, Ф. Мендельсон-Бартольди, И. Брамс, Р. Шуман, А. Рубинштейн и многие другие. Некоторые стихи, в свою очередь, стали популярными пародными песнями.

Уланд предпочитал прятать свои чувства, выбирая для лирического героя разные романтические обличья: пастуха, странника, разбойника, мошаха... Одним из первых в немецкой поэзии он стал разрабатывать форму лирического цикла («Восемь новых песен странника», 1813; «Весенние песни», 1815), получившую затем плодотворное развитие в творчестве Вильгельма Мюллера, Йозефа фон Эйхендорфа и особенно в «Книге песен» Гейне. Но самый бесспорный вклад Уланда в немецкую поэзию — это развитие и дальнейшее обогащение жанра литературной баллады. Известный исследователь истории баллады В. Кайзер недаром говорил, что «история балладного творчества Уланда представляет собой уменьшенное отражение истории баллады

вообще». Это суждение во многом справедливо. Разнообразие и многостильность баллад Уланда поистине удивительны. Здесь ему оказали бесценную помощь огромная эрудиция, знание древних языков, сознательная установка на обогащение современной литературы сюжетами и образами из многочисленных источников средневековой народной поэзии. «О, если бы настало время,— мечтал Уланд на страницах рукописного журнала тюбингенских романтиков «Воскресный листок для просвещенных сословий»,— когда между солнечными вершинами старой и новой немецкой поэзии, между которыми в сумерках, как глубокая пропасть, мерцают века непоэзии, можно будет проложить прочный мост и паладить по нему оживленное движение туда и назад». «Новую» немецкую поэзию Уланд начинал от Гете. Аллегорическое стихотворение «Сказка» рисует Гете в образе молодого прекрасного рыцаря, разбудившего спящую красавицу — немецкую поэзию.

Вплоть до 1813 года Уланд был пастолько погружен в изучение средних веков, в кропотливую работу по их научному и поэтическому осмыслению, что почти не интересовался бурными политическими событиями в Европе. В годы, когда практически вся Германия находилась под контролем Наполеона, Уланд переживал период увлечения старофранцузской поэзией. В 1809—1812 годах он усердно занимался испанской, французской, итальянской и английской литературами. Некоторые из переписанных им в Париже старофранцузских рукописных текстов были через десятилетия изданы учениками и друзьями поэта. Все это немало обогащало и его собственную поэзию, особенно баллады.

Используя иноязычные тексты, переводя их на немецкий язык, Уланд старался сохранять в каждом случае национальный колорит. Естественно, что его стихи

на испанские, французские, английские или итальянские сюжеты во многом различаются, даже и в формальном плане. Но, помимо многочисленных литературных баллад в их классическом виде, у Уланда немало произведений балладного жанра, возникших из народных песен и снова вернувшихся в народ; такова его знаменитая песня «Хороший товарищ» («Был у меня товарищ...»; существовал также старинный народный вариант песни и его обработка Ахимом фон Арнимом), ставшая именно в уландовском варианте одной из наиболее известных и любимых песен; ее исполняли на музыку Ф. Зильхера, а также пользуясь народной мелодией. Не менее известной была и другая песня-баллада Уланда, «Хозяйкина дочь», также возникшая в результате вдумчивого переосмысления и переработки существовавших уже до того сюжетных вариантов.

Уланд пользовался огромной читательской популярностью в XIX веке — его сборник «Стихотворения» (1815) разошелся еще при жизни поэта в 42-х изданиях, а к концу века количество переизданий перевалило за сотню. В таких стихах-песнях, как «Замок у моря», «Хороший товарищ» и «Хозяйкина дочь» Уланд сумел воспроизвести безыскусный стиль народной песни, при самом пристальном взгляде здесь невозможно обнаружить стилизацию.

По сути, в каждой из разновидностей балладного жанра Уланд создал шедевры, своего рода классические образцы, которые нашли затем массу последователей, подражателей, эпигонов. В жанре традиционной классической баллады Уланду принадлежат такие безусловные поэтические перлы, как «Проклятие певца» (1814), «Плавание Карла Великого» (1812), «Счастье Эденхаля» (1834) и многие другие. В работах, посвященных Уланду, нередко звучит мысль об идеализации средневековья в его балладах. Любовь к средним

векам Уланд разделял почти со всеми поэтами-романтиками, и все же, говоря об элементах этой идеализации — для ранних баллад совершенно очевидной, — не лишним будет поточнее определить, что и как Уланд идеализировал. Например, в своих балладах он постоянно выражал симпатию к таким личностям, как Роланд, Зигфрид, Карл Великий, Вильгельм Телль. Был ли Уланд в подобных случаях антиисторичен? Ведь в этих образах он прославлял прежде всего народных героев, те их качества, которые уже были прославлены в легендах, преданиях, песнях и памятниках героического эпоса. Он восневал их смелость, отвагу, выдержку, мужество, любовь к свободе и к своему народу. Уланд хотел напомнить своим современникам об этих качествах и об этих героях. Напомнить без морализации, вызвав их снова к жизни в полнокровных художественных образах. Цепность этих баллад как раз и заключается в глубокой пародности образов главных героев. Напротив, обращаясь к милой его сердцу вюртембергской старине, например, создавая в 1815 году цикл баллад о графе Эберггарде II Бородатом (умер в 1392 г.), поэт подчеркнуто ироничен и порой даже сатиричен в обрисовке главного героя, его слуг и вассалов. Необыкновенно ярко и зримо он живописует этого монархарзбойщика, порожденного своей эпохой, ведущего затяжную войну со швабскими городами и прочно вошедшего в народное сознание именно из баллад Уланда.

Элемент идеализации средневековья во многих балладах Уланда смягчается, а иногда и полностью снимается с помощью авторского юмора или иронии. Уланд использует также прием неожиданного иронического финала — впоследствии его блестяще развил Гейне. Например, балладу «Юнкер Рехбергер» (1811), по сюжету весьма напоминающую «страшные» баллады англичанина Р. Соути (одним из действующих

лиц в балладе является сам дьявол!), Уланд совершенно неожиданно заканчивает пропическим правоучением:

Рыцарям эта песня на пользу всегда,
Чтобы перчатки свои не бросали они никогда,
Чтоб оставались скромны и учтивы притом,
Если придется им ехать во мраке ночном.

Таким образом, сатирическая направленность была не вовсе чужда Уланду. В известном смысле сатиричен его блестящий поэтический фрагмент, написанный октавами, «Фортунат и его сыновья» (1814—1816), образец редкого в немецкой литературе жанра романтической поэмы. Уланд использует здесь мотивы популярной немецкой «народной книги» с тем же названием, повествующей о возвышении и крахе одного бюргерского семейства. Остроумно и темпераментно поэт направляет свои стрелы против цинизма буржуазного века и бесстыдства буржуазного человека, против оголтелого, не брезгующего ничем стремления к наживе. Сам сюжет играет здесь почти такую же роль «отправного пункта», как историческая и легендарная основа образа Дон Жуана в гениальной поэме Байрона. «Фортунат и его сыновья» Уланда естественно вписывается в обширный ряд европейских романтических поэм, открывающийся «Паломничеством Чайльд-Гарольда».

В стихотворениях Уланда большое место занимают образы поэтов: реально существовавших, а также легендарных или вымышленных самим Уландом. Трубадуры и миннезингеры, Данте и Петрарка, Бертрам де Борн и, наконец, символический певец в балладе «Проклятие певца» — все эти образы приподняты им и возвышены. Тема поэта и поэзии занимает принципиально важное место в творчестве Уланда. Она выражает характерное для романтизма представление о поэзии

как средоточии высших ценностей жизни, о безграничном могуществе поэтического слова. В балладах Уланда поэты — передки и воины, в буквальном смысле этого слова; но, в конечном итоге, все же не оружие, а именно поэтическое слово обладает, согласно убеждению Уланда, наивысшей, поистине магической силой, перед которой оказываются бессильными самые могучие земные владыки. Не случайно у Уланда проклятия старого певца оказываются достаточно, чтобы разрушить царство тирана и даже стереть само его имя из памяти потомков:

Король забыт, он — призрак без плоти, без лица,
Он вычеркнут из мира проклятием певца!

Эта мысль о безграничном могуществе поэтического слова в поэзии Уланда совершенно естественно перерастала в идею о высоком общественном назначении искусства. В этом смысле показательны его стихотворения, посвященные А. Мицкевичу (1833) и Ф. Фрейлиграту (1844). Для Уланда очень важна была также мысль об исторической памяти, о духовной преемственности, которую лучше всего может обеспечить правдивое поэтическое слово. Эта мысль очень ясно звучит в концовке стихотворения «Возвращение певца» (1815), которое Уланд соотносил с памятью Ф. Шиллера.

Испытывая различные возможности жанра литературной баллады, Уланд в ряде случаев становится основоположником новых ее форм, доказавших затем свою продуктивность. Таким стал тип баллады исторической, впервые в немецкой поэзии сформировавшийся именно у Уланда, или баллады политической и социальной, такой, например, как его «Жница» (1815), возникшая прямо из газетной заметки, или стихотворение «На мосту Бидассоа» (1834), написанное по материалам освободительной борьбы в Испании в 1830-е годы.

У Уланда же получил распространение своеобразный балладно-повествовательный жанр, который можно было бы назвать стихотворной новеллой. Он постоянно создавал один за другим балладные циклы («Любовь певца», «Граф Эбергард Бородатый», «Старофранцузские стихотворения»). В 1812—1816 годах Уланд даже попытался сочинить своеобразный стихотворный «Старофранцузский Декамерон». К сожалению, этот интересный и плодотворный замысел не был осуществлен поэтом до конца.

Прижизненная слава Уланда во многом основывалась также на группе патриотических и политических стихов, связанных с заключительным этапом освободительной войны против Наполеона и конституционными боями в Вюртемберге в 1815—1819 годах. В «Песне немецкого поэта», написанной в январе 1814 года, Уланд ясно обозначает свой переход с аполитично-эстетических на патриотически-гражданские позиции:

Когда-то в дни былые
Я в песнях воспевал
Разгулья удалые,
Любовь и карнавал.
Но сразу все постыло,
Как враг пошел в поход,
И клич провозгласил я:
«За родину, вперед!»

В тот же самый день (29 января 1814 г.) Уланд пишет и еще одно стихотворение, «К родине», в котором выражает надежды на новое, светлое будущее свободной Германии.

К тебе, отчизне обновленной,
Устремлена мечта моя!
Надеждой новой окрыленный,
Твою свободу славлю я.

А когда эта мечта о свободной и «вновь рожденной» отчизне вступила в явное противоречие с действ-

вительностью (ведь Германия и после поражения Наполеона продолжала оставаться отсталой и раздробленной, а выросший из антинаполеоновской коалиции Священный союз свои главные усилия направил на уничтожение достигнутых при Наполеоне малых демократических свобод и усиление полицейского режима), то Уланд мужественно выступил на арену активной политической деятельности, в личном плане сулившей ему одни лишь неприятности. До сих пор бытуют недоразумения, связанные с оценкой роли Уланда в так называемых «вюртембергских конституционных боях»; нередко утверждается даже, что он близоруко цеплялся за отжившие формы общественной жизни, отвергая новое и прогрессивное. Конкретный анализ тогдашней исторической ситуации показывает, что это было не совсем так. Ошибки в оценках происходят главным образом потому, что путают конечные цели политических идей Уланда с теми лозунгами, которыми он вынужден был пользоваться (например, «старое право»). Поэт нередко выдвигал консервативные лозунги из лучших демократических побуждений.

Нельзя, конечно, не замечать, что Уланд эклектически соединял прогрессивно-просветительские тезисы с консервативно-романтической аргументацией, апеллирующей к сохранению и возрождению в новых исторических условиях традиционных форм национальной жизни. Но недоверие к упрощенно трактуемому прогрессу, когда за таковой выдаются лишь чисто технические усовершенствования и беспощадная внешняя ломка разных сфер общественной жизни, отличают не одного только Уланда, но, скажем, и Гете, и Шиллера, и многих других писателей не только в Германии. После Июльской революции 1830 года во Франции политическая программа Уланда все больше сближается с революционным демократизмом, включая в себя такие

требования, как свобода печати, политических союзов и организаций, всеобщее вооружение народа на случай необходимости защиты конституционных прав от посягательств со стороны короля и правительства, требование разоружения и роспуска армии Вюртемберга, а также отказа от милитаристской политики в поддержку Пруссии. До конца жизни Уланд был настроен резко антипруссски, выступая в таком духе во Франкфуртском парламенте 1848 года.

Сама обстановка для политической деятельности в Германии 1810—1820 годов была весьма неблагоприятной — вслед за падением Наполеона началась эпоха социальной и политической реставрации пошатнувшегося феодального режима, который на протяжении XIX века лишь постепенно сдавал свои многовековые господствующие позиции. Постоянное разрушение романтических и демократических идеалов и иллюзий и в то же время отсутствие всяких реальных возможностей поставить вместо них что-либо другое — это то небольшое пространство, на котором в основном сосредоточена поздняя лирика Уланда. Когда верх брала горечь разочарования, возникали стихотворения вроде «Странствия» (1834), которое по своей направленности и даже сюжетно предварило в некотором отношении замечательную поэму Гейне «Германия». Когда же усилием воли в редкие моменты поэту удавалось потеснить пессимизм, то возникали стихи вроде «На мосту Бидассоа» или «Бертран де Борн», оставлявшие место для веры в лучшее будущее.

Позитивную опору в жизни Уланду давали «родные стены»: прожив двенадцать лет в Штутгарте, он вновь вернулся затем в Тюбинген и уже никогда не покидал его на длительное время, ведя углубленные научные занятия — в том числе и в качестве профес-

сора в Тюбингенском университете. Его деятельность в сфере изучения средневековых европейских литератур ближе всего сопоставима с деятельностью братьев Гримм. В историю филологии вошли его работы «О старофранцузском эпосе» (1812), «Вальтер фон дер Фогельвейде» (1822), первое научно комментированное собрание «Старых верхне- и нижненемецких народных песен» (1844—1845) и многие другие. Уланд постоянно испытывал свои силы и как драматург. И все же в истории мировой литературы он остался прежде всего поэтом.

Сегодня очевидно, что, несмотря на широкую популярность при жизни, поэзия Уланда доходила до своего читателя в неполном виде: около половины своих стихотворений он никогда не публиковал, посмертно они были опубликованы лишь в 1898 году. При этом не вызывает сомнения, что иные рукописные стихотворения Уланда по своим достоинствам не только не уступают произведениям, отобраным самим поэтом в сборник «Стихотворения», но и превосходят многие из них. Видимо, Уланд при отборе стихотворений для печати проводил довольно строгую самоцензуру, что было вызвано, во-первых, оглядкой на вкус своих читателей, а во-вторых, воздействием абстрактно-теоретических представлений о «романтической поэзии» как о «предчувствии бесконечного». Все это несколько затрудняет путь Уланда к современному читателю, хотя многие его глубоко поэтические творения прочно вошли в немецкие хрестоматии, хотя на его родине и по сей день звучат его песни.

Для русского читателя Уланд неразрывно и многими нитями связан с историей русской поэзии. Первые переводы его стихотворений в России были сделаны еще В. А. Жуковским в 1816 году. Очевидно, Жуковский познакомился с творчеством Уланда в Дерпте, куда стал часто наезжать с 1815 года, после того как

там поселились А. Ф. Войеков и близкое поэту семейство Протасовых. Лично знавший Жуковского К.-К. Зейдлиц сообщает, что в Дерпте Жуковский впервые познакомился с творчеством многих немецких поэтов, которые были «целы или с восхищением читаны» в кругу его близких. Хотя нет оснований, вслед за Зейдлицем, утверждать, что Жуковский лично был знаком с Уландом, тем не менее в октябре 1821 года он посетил Штутгарт, что отмечено в его дневнике, и там же упоминается привлекавшая его внимание вюртембергская конституция. Наряду с балладами Гете, Шиллера, Бюргера, Жуковский замечательно перевел некоторые баллады Уланда. Это «Роланд-оруженосец», «Плавание Карла Великого», «Старый рыцарь» и другие.

В 1832 году в журнале «Телескоп» было опубликовано стихотворение Л. Уланда «Весеннее успокоение» в переводе Ф. Тютчева. В 1843 году в «Отечественных записках» появился перевод Н. Огарева «Слова старца». Еще позднее начинает переводить Л. Уланда М. Л. Михайлов, оставивший десять стихотворений из этого поэта и считавший, что из немецких романтиков «только в Уланде заметно стремление к... безыскусственности». В последующие годы к переводам из Уланда обращаются Ю. В. Жадовская, Д. Мин, Ф. Б. Миллер, П. Вейнберг, А. Фет и другие. В XX веке следует особо отметить интерес к Л. Уланду у А. Блока и М. Волошина. В дореволюционной России стихотворения Уланда дважды печатались пусть и небольшими, но отдельными книжками. В советское время поэзия Уланда отдельной книгой выходит впервые.

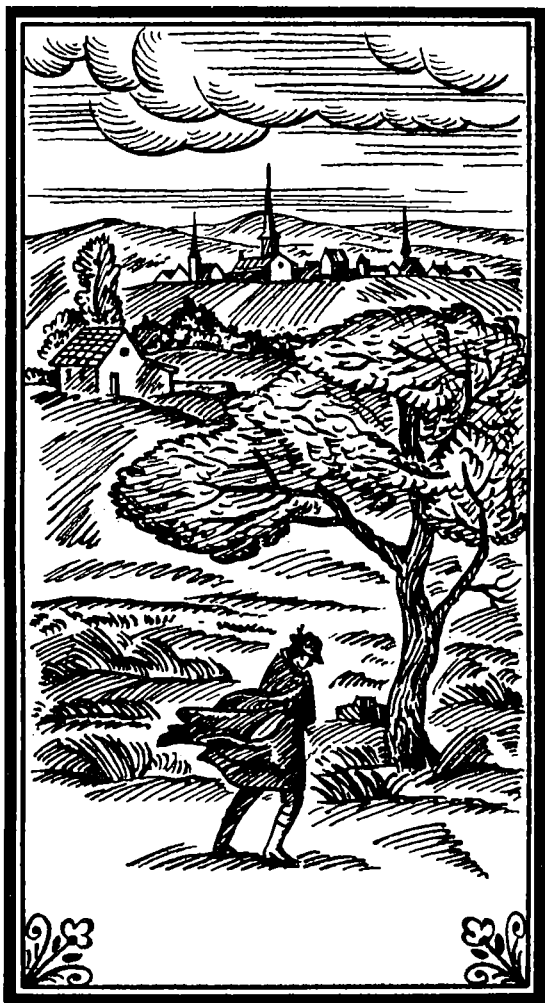
Поэт-демократ, человек цельный и чистый, до конца своей жизни не утративший веру в конечное торжество возвышенных идеалов — «добра, красоты и правды» — и всегда черпавший вдохновение из неис-

сякающих родников народной поэзии, замечательный мастер романтической баллады, Уланд предстает сегодня перед нами в этом небольшом сборнике как в старых русских переводах и переложениях, так и в работах советских поэтов-переводчиков, среди которых следует особо отметить заслуги Вильгельма Левика. Пусть читатель вновь откроет для себя и оценит незамутненный мир романтической поэзии, донесенный до нас из глубин немецкой и отечественной старины.

А. Гугнин

1803 ~ 1813

ТРЕТЬЯ ЭЛЕГИЯ

Глух к современности и от седых фюлиантов
в восторге,
Днем я и ночью витал в вечноблаженных мечтах;
Слушал я стоны ветров в луною залитых руинах,
И вызывал я к себе духов прошедших времен.
Только когда меня Лина волшебной улыбкой
коснулась,
Вмиг погрузился я в сон — в будущий век золотой.

СМЕРТЬ ВИТЯЗЕЙ

Мечом датчан отброшен швед к своим
Морям лихим.
Гремит обоз, лучи луны горят
На стали лат.
И тихо умирают под луной
Прекрасный Свен и Ульф, седой герой.

С в е н

Отец мой, Норны меч меня сразил
Во цвете сил.
Уж не голубить матери моей
Красы кудрей.
Моя возлюбленная тщетно взор
С высокой башни бросит на простор.

У л ь ф

Они во сне, в полночный горький час,
Вдруг узрят нас!
Непадолго! К ним злая весть придет
И сердце разобьет.
На пире Одина тогда она
С улыбкою подаст тебе вина.

С в е н

Я подбирал слова прекрасных рун
Под рокот струн.
О королях, героях лет былых
Мой ведал стих.

А ныне арфа выпала из рук,
Стов ветра только робко будит звук.

У л ь ф

Отца всесильного, горд и высок,
Блестит чертог.
Сияют звезды там, небес лазурь
Не знает бурь.
Там ждет нас среди пращуров покой —
Вот это перед смертью воспой!

С в е н

Отца, ведь Норны меч меня сразил
Во цвете сил.
Следами битв геройских не горит
Мой бранный щит.
Двенадцати богов ужасен суд —
Они на пир меня не позовут.

У л ь ф

Из ратных подвигов зачтется, сын,
Тебе один.
Ты отчие пределы защищал
И храбро пал.
Враги бегут! Взгляни за окоем!
Сияет небо! Мы туда идем!

СЛЕПОЙ КОРОЛЬ

Зачем бойцам дружин пришлось
Взойти на брег морской?
Зачем, в венце седых волос,
Средь них король слепой?
Он в горестной кручине,
На посох опершись,
Воскликнул — и в пустыне
Отозвался высь:

«Отдай, отдай мне дочку, вор,
Мне песнь ее сладка,
Ты заточил в подземье гор
Отраду старика!
Ее от пляски скоро
Измыслил ты схватить —
Не смыть тебе позора,
Мне горя не избыть!»

Злодей явился над холмом,
Неистов и силен,
И богатырским кладенцом
О щит ударил он:
«Тебе ведь верно служит
Все воинство твое?
Что ж твоя дочка тужит?
Кто бьется за нее?»

Не вышел ни один боец
Из сомкнутых дружин,
И горько рек король-слепец:
«Ужель я здесь один?»
Тут к отческой деснице
Сын рвется, как в огне:
«Дозволь, отец, сразиться,
Довольно сил во мне!»

«Мой сын, твой недруг так могуч,
Кто устоит в борьбе?
Но ты и молод и кипуч
И сила есть в тебе!
Я меч хранил для сына,
Заветный меч, он твой!
А коль падешь, пучина
Возьмет меня с собой!»

Челнок сокрылся за волпой,
И весла не слышны.
Напряг свой слух король слепой,
Мир полон тишины.
Но вот вдали глухие
Удары слышит он,
И клики боевые,
И муки смертной стон.

И тут старик затрепетал:
«Скажи мне, чей там стон?
Мой меч, я звук его узнал,
Издав победный звон».
«Повержен похититель,
В его крови земля!
Хвала тебе, Отмститель,
Сын славный короля!»

Возник челнок в дали морской,
Плеск и журчанье волн.
Вновь вслушался король слепой:
«Я знаю, близок челн!»
Все в радости великой,
Сын возвращает меч.
У Гунхильд светлоликой
Струятся кудри с плеч.

Возликовал седой слепец,
Дружине крикнул он:
«Сладка мне старость наконец,
Теперь мой гроб почтен!
Пусть ляжет меч со мною
Во гроб, меня храня!
Дочь вольная слезою
Оплачет всласть меня!»

ВЕНОК

Цветочки пестрые весной
Девчонка на лугу рвала,
И вдруг из чащи из лесной
К ней Дева подошла.

И нежно молвила она,
Вплетая в косы ей венок:
«Носи, придет твоя весна —
И расцветет он в срок!»

Когда девчонка подросла
И слез потоки под луной
В томленье сладостном лила —
Возник бутонов рой.

Когда ее всю ночь сжимал
В объятьях ласковых жених —
Венок всю благоухал,
Он был в цветах живых.

Дитя баюкала она,
Лия поток нежнейших слов,—
В венке ее была видна
Гроздь золотых плодов.

Когда навек могильный прах
Сокрыл любимого черты —
Кой-где торчали в волосах
Увядшие листья.

И к ней явилась смерть в свой срок,
Белы уста, дыханья нет.
Но чудо: на власах венок —
А в нем и плод, и цвет.

УТЕШЕНИЕ

Светит месяц; на кладбище
Дева в черной власянице
Одинокая стоит,
И слеза любви дрожит
На густой ее реснице.

«Нет его; на том он свете;
Сердцу смерть его утешна:
Он достался небесам,
Будет чистый ангел там —
И любовь моя безгрешна».

Скорбь ее к святому лику
Богоматери подводит:
Он стоит в огне лучей,
И на деву из очей
Милость тихая нисходит.

Пала дева пред иконой
И безмолвно уповапья
От пречистыя ждала...
И душою перешла
Неприметно в мир свиданья.

ПАСТУХ

Пастух погожим летним днем
Гнал стадо под стеной дворца,
Принцесса думала о нем,
Вдыхая без конца.

«Ах, если б только я могла
Сойти к тебе, любезный друг!
Как шерсть овец твоих бела,
Как все цветет вокруг!»

В ответ ей молвит пастушок:
«Сойди ко мне, любезный друг!
Румяней не встречал я щек,
Белей не видел рук».

И утро каждое с тех пор
Сюда он стадо гнал свое
И, к замку устремляя взор,
Все ждал и ждал ее.

«Принцесса, свет моей души!» —
Вот все, что вымолвить он мог,
И слышал в утренней тиши:
«Прости, мой пастушок».

Прошла зима, и вновь цветет
Под солнцем вешняя земля,
Но пастушка никто не ждет
У замка короля.

«Принцесса, свет моей души,—
Зовет он,— выйди на порог!»
И слышит в гробовой тиши:
«Прощай, мой пастушок!»

ОТРЕЧЕНИЕ

Кто садами вдаль стремится,
Звездным светом осиян?
Счастьем близким ли томится?
Ночи ль мил ему обман?
То арфист! Спустился он
К башни каменной подножью,
Где не гаснет небосклон,
Тронул струны с робкой дрожью:

«Внемли, дева, в выси чистой,
Я пою тебе одной,
Веет дымкою лучистой
Детства радость надо мной!
Этот час застиг меня
На пути — уйду с зарею,
К замку, что взрастил меня,
Не скользну ночной порою...

Как от свеч светло в покое,
Где вдвоем нам не бывать,
Где за пышный пир с тобою
Радостно садится зпать!
Как учтиво мечут взоры,
Как алкают наслажденья,
Странны им любви укоры,
Чужды детства повеленья!

Робкий сумрак, озарися!
Сень лесная, воссияй!
Я сейчас в волшебной выси,
Детства мне открылся рай!
Ты над лугом, тихо вея,
Легкими приди стопами,
Приласкай дитя, о фея!
Одари меня цветами!

Время быстро промелькнуло,
Только память необорна;
Словно радуга сверкнула,
Осветила облак черный.
Сладостная боль жива —
Память это сохранила;
Молви мне все те слова!
Или детство позабыла?»

Сердце у певца стеснилось,
Он промедлил под стеной...
Вдруг сверкнуло, покатилося —
И звучит над муравой:
«Вот колечко, мой ответ!
Помни детство золотое!
Это камень-самоцвет,
Он горит моей слезою!»

КОРОЛЬ НА БАШНЕ

Объяты дремучею мглой, предо мной
Долины и горы лежат в тишине.
Все спит; ветерок не приносит ночпой
Ни звука страданья ко мне.

Заботой о счастья всех удручен,
Я в думах сидел и за кубком вина.
Луной озарен голубой небосклон...
Душе моей воля нужна!

Торжественной жизни полны небеса,
В мерцании звездных таинственных рун;
Мне слышатся дивные там голоса
При тихом бряцании струн.

Мой глаз отуманен, и волос мой сед;
Оружие праздно висит на стене;

Дела мои правы, и прав мой совет...
Пора успокоиться мне!
О, что же ты медлишь, желанный покой?
Возьми меня, вечная почь, и умчи
Туда, где слышнее хор песни святой,
Звездные ярче лучи!

ПЕСНЯ БЕДНЯКА

Куда мне голову склонить?
Покинут я и сир;
Хотел бы весело хоть раз
Взглянуть на божий мир.

И я в семье моих родных
Когда-то счастлив был;
Но горе спутник мой с тех пор,
Как я их схоронил.

Я вижу замки богачей
И их сады кругом...
Моя ж дорога мимо их
С заботой и трудом.

Но я счастливых не дичусь;
Моя печаль в тиши;
Я всем веселым рад сказать:
Бог помочь! — от души.

О щедрый бог, не вовсе ж я
Тобою позабыт;
Источник милости твоей
Для всех равно открыт.

В селенье каждом есть твой храм
С сияющим крестом,

С молитвой сладкой и с твоим
Доступным алтарем.

Мне светят солнце и луна;
Любуюсь на зарю;
И, слыша благовест, с тобой,
Создатель, говорю.

И знаю: будет добрым пир
В небесной стороне;
Там буду праздновать и я;
Там место есть и мне.

ПЕВЕЦ У ОДРА УМИРАЮЩЕЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Дай к стопам твоим
Наяву
Преклонить мне свою главу,
Вечножеланная!
Чтобы белых волос поток
За собою меня увлек,
Чтобы бледная длань твоя
На плечо мне, дрожа,
Легла,
Чтобы грусть твоих глаз
Плыла
Синевою в мои глаза,
Чтобы щеки мои,
Светла,
Окропила твоя слеза.

Вслушайся
В звуки струнные,
В грусти напевы лунные.

Посмотри, за окном весна!
Благостный свет весны!
Ты слышишь, мой друг, и я
Песню весны пою!

В тихий сад ночной порою
Приведет любовь с собою
Милую ко мне.
Погляди, снега цветенья
От сердечного томленья
Тают, как в огне.
Но кто там, как в саван белый
Обряжец, оцепенелый,
Бродит в вышине?

То она, взойдя над миром,
Грустно царствует в тиши,
Как луна над полем сирым,
Светит в ночь моей души.
Глаз ее голубизна
До глубин просветлена,
А улыбка, как цветок,
Озаряет бледность щек.

Не гуди так громко, ветер,
Дай услышать, что она
Мне поет в минуты эти!
Хоть на миг замри, волна!
Словно тихое лобзанье,
Льется слов ее звучанье —
Скорбно-сладкая струна.

Ты плачешь, любимая?
Не сдерживай слез, плачь!
Цветущие слезы — это
Цветение наших душ.

Разве она не прекрасна,
Наша с тобой весна?

Я когда-то впадал в отчаянье
И, склонясь на ночное ложе,
Желал одного — умереть.
Но я не умер, я жив.
Слез могучей волною
Я к жизни был
Возвращен.

Свет звезды, как бальзам,
Лился на сердце мне
И сверкал и играл
На гитарной струне.

По горящим моим щекам
Слезы катились
Небесной росой,
Песней печали
Изливалась моя душа.
И священные звезды
Внимали ей, сострадавая.

Любимая моя, благодарю
За те часы, когда я к алтарю
Твоей любви души своей горенье
Нес трепетно — прими благодаренье:
За эту грусть, за эту жажду дали,
За эту чашу счастья и печали.

На королевском шумном пиру
Песню свою
Я однажды спою.
Девам прекрасным,

Юпошам страстным
Сердца заветный тайник отпору.
Любовь буду петь я,
Вечную песнь любви.
И тогда меня спросит
Прекраснейшая из дев:
Скажи, меж каких деревьев,
Где, вдоль каких берегов
Бродит, цветы собирая,
Возлюбленная твоя?
У какой из хижин она
Вечерами тебя поджидает?

Вот она парит под облаками,
Теплыми несомая ветрами
Между звезд, цветущих в вышине,
Сердцем помышляя обо мне.
В час, когда весь мир вокруг стихает,
Вестник верный, сон с высот слетает,
С плеч моих снимает тяжесть дня
И уносит в светлый мир меня.
Там в увитых песнями аллеях
Бродим мы, любовь свою лелея.

Любимая, о, как сияет твой взор,
 к небесам вознесенный!
Что видишь ты там, чему
Внимает твой слух восхищенный?
Чувством стремлюсь за тобою,
 предвосхищая
Радость грядущую,
Вечность блаженную...
О, как за это предчувствие
Я благодарен тебе!
Неужели и он погаснет,
Твой пророческий взор?

Звучи все нежней, все слаще,
Мелодий немолчный хор!
Надежней ее укутай
Вечною тишиной,
Накрой ее пеленой
Вечного полусна!

Что ищете вы так жадно
Трепетные персты?
Замолчки, пение струн!
Медленно умолкает
Прощальная песнь
Души.
Созвучиям наших чувств
Хочу я внимать,
Склоняясь
К устам твоим и груди.
Волны дыхания,
Трепетность рук,
Сердец пылающих стук!

МОНАХ И ПАСТУХ

М о н а х

Зачем спешишь ты одинок
И грустно смотришь вдаль?
Скажи, открой, мой пастушок:
О чем твоя печаль?

П а с т у х

Ох, я грущу все об одном:
Увял мой бедный луг,
Нигде цветочка нет на нем
И мрачно все кругом!

М о н а х

Забудь печаль, мой юный друг:
Как сон она пройдет —
С весною твой любимый луг
Роскошной расцветет.
Но видишь крест? Там иногда
Я плачу о былом:
Не расцветет он никогда
На холме гробовом!

ЧАСОВНЯ

Там часовня на вершине.
Жутко, страшно все кругом,
А внизу пастух в долине
Распевает над ручьем.

Грустно сверху звон несется,—
Похоронный мрачен хор,
А пастух-дитя смеется
И поет на склоне гор.

Там несут тех к жизни вечной,
Кто в долине кончил путь;
И тебе, пастух беспечный,
Там спуют когда-нибудь.

ЗАМОК У МОРЯ

«Ты видел замок, в море
Глядящий с утесов крутых,
Весь в легком, прозрачном уборе
Из тучек золотых?»

Хотел бы он склониться
Играющим волнам на грудь,
Хотел бы в тучах скрыться,
В вечерней заре потонуть...»

«Я видел замок, в море
Глядящий с крутизны.
Над ним я видел и зори
И в небе — серп луны».

«А весел был грохот прибоя,
Был звучен гул ветров?
Был радостен в мирных покоях
Шум празднеств и пиров?»

«Нет, волны в море спали,
Спал ветер крепким сном,
Лишь кто-то в глубокой печали
Пел песню за окном».

«Бродил ли по сводчатым залам
Король с королевой своей?
Ты видел их в бархате алом,
В венцах из заморских камней?»

Была ли дочь их с ними,
Сияла ли юной красой,
Очами голубыми
И золотою косой?»

«Нет, были родители в горе,
Наряд их ничем не блистал.
Я видел их в черном уборе,
Но дочери я не видал».

СМЕРТЬ ОТРОКА

«В том темном лесу нет дороги прямой!
Поплатишься, отроче, жизнью самой!»
«На небе господь мой, он светоч огня,
Он в темном лесу не оставит меня».

Спускается отрок в дремучий овраг,
У ног его падают воды во мрак,
Шумит и волнуется черный лес,
И солнечный луч в облаках исчез.

В лесу том угрюмый разбойничий скит;
На отрока юная дева глядит:
«О, горе! так молод еще и пригож,
Зачем ты долиною смерти идешь?»

Убийцы толпою бегут из дверей,
В ладони лицо она прячет скорей,
Убили его и добро унесли,
Остался лежать он в кровавой пыли.

«Где солнце, где звезды? Где, господи, ты?
К кому мне взывать из моей темноты?
Ах, дева, небесная дева-краса,
Возьми мою душу с собой в небеса!»

ГОРНЫЙ ПАСТУХ

Я на горах пасу стада;
Внизу чуть видны города.
Здесь раньше солнышко встает
И позже вечер настает.
Я сын свободных гор!

Здесь чистый ключ скалу пробил;
Меня он первого поил.
Рекой он мчится там, в лугах;
А я вмещал его в руках.
Я сын свободных гор!

Мне горы — родина и дом.
Гроза ль кругом, гремит ли гром,
Шипит ли молния змеей,
Не заглушить им голос мой.
Я сын свободных гор!

В грозу под солнцем я стою;
Она ревет, а я пою.
А разовлится — крикну ей:
«Не тронь ты горных шалашей!»
Я сын свободных гор!

Когда ж ударят вдруг в набат
И вспыхнет где одна из хат,
Я вмиг туда! Топор в руках,
И та же песня все в устах:
Я сын свободных гор!

МЕЧТА

Привольно двоим влюбленным
В прекрасном юном саду
Сидеть на ковре зеленом
У всех цветов на виду.

Не зная чужой печали,
Не ведая боли чужой,
Друг друга они целовали
И жили одной душой.

Но вот это чудо-веселье
Спугнул колокольный звон:
Она была заперта в келье,
Он в башне был заточен.

БЛАЖЕННАЯ СМЕРТЬ

Я страсти нежной
Не вынес, умер.
В ее объятьях
Был погребен я.
Ее устами
Был воскрешен я.
В ее глазах я
Увидел небо.

СЛОВА СТАРЦА

Ко мне, мое дитя, ты жизнь моя...
Нет, нет! ко мне, дитя, моя ты смерть.
Ведь все, что горько, жизнью зову я,
И все, что сладко, называю смертью.

ТРИ ПЕСНИ

«Споет ли мне песню веселую скальд?» —
Спросил, озираясь, могучий Освальд.
И скальд выступает на царскую речь,
Под мышкою арфа, на поясе меч.

«Три песни я знаю: в одной старина!
Тобю, могучий, забыта она;

Ты сам ее в лесе дремучем сложил;
Та песня: *отца моего ты убил.*

Есть песня другая: ужасна она;
И мною под бурей ночной сложена;
Пою ее ранней и поздней порой;
И песня та: *бейся, убийца, со мной!*»

Он в сторону арфу и меч наголо;
И бешенство грозные лица зажгло;
Запрыгали искры по звонким мечам —
И рухнул Освальд — голова пополам.

«Раздайся ж, последняя песня моя;
Ту песню и утром и вечером я
Греть не устану пред девой любви;
Та песня: *убийца повержен в крови.*»

ПОСВЯЩЕНИЕ

Твои глаза — не утреннее небо,
Уста — не розы,
Руки — не лилеи.
Ах, сколь прекрасной быть весна могла бы,
Когда б такие розы и лилеи
Цвели в долинах и на горных склонах,
И небеса синели бы над нами
Светло и ясно, как твои глаза!

УКРЫВШИЕСЯ

У шумных толп тебя отнять я
Сумел, надежду затая.
И ты лежишь в моих объятьях.
И ты — моя, совсем моя.

И мир — пустынное пустыни,
И нас лишь двое в тишине.
Так бог морской к своей богине
Спешит припасть на темном дне.

Слова, что сказаны тобою,
В душе моей всплывают вновь,
И только ласковой струною
В ночи звенит твоя любовь.
Укрыта тьмой земли безбрежность,
Один мерцает твой ночник,
Да тихо светит наша нежность,
Как малый тайный материк.

МАТЬ И ДИТЯ

М а т ь

Глянь-ка на небо, сынок! Там живет блаженный
твой братец;
Не огорчал он меня — ангелы взяли его.

Д и т я

Чтобы меня никогда от родимой груди не отняли,—
Мама, скажи мне скорей, как мне тебя огорчить!

ЖАЛОБА ПОЭТА

Ты говоришь мне, оживут едва ли
Цветы твои, что рано так увяли
Под ледяным дыханием печали.
Терпи, мой друг! Среди зимы нещадной
Под тяжестью кручины непроглядной
Май расцветет надеждою отрадной.

НОЧЬЮ

На дом умолкший я гляжу:
Средь темноты ночной
Там спит она — и очи ей
Сомкнул давно покой.

Я к небу обращаю взор:
Оно покрыто мглой,—
Но за туманами горит
Там месяц золотой.

ТОЛКОВАНИЕ СНА

Мне приснилось вчера, что во сне я любезную вижу;
Что же увидел я днем? только цветы на окне.
Нынче мне снилось, что вижу цветы на окне
у любезной:
Ну, так наверно теперь с нею увижусь самой.

ПОБЕДИТЕЛЬ

Сто красавиц светлооких
Председали на турнире.
Все — цветочки полевые;
А моя одна как роза.
На нее глядел я смело,
Как орел глядит на солнце.
Как от щек моих горячих
Разгоралось забрало!
Как рвалось пробиться сердце
Сквозь тяжелый, твердый панцирь!
Светлых взоров тихий пламень
Стал душе моей пожаром;
Сладкошепчущие речи
Стали сердцу бурным вихрем;
И она — младое утро —
Стала мне грозой могучей;
Я помчался, я ударил —
И ничто не устояло.

ПАСТУШЬЯ ПЕСНЯ

Зима, зима лихая!
Как мал и тесен свет!
Ни в хатах, ни в долинах —
Нигде простору нет!

Иду ли мимо дома,
Где милая живет,—
Ее не видно: окна
Покрыл узорный лед.

Прижму ли к сердцу руки
И перейду порог —
Она сидит, не взглянет:
Отец суров и строг.

О лето золотое!
Широк с тобою свет!
На верх ли гор взберешься —
Ограды взору нет.

Когда с зеленой выси
Мне милая видна,
Зову — и зов мой слышит
Вдали она одна.

Когда сидим, целуясь,
Мы на горах вдвоем,
Мы никому не видны —
И видим все кругом!

ХОРОШИЙ ТОВАРИЩ

Был у меня товарищ,
Вернейший друг в беде.
Труба трубила к бою,
Он в ногу шел со мною
И рядом был везде.

Вот пуля просвистела,
Как будто нас дразня.

Мне ль умереть, ему ли?
Он, он погиб от пули —
Часть самого меня.

Упал, раскинув руки,
Объятья мне раскрыв,
И не обнимет боле...
Но пусть лежишь ты в поле,
Мой друг,— ты вечно жив!

УМЕРШАЯ ЛЮБОВЬ

Для радостей рожденные впервые,
Зарю любви небесной мы встречали,
Уста твои не знали слов печали,
И обжигали взоры огневые.

Лаура, соки жизни кочевые
Неутомимо в грудь мою стучали,
О сне и думать я не мог вначале:
Забудусь — и виденья как живые!

Нам жизнь немало посылала знаков
Любви, по на ответ мы были скупы,
А ведь и я любил, и ты любила!

Молчу теперь, обоих нас оплакав,—
Лаура, мы любви умершей трупы,
Нас жизнь, лишенная любви, убила.

ЕЛЕНА

Жуткою фурией зваться войн богиня должна ли?
Глубже причину ищи! Разве не в яблоке блажь?

ХОЗЯЙКИНА ДОЧЬ

Три парня по Рейну держали свой путь,
К знакомой хозяйке зашли отдохнуть.

«Дай пива, хозяйка, вина принеси,
Красавицу дочку к столу пригласи!»

«Я пива подам и вина вам налью,
Но в саван одела я дочку мою».

И в горницу входят они не дыша.
Лежит там во гробе девица-душа.

Один покрывало откинул с лица,
И смотрит, и мог бы смотреть без конца.

«Ах, если б увидеть могла ты меня,
Тебя полюбил бы я с этого дня!»

Другой покрывалом закрыл ее вновь,
Заплакал, свою провожая любовь.

«Как рано ты божий покинула свет!
Тебя ведь любил я, любил столько лет!»

И третий покровы откинул опять,
И мертвые губы он стал целовать.

«Тебя я любил и прощаюсь, любя,
И буду любить до могилы тебя!»

РАЗВАЛИНЫ

Странник! Не бойся среди этих развалин забыться
дремотой:
 Может, твой сон воссоздаст их в первобытной красе.

УТЕС ТЕЛЛЯ

Вот и утес, где сошел на берег Телль дерзновенный,
 Памятник вечный себе лучник бесстрашный воздвиг.
 Но не часовню, не храм, где мессу поют ежегодно,—
 Неколебимой скалой, камнем застыл человек:
 Мнится, одною ногой на землю ступил он святую,
 Барку другой оттолкнул прочь в неприютную даль.
 Не сотворенный резцом из бронзы или гранита,
 Виден он лишь одному духу свободных людей.
 И чем свирепей ветра, чем страшней завывание бури,
 Тем величавей герой над беспредельностью волн.

ЛОДКА

Шумят за лодкой волны,
 А на борту безмолвны
 Не склонные к беседе
 Случайные соседи.

Но вот сидящих рядом
Обвел охотник взглядом,
И рог из сумки вынул,
И тишину раздвинул.

Другой с дорожной трости
Свинтил кольцо из кости,
И стала трость свирелью —
К немалому веселью!

И дева, что сначала
Застенчиво молчала,
Не усидев на месте,
Запела с ними вместе.

Гребцы, заслыша деву,
Взмахнули в такт напеву
Рядами весел плавных
Под гром мелодий славных,

Простились на причале
И разошлись в печали:
«Когда же снова будем
Мы петь хорошим людям?»

МАРТОВСКАЯ НОЧЬ

Слышишь! бушует ли буря или набухшие реки?
Сладко до дрожи душе! Милая близко весна!

СОН

Заснув на холме луговом,
Вблизи большой дороги,
Я унесен был легким сном
Туда, где жили боги.

Но я проснулся наконец
И смутно озирался:
Дорогой шел молодой певец
И с пеньем удалялся.

Вдали пропал за рощей он —
Но струны все звенели.
Ах! не они ли дивный сон
Мне на душу напели?

МЩЕНИЕ

Изменой слуга паладина убил:
Убийце завиден сан рыцаря был.

Свершилось убийство ночью порой —
И труп поглощен был глубокой рекой.

И шпоры и латы убийца надел
И в них на коня паладинова сел.

И мост на коне проскакать он спешит:
Но конь поднялся на дыбы и храпит.

Он шпоры вонзает в крутые бока:
Конь бешеный сбросил в реку седока.

Он выплыть из всех напрягается сил:
Но панцирь тяжелый его утопил.

ЗАМОК В ЛЕСУ

Замок есть в глуши лесной,
Полон чудесами,
Без дверей и окон он
И зарос кустами.

Там красавицы, таясь,
Издали кивают —
В диких розах ветерок
Легкий пробегает.

Миннезингеры поют,
Соревнуясь, в залах,—
Хор синиц и соловьев
И дроздов удалых.

Черных рыцарей толпа
С гиком просвистела —
Стая воронов лихих
В поле улетела.

НОЧНОЙ РЫЦАРЬ

В тихий час безлунной ночи
Тут стоял он под алтаном,
Пел с гармонией небесной
Песнь любви под звон гитары.

Вдруг соперника он встретил
И сразился с ним отважно;
Искры сыпались с мечей их,
Стены вторили ударам.

Долг он рыцаря исполнил
На служенье знатной даме,
И во мне любовь проснулась
К дорогому незнакомцу.

Рано утром я сегодня
Посмотрела вниз с алтана:
От него лишь кровь осталась,
За меня им пролитая.

СЕРНА

Охотник через горный луг
Спешил за быстрой серной
И девушку увидел вдруг,
И конь споткнулся верный.

Что стало с добрым скакуном —
Повреждено копыто?
Что приключилось со стрелком? —
Погоня позабыта!

А серна продолжает бег,
Летит в траве зеленой! —
Опомнись, о тебе навек
Забыл стрелок влюбленный!

СУДЬБА

О да, судьба! Тебя я понимаю:
Не этим миром счастье мне дано.
Лишь в грезах поэтических свободно
Цветет оно. Ты шлешь мне боль и муку,
Чтоб песнями потом воздать за них.

СТАРЫЙ РЫЦАРЬ

Он был весной своей
В земле обетованной
И много славных дней
Провел в тревоге бранной.

Там ветку от святой
Оливы оторвал он;
На шлем железный свой
Ту ветку навязал он.

С неверным он врагом,
Нося ту ветку, бился,
И с нею в отчий дом
Прославлен возвратился.

Ту ветку посадил
Сам в землю он родную
И часто приносил
Ей воду ключевую.

Он стал старик седой,
И сила мышц пропала;
Из ветки молодой
Олива дровом стала.

Под нею часто он
Сидит, уединенный,
В невыразимый сон
Душою погруженный.

Над ним, как друг, стоит,
Обняв его седины,
И ветвями шумит
Олива Палестины;

И, внемля ей во сне,
Вдыхает он глубоко
О славной старине
И о земле далекой.

ПРОПАВШИЙ ОХОТНИК

Граф тропами скачет глухими
С охотниками своими,
Камнем средь царства лесного
Пометив, где встретиться снова.

Когда рога зазвучали,
Граф первым умчался в дали,
И бросились в дебри лесные
Охотники остальные.

У камня встретились к ночи,
Охотиться нет больше мочи;
Там встретились, где расстались;
Лишь графа недосчитались.

Опять рога зазвучали.
Вернуться, мол, не пора ли?
Костер во тьме всколыхнулся,
Однако граф не вернулся.

Сто лет с тех пор миновало,
Охотников как не бывало;
Нет графа того в помине,
Лишь камень стоит поныне.

ПРЕДЧУВСТВИЕ СМЕРТИ

Что ощущают люди, умирая?
Никто не объяснит, не скажет вслух,
Но сердца стук сегодня странно глух,
Не знаю, доживу ли до утра я.

Мой дух, отчаясь, мечется у края
Обрыва — мой спокойный, твердый дух! —
На миг взметнулся и опять потух:
Свечу надежд колеблет почь сырая.

Как! я в плену у тягостного сна?
Одуматься и жить велит весна,
Ликует жаворопок, солнце встало.

Знать, ангел смерти пролетел вдали:
Цветы, что вечером еще цвели,
Теперь к земле склоняются устало.

КОЛЬЦО

Росистым светлым лугом
Шел рыцарь в тишине;
Владела мысль супругом
О красавице жене.

«Колечко! Тебе известна
Земной любви цена.
Колечко! Поведай честно:
Верна мне моя жена?»

Колечко соскользнуло,
Нет, спрыгнуло с перста
И в мокрой траве блеснуло,
Как видно, неспроста.

Колечко покатилося,
Сверкая невзначай,
И все вокруг золотилось,
Попробуй, мол, поймай!

Заметив проблеск нежданный,
Там, где блестит роса,
С добычей этой странной
Взмыл сокол в небеса.

Но братья прилетели
На проблеск тот поглядеть,
Все соколы хотели
Колечком завладеть.

Бой завязался тщетный;
Увидел рыцарь тогда:
Упал залог заветный,
Над ним сомкнулась вода;

Там было рыбок немало
Колечком привлечено;
Чуть-чуть оно поблистало
И кануло на дно.

«Колечко! Тебе катиться
Приятно среди цветов.
Колечко! Тобой прельститься
Каждый сокол готов.

Колечко! Тебя ловило
Множество рыб со дна.
Так что же ты мне явило?
Как ты, мне верна жена?»

ТРИ ЗАМКА

Приверженный родному краю,
Там на три замка я взираю,
И я, певец благополучный,
Чей путь привычный, но не скучный
Пролег и в поле и в дубраве,
О них умалчивать не вправе.

Но первый среди них едва ли,
Пожалуй, замком бы назвали;
Он позабыт не без причины;
Остались от него руины,
Лесною скрыты глухоманью,
Людскому чуждые вниманью.
Окрестности красой не блещут,
В лицо густые ветки хлещут;
Топор тебя встречает стуком,
Рог — одиноким гулким звуком;
Услышать можно там поныне
Весть о разрушенной твердыне.
Ты посиди на камне мшистом
В сиянье бледном, но лучистом:
Легенда при луне без зова
Душе твоей предстать готова.

Второй, соседям не в обиду,
Похож на замок только с виду;
Приметен замок этот горный
В сиянье солнца, как дозорный;
Глаз не сведешь ты с древних башен,
За рвом как будто враг не страшен;
Ворота с мраморными львами
Знакомы, видно, с торжествами,
Но двор — картина запустенья,
Там только сорные растенья;
Ров пуст, нет никого на страже;
Ни компат нет, ни лестниц даже;
Плющ эти стены оплетает,
И в окна птица залетает.
Там прежде сиживал на троне
Властитель в золотой короне;
Скакал оттуда в битву конник,
О ком гласят страницы хроник;
Спят в древнем склепе властелины,

Нет больше доблестной дружины;
Осиротели своды зала,
И в замок молния попала;
Сгорели пышные покои,
Где прежде тешились герои;
Внутри сокровище сгорело,
Однако все снаружи цело;
Пресекся славный орден знати,
И запустенье было кстати,
Но как бессмертен знатный конник,
О ком гласят страницы хроник,
Так и с большого расстоянья
Видны на башнях изваянья;
И не одно столетье мимо
Пройдет, пока неколебимо
Стоять он будет, как дозорный,
На солнце, замок этот горный.

А между ними замок третий
Стоит, не зная лихолетий;
Стоит не на вершине горной,
И на холме ему просторно;
Не в дебрях мрачных и суровых —
Стоит среди дерев плодовых,
Сияя всеми кирпичами,
Как будто солнышко лучами.
Он для преданий слишком тесен
И слишком юн еще для песен;
Но я певец благополучный,
Чей путь привычный, но не скучный
Ведет в леса, туда, где звучный
Напев, надеюсь, возвещает,
Как замок мой меня прельщает.
Так я брожу с моею лютней,
И в мире замка нет уютней,
Чем тот, где с Клелией моею

Всем сердцем уповать я смею,
Что замок маленький не тесен,
Когда живет в нем столько песен
И где на свет родятся были
О том, как с нею мы любили.

РЫЦАРЬ РОЛЛОН

Был удалец и отважный наездник Роллон;
С пайкой своей по дорогам разбойничал он.
Раз, запоздав, он в лесу на усталом коне
Ехал, и видит, часовня стоит в стороне.

Лес был дремучий, и был уж полуночный час;
Было темно, так темно, что хоть выколи глаз;
Только в часовне лампада горела одна,
Бледно сквозь узкие окна светила она.

«Рано еще на добычу,— подумал Роллон,—
Здесь отдохну»,— и в часовню пустынную он
Входит; в часовне, он видит, гробница стоит;
Трепетно, тускло над нею лампада горит.

Сел он на камень, вздремнул с полчаса и потом
Снова поехал лесным одиноким путем.
Вдруг своему щитоносцу сказал он: «Скорей
Съезди в часовню; перчатку оставил я в ней».

Посланный, бледен как мертвый, назад прискакал.
«Этой перчаткой другой завладел,— он сказал.—
Кто-то нездешний в часовне на камне сидит;
Руку он всунул в перчатку и страшно глядит;

Треплет и гладит перчатку другой он рукой;
Чуть я со страха не умер от встречи такой».

«Трус!» — на него запальчиво Роллон закричал,
Шпорами стиснул коня и назад поскакал.

Смело на страшного гостя ударил Роллон:
Отнял перчатку свою у нечистого он.
«Если не хочешь одной мне совсем уступить,
Обе ссуди мне перчатки хоть год поносить»,—

Молвил нечистый; а рыцарь сказал ему: «На!
Рад испытать я, заплатит ли долг сатана;
Вот тебе обе перчатки; отдай через год».
«Слышу; прости, до свиданья»,— отвечивал тот.

Выехал в поле Роллон; вдруг далекий петух
Крикнул, и топот коней поражает им слух.
Робость Роллона взяла; он глядит в темноту:
Что-то ночную наполнило вдруг пустоту;

Что-то в ней движется; ближе и ближе; и вот
Черные рыцари едут попарно; ведет
Сзади слуга в поводах вороного коня;
Черной попопой покрыт он; глаза из огня.

С дрожью невольной спросил у слуги паллади:
«Кто вороного коня твоего господин?»
«Верный слуга моего господина, Роллон.
Ныне лишь парой перчаток расцелся с ним он;

Скоро отдаст он иной, и последний, отчет;
Сам он поедет на этом коне через год».
Так отвечав, за другими последовал он.
«Горе мне! — в страхе сказал щитоносцу Роллон.—

Слушай, тебе я коня моего отдаю;
С ним и всю сбрую возьми боевую мою:
Ими отныне, мой верный товарищ, владей;
Только молись о душе осужденной моей».

В ближний пришед монастырь, он приору сказал:
«Страшный я грешник, но бог мне покаяться дал.
Ангельский чин я еще недостоин носить;
Служкой простым я желаю в обители быть».

«Вижу, ты в шпорах, конечно, бывал ездоком,
Будь же у нас на конюшне, ходи за конем».
Служит Роллон на конюшне, а время идет;
Вот наконец совершился ровнехонько год.

Вот наступил уж и вечер последнего дня;
Вдруг привели в монастырь молодого коня:
Статен, красив, но еще не объезжен был он.
Взять дикаря на узду подступает Роллон.

Взвизгнул, вскочив на дыбы, разъярившийся конь;
Грива горой, из поздрей, как из печи, огонь;
В сердце Роллона ударил копытами он;
Умер, и разу вздохнуть не успевши, Роллон.

Вырвавшись, конь убежал, и его не нашли.
К ночи, как должно, Роллона отцы погребли.
В полночь к могиле ужасный ездук прискакал;
Черного, злого коня за узду он держал;

Пара перчаток висела на черном седле.
Жалобно охнув, Роллон повернулся в земле;
Вышел из гроба, со вздохом перчатки надел,
Сел на коня, и как вихорь с ним конь улетел.

ГАРАЛЬД

Перед дружиной на коне
Гаральд, боец седой,
При свете полных луны
Въезжает в лес густой.

Отбиты вражьи знамена
И веют и шумят,
И гулом песней боевых
Кругом холмы гудят.

Но что порхает по кустам?
Что зыблется в листьях?
Что налетает с вышины
И плещется в волнах?

Что так ласкает, так манит?
Что нежною рукой
Снимает меч, с коня влечет
И тянет за собой?

То феи... в легкий хоровод
Слетелись при луне.
Спасенья нет; уж все бойцы
В волшебной стороне.

Лишь он, бесстрашный вождь Гаральд,
Один не побежден:
В нетленный с ног до головы
Булат закован он.

Пропали спутники его;
Там брошен меч, там щит,
Там ржет осиротелый конь
И дико в лес бежит.

И едет, сумрачно-уныл,
Гаральд, боец седой,
При свете полная луны
Один сквозь лес густой.

Но вот шумит, журчит ручей —
Гаральд с коня спрыгнул.
И снял он шлем и влаги им
Студеной зачерпнул.

Но только жажду утолил,
Вдруг обессилел он;
На камень сел, поник головой
И погрузился в сон.

И веки на утесе том,
Главу склоня, он спит:
Седые кудри, борода;
У ног копьё и щит.

Когда ж гроза, и молний блеск,
И лес ревет густой,—
Сквозь сон хватается за меч
Гаральд, боец седой.

БЕЗОТРАДНАЯ ВЕСНА

Я помню вас, пусть сердце отстрадало,
Блаженной юности мечты святые;
Тогда души моей ростки живые
Весна, едва повеяв, пробуждала.

Она капелью голос подавала,
Звала умчаться в дали голубые;
Печали, словно почки налитые,
В игре листвы бесследно растворяла.

Зато теперь, низвергнутый с вершины,
Блаженства близости навек лишенный,
Совсем иные вижу я картины.

К чему теперь мне эта зелень луга,
Фиалки смятой запах благовонный
И в роще дрозд — один на всю округу?..

ЗАВЕЩАНИЕ

В дни рыцарства — такие ходят слухи —
Поэт-воитель пал на поле брани,
Весь стрелами исколот и изранен,
Он к другу обратился в час разлуки:

«Оставь меня, мои избыты муки,
Лишь сердце не бросай на поруганье,
Спрячь в урну, окропи росой ранней
И урну передай любимой в руки!»

Любимая! с тобою разлученный
И я умру — из раны кровь сочтется,
Смерть настигает бедного поэта.

Когда ж уйдет певец, тобой плененный,
Жди — и в окошко сердце постучится
В сосуде сладкозвучного сонета!

ПЕТРАРКЕ

О, если правду нам поведал ты
О ясном взоре, о небесном нраве
Лауры (кто же усомниться вправе,
Что подлинно чисты ее черты?),

О, если, точно ангел с высоты,
Она очам твоим предстала въяве,
Чужая дальней, суетливой славе,
Бегущая людской неправоты,—

Боюсь, поэт, что, мир покинув хмурый,
Ты все равно не встретился с Лаурой:
Такой и в смерти места нет нигде.

Она летит к надзвездной, вышней сфере,
А ты один на золотой звезде
По-прежнему вздыхаешь о потере.

РОЛАНД ОРУЖЕНОСЕЦ

На званый пир созвал князей
Могучий Карл однажды.
Там ели, славили друзей
И не терпели жажды.
Гостями полный, тронный зал
Огнями яхонтов сверкал
И золотой посудой.

Но молвил франков господин:
«Увы, все камни эти
Отдать я рад бы за один,
Единственный на свете.
У великана на щите
Он ярко светит в темноте
Глухих лесов арденнских».

Архиепископ Жан Тюрпен,
Аймон, рубака дерзкий,
Милон д'Англанд и граф Гарен,
Граф Рихард, Раймс Бавьерский,
Оставив кубки, поднялись,
Сошли, в доспехи облеклись,
Коней седлать велели.

Тогда Роланд, Милонов сын,
Воскликнул: «Мой родитель!
Пусть лют и страшен исполин,
А я — плохой воитель,
Пусть молод я для славных сеч,—
Позвольте только щит и меч
Мне понести за вами».

И вскоре, съехав со двора,
Все шесть в Арденны мчатся.
Но вот и лес, и тут пора
Товарищам расстаться.
Роланд вослед отцу спешит.
Он рад нести копьё, и щит,
И тяжкий меч героя.

Заходит солнце, лунный свет
Им светит в дебрях спящих,
А великана нет как нет
Ни на горах, ни в чащах.
Лишь на четвертый день прилет
Отец Роланда на часок
В тени густого дуба.

Роланд не спит. Но что зажглось
В дремучей глухомани?
Тревожно стал и смотрит лось,
Бегут в испуге лани.
И мальчик видит: вдалеке,
Неся, как солнце, щит в руке,
Страшилище шагает.

Роланд подумал: «Ну и жуть!
На что такие твари?
Ужель не дать отцу вздремнуть
Из-за подобной хари!

Ни добрый конь его не спит,
Ни острый меч его, ни щит,
И сын его не дремлет».

Он опоясая мечом,
Наточенным для боя.
Он взял копьё и за плечом
Приладил щит героя.
Потом, отцовский сон храня,
Вскочил тихонько на коня,
Тихонько прочь отъехал.

И вот скалы достиг Роланд
И слышит смех страшили:
«Неужто хочет этот франт
Пытать со мною силы?
Твой меч длинней, чем ты, малыш.
Копьё поднимешь — сам слетишь,
И щит тебя раздавит».

Роланд вскричал: «Молчи, дурак,
Не торопись глумиться!
Коль щит велик, то знает всяк —
Удобней им закрыться.
Коль всадник мал, так конь высок,
Слаба рука — остер клинок,
Одно другому в помощь».

Метнул дубиною гигант
В настырного мальчишку,
С конем отпрянул вбок Роланд,
Чтоб не набило шишку.
Хотел копьём пронзить врага,
Но дивный щит на три шага
Копьё назад отбросил.

Тогда Роланд свой меч извлек,
Обидой раззадорен.
Гигант взялся за свой клинок,
Но был он не проворен.
А тот присел, да неспроста:
Рубнул врага из-под щита
И враз оттяпал руку.

С рукой и щит отсек Роланд,
И страх объял верзилу:
В щите сверкавший бриллиант
Давал владельцу силу.
Хотел он щит поднять, но в бок
Роланд вонзил ему клинок,
И он на землю рухнул.

Роланд за чуб схватил и снес
Башку у супостата.
Рекою хлынув на утес,
Кровь потекла вдоль ската.
И вырвал из щита Роланд
Добытый с бою бриллиант
И любовался камнем.

Он спрятал свой волшебный клад,
Потом к ручью спустился,
Смыл кровь и пыль с меча и лат
И сам водой умылся.
Потом назад поехал он,
Туда, где, погруженный в сон,
Лежал отец под дубом.

Лег рядом и заснул Роланд,
Отца не потревожа.
Но меркнет день — и граф д'Англапт
Вскочил с лесного ложа,

«Вставай, мой сын, вставай скорей!
Пора садиться на коней,
Мы слишком долго спали».

И граф торопит жеребца,—
Пустынный путь неведом.
Роланд с оружием отца
Спокойно едет следом.
И вот пред ними та скала,
Где битва грозная была,
И тело в луже крови.

Роланд глядит издалека
И мыслит: «Что за чудо?
Где голова и где рука?
Кто их унес отсюда?
А где копьё и меч его?
Где щит? Где панцирь?» Ничего!
Есть лишь обрубок тела.

Граф тоже начал размышлять:
«Что ж это за громада?
Ты погляди, какая статья!
Дуб, видно, был что надо.
Но это великан и есть!
Проспал д'Англиант победы честь!
Позор, позор навеки!»

У входа в ахейский дворец
Сам Карл стоял в печали.
«Где ж все герои, наконец?
Совсем они пропали.
Но кто там скачет?.. То Аймон!
А что на пике держит он?
Не голову ль гиганта?»

И впрямь, то герцог был вдали.
Подъехал. Взмахом пики
Добычу, всю в крови, в пыли,
Швырнул к ногам владыки:
«Я голову нашел в кустах,
А дальше в двадцати шагах
Я увидел и тело».

Тюрпен примчался как шальной,
Перчатку наземь кинул,
Из той перчатки, с меч длиной,
Смеясь, ручищу вынул:
«Вот вам свидетельство мое!
Уже отрубленной ее
В чапыжнике нашел я».

А герцог Раймс, тот ко двору
С другой приехал данью:
«Глядите, я нашел в бору
Дубицу великанью.
Весь пропотел, пока волок.
Теперь бы в самый раз глоток
Хорошего рейнвейна».

Граф Рихард вовсе шел пешком.
А конь, как будто спьяна,
Шатаясь, меч тащил паячком
И панцирь великана.
«Кого дорога не страшит,
Найдет в лесу копьё и щит,—
Я уж не мог забрать их».

Но скачет граф Гарен на сход,
На графе щит — с ворота.
«С кем щит, тот камень уж везет,
Того и вся работа!»

«Да, щит привез я, господа,
Но камня нету и следа,—
Меня опередили».

Последним едет граф Милон.
Конь — словно тянет лямку.
Его не погоняет он,
Не поспешает к замку.
За ним Роланд везет копьё,
Копьё отца, а не свое,
И щит отца тяжелый.

Но только въехали во двор,
Где все их ждут в смущенье,
Он со щита — ведь как хитер! —
Срывает украшение
И в щит вставляет камень свой —
Венец добычи боевой,
Горящий солнцем камень.

И Карл, увидев бриллиант,
Выходит им навстречу.
«Спасибо, граф Милон д'Англапт,
За доблестную сечу!
Ты нам сокровище добыл,
Ты великану отрубил
И голову и руку!»

Но граф, оборотясь назад,
Глядит, глазам не веря:
«Откуда, сын, ты так богат?
Кто спиб лесного зверя?»
«Простите, мой отец, но я,
Пока вы спали у ручья,
Прикончил грубияпа».

ХИРСАУ

В монастырских кельях тесных
Пятьдесят монахов пишут,
Пишут книги день-деньской,
И слова сказаний честных
И гравюры жизнью дышат
То духовной, то мирской.

Самый старей и почтенный
Светлой истины хранитель
Пишет: «Войско Сатаны
Подожгло святые стены
И разрушило обитель
На седьмом году войны».

ПЕСНИ СТРАННИКА

1. ПРОЩАНИЕ

Проблеск дня, первый проблеск дня!
Вот он, день печали...
Поцелуй, поцелуй меня!
Свидимся едва ли.

Мне цветок, мне сорви цветок,
Душу пусть мне греет!
Знаю, в срок, плод созреет в срок,
Без меня созреет.

2. ПРОЩАНИЕ-РАССТАВАНИЕ

Настало расставанье,
Разлука впереди;
Прильнула на прощанье
Ты вновь к моей груди.

Такое расставанье
Как хочешь назови.
Возможно ли прощанье
В объятиях любви?

3. В ДАЛЬНОЙ ДАЛИ

Хотел отдохнуть я в лесном краю
И слышал, как пели птицы.
Поете вы мне про любовь мою,
Которую в сердце я таю,
Так, значит, ей нет границы?

Хотел отдохнуть я там, где поток
Струится в цветах, сверкая.
Откуда ты взялся, милый цветок?
Неужто тебя, дорогой залог,
Послала моя дорогая?

4. УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ

Еще молчат колокола,
И в долах сумрачная мгла
Не предвещает света.

Дубрава дремлет в тишине,
Щебечут птицы лишь во сне;
Нет страннику привета.

А я в пути за часом час;
Сложить успел я песнь для вас,
И вот она пропета.

5. НОЧНОЙ ПУТЬ

В крошечный мрак я мчусь верхом,
Не видно звезд в краю глухом,
Лишь слышен посвист бури;
Здесь часто прежде я скакал,
И ветерок меня ласкал
В сияющей лазури.

Вот сад, где гнутся деревья,
С которых падает листва,
Но пронюхнул я мимо;
Я помню: розы там цвели,
Когда, не чувствуя земли,
Гуляли мы с любимой.

Нет больше роз в холодной мгле,
Лежит любимая в земле,
Лишь буря завывает;
В крошечный мрак я мчусь верхом;
Гуляет вихрь в краю глухом
И плащ с меня срывает.

6. ЗИМНИЙ ПУТЬ

Исчезли пешеходы,
Почуввав холода;
Остановились воды,
А я в пути всегда.

Небесные светила
Утрачивают свет;
Любовь моя почила,
И счастья больше нет.

Судьба в разлуке с нею
К жилью меня ведет;
Там руки отогрею,
А сердце — вечный лед.

7. ОТЪЕЗД

Я этот город покидаю,
Один пускаюсь в дальний путь;
При этом я не ожидаю,
Что загрустит хоть кто-нибудь.

Не провожала в путь-дорогу
Меня ревнивая тоска;
Плащ не разорван, слава богу,
И не укушена щека.

Никто не сетовал, как видно,
И не лишался ночью сна;
Все хорошо, но мне обидно,
Что не грустила и она.

8. ПРИСТАНИЩЕ

В гостинице я побывал,
А гости там нередки;
Сулило сладостный привал
Мне яблоко на ветке.

Хозяйка-яблоня ждала,
Как видно, посещения;
Поесть мне яблоня дала;
Нет слаще угощенья.

Крылатых множество гостей
На ветках пировало,

Делилось радостью своей
И песни распевало.

Листву зеленую клоня
Над благодушной ленью,
Укрыла яблоня меня
Своей прохладной тенью.

Не стоил мне приют в тени
При этом ни полушки;
Хозяйку, господи, храни
От корня до верхушки.

9. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Молю: не подломись, мосток!
Утес, не будь ко мне жесток,
Не рушья ты, не падай, небосвод!
Меня возлюбленная ждет.

МЕЧ ЗИГФРИДА

Был Зигффрид юным смельчаком,
Решил покинуть отчий дом.

Наскучило в родном дому,
Хотелось видеть мир ему.

Встречал он рыцарей — у всех
Отличный конь, стальной доспех,

А у него лишь палка есть,—
Ну как тут постоять за честь!

И раз он брел лесной тропой
И видит кузню пред собой.

Пылает горн, шумит огнем,
Металл кипит и ходит в нем.

«Кузнец, кузнец! Хоть на три дня
Возьми в помощники меня,

Наставь меня и научи
Ковать хорошие мечи!»

Как бухнул молотом герой —
Вбил наковальню в грунт сырой.

Лесная загудела даль,
В осколки раздробило сталь,

Но крепок был один кусок,
И вышел меч остер, широк.

«Теперь сковал я добрый меч,
Теперь никто мне не перечь!

И смерть врагу, кто б ни был он —
Хоть великан или дракон!»

ПЛАВАНИЕ КАРЛА ВЕЛИКОГО

Раз Карл Великий морем плыл,
И с ним двенадцать пэров плыло,
Их путь в святую землю был;
Но море злилося и выло.

Тогда Роланд сказал друзьям:
«Деруся я на суше смело;
Но в злую бурю по волнам
Хлестать мечом плохое дело».

Датчанин Гольгер молвил: «Рад
Я веселить друзей струнами;
Но будет ли какой в них лад
Между ревущими волнами?»

А Оливьер сказал, с плеча
Взглянув на бурных волн сугробы:
«Мне жалко пового меча:
Здесь утонуть ему без пробы».

Нахмуясь, Ганелон шепнул:
«Какая адская тревога!
Но только б я не утонул!..
Они ж?.. туда им и дорога!»

«Мы все плывем к святым местам! —
Сказал, крестясь, Тюрпин-Святитель.—
Явись и в пристань по волнам
Нас, грешных, проведи, Спаситель!»

«Вы, бесы! — граф Рихард вскричал,—
Мою вы ведаете службу;
Я много в ад к вам душ послал —
Явите вы теперь мне дружбу».

«Уж я ли,— вымолвил Наим,—
Не говорил: нажать нам горе?
Но слово умное глухим
Есть капля масла в бурном море».

«Беда! — сказал Риоль седой,—
Но если море не уймется,
То мне па старости в сырой
Постеле нынче спать придется».

А граф Гюи вдруг начал петь,
Не тратя жалоб бесполезно:
«Когда б отсюда полететь
Я птичкой мог к своей любезной!»

«Друзья, сказать ли вам? ей-ей! —
Промолвил граф Гварин, вздыхая,—
Мне сладкое вино вкусней,
Чем горькая вода морская».

Ламберт прибавил: «Что за честь
С морскими чудами сражаться?
Гораздо лучше рыбу есть,
Чем рыбе на обед достаться».

«Что бог велит, тому и быть! —
Сказал Годафруа.— С друзьями
Я рад добро и зло делить;
Его святая власть над нами».

А Карл молчал: он у руля
Сидел и правил. Вдруг явилась
Святая вдалеке земля,
Блеснуло солнце, буря скрылась.

ВЕСЕННИЕ ПЕСНИ

1. ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ

Упоительных струн дуновенье,
Пробудившись, польется волной,
Следом песни весны молодой,
И фиалок начнется цветенье.

2. ВЕЯНЬЕ ВЕСНЫ

Ароматные в липах дыханья
Пробудились, спешат их шептанья,
День и ночь, колыхаясь, струиться;
Упоительно свежи их звуки.
Позабудь, сердце бедное, муки —
Все должно, все должно измениться!

С каждым часом все краше на свете,
Чего ждать, и не знаешь! В расцвете

Почки сиятся пышно раскрыться,
Вся в цветах глубь забытой долины.
Позабудь, сердце, горе, кручины —
Все должно, все должно измениться!

3. ВЕСЕННЕЕ УСПОКОЕНИЕ

О, не кладите меня
В землю сырую —
Скройте, заройте меня
В траву густую!

Пускай дыханье ветерка
Шевелит травую,
Свирель поет издалека,
Светло и тихо облака
Плывут надо мною!..

4. ВЕСЕННИЙ ПРАЗДНИК

Золотой весенний день,
Благодать господня!
Может быть, сложу я песнь
Лучшую сегодня?
Но не лучше ли сейчас
Просто веселиться?
Нужно в праздник отдыхать
И в душе молиться.

5. ПРИХОД ВЕСНЫ

Зелень нивы, рощи лепет,
В небе жаворонка трепет,
Теплый дождь, сверканье вод,—

Вас назвавши, что прибавить?
Чем иным тебя прославить,
Жизнь души, весны приход?

6. ВЕСЕННЕЕ УТЕШЕНИЕ

Зачем бояться мрачной прозы,
Когда в шипах алеют розы?

7. ГРЯДУЩАЯ ВЕСНА

Беспечно расцветая,
Приходит в срок весна;
Тебе весна святая
При этом суждена;
И здесь она блистала,
Пленив твои мечты,
Но там она настала,
И там же будешь ты.

8. ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ РЕЦЕНЗЕНТА

На дворе весна, согласен;
Все в порядке, вероятно;
Признаюсь, гулять приятно:
Теплый воздух не опасен.

Вот и аист и касатка.
Так и падо, так и надо!
Для меня цветенье сада
Тоже сладко, тоже сладко.

Небо ясное лазурно,
Пойте, жаворонки, смело.
Ты старайся, Филомела!
Светит солнышко не дурно.

Извещаю всех заранее,
Кто меня встречает в поле:
Я люблю гулять на воле
С клейстовской весной в кармане.

ДОН МАССИА

Доп Массиа из Кастильи,
По прозванию Влюбленный,
В Архоньинской башне плакал
О подруге незабвенной.
За богатого вельможу
Она выдана недавно,
А певец за верность к милой
Заключен в тюрьму бесславно.
За решеткой там певал он,
Так что путники внимали,
Так что листья под окошком,
Внемя песням, трепетали.
Трубадуры ли ей пели
Или ветры доносили,
Только все поэта песни
До прекрасной доходили.
Но за пею строгим оком
Наблюдал супруг суровый.
«Долго ль будешь ты мне страшен,
И закованный в оковы?»
Вот, надев свои доспехи,
На коня супруг садится,
Скачет в дальнюю Гренаду,
К Архоньинской башне мчится.
В это время за решеткой
Трубадур Массиа юный
Пел любовь свою так сладко,
Ударял так звонко в струны.

И, с седла привставши, пику
В грудь Массии изверг кинул;
С песней сладостной, как лебедь,
Мир земной поэт покинул.
И, победой восхищенный,
Едет в замок муж ревнивый,
Горе, изверг! Нет поэта,
Но его все песни живы.
По Испании те песни
Всюду посятся, летают:
Всем пленяют слух, убийцу ж,
Словно гарпии, терзают.
Часто он в разгульном пире,
Слыша песни, вдруг бледнеет;
Часто в полночь, пробужденный
Звуком их,дохнуть не смеет.
Всюду в городе, в долинах
Слышит звуки роковые
И, как духи, слух терзают
Песни сладкие Массии.

ТАЙЛЕФЕР

Герцог Вильгельм Норманнский слугам своим сказал:
«Чьи это звонкие песни оживляют мой двор и зал?
Кто так прекрасно может мелодию вести?
От этих песен сердце смеется в моей груди!»

«Это слуга Тайлефер, он любит петь на дворе,
Когда из колодца воду вытаскивает в ведре,
Или когда он в зале растапливает печь,
Поет он и на рассвете, и прежде чем ночью лечь».

Герцог сказал на это: «У меня хороший слуга,
Добрый и верный Тайлефер, моя честь ему дорога,

Он носит воду, и в замке моем всегда тепло,
И поет он так славно, что на душе светло».

Сказал Тайлефер: «Если свободу даруешь мне,
Служить тебе буду и пешим, и на лихом коне,
Еще звончее я буду на поле брани петь
И мечом чеканным о вражьих щиты звенеть!»

Вот уже едет Тайлефер в поле с мечом и щитом,
Он — на коне высоком, в наряде своем боевом.
Тайлефер из башни замечен герцогскою сестрой.
Она сказала: «Там скачет, видно, славный герой!»

Когда он ехал с песней мимо девичьего окна,
Она звучала то тихо, то так, что дрожала стена.
Сестра сказала: «В песне, я слышу, бушует шквал!
Никто еще чувств подобных во мне не пробуждал».

Герцог Вильгельм собрался как-то в большой поход,
В Англию с войском храбрым он воевать плывет.
Увидев берег, он прыгнул, руками землю обнял:
«Англия, земля саксов, узнаешь меня!» — сказал.

И вот норманнов войско уже готово в бой.
Герцог Вильгельм увидел Тайлефера перед собой.
«Немало лет я честно пел и огонь ворошил,
Немало лет я песней тебе и мечом служил».

Тебе в благодарность, герцог, работал я и пел,
Но полностью свои чувства выказать не успел:
Сегодня час мой пробил — вот я перед тобой,
Дозволь мне сегодня первым броситься в жаркий бой».

И вот уже Тайлефер норманнов всех впереди,
Конь под ним высокий, меч и щит на груди,

Над полем Гастингса брашным песня звучит
слышней —
О Роланде отважном, о рыцарях прежних дней.

Песнь о Роланде над полем, как дикий шторм,
пронеслась,
Отвага в сердца норманнов и в мускулы их влилась.
Рыцари гордо скачут, ратников сомкнут строй,
Ведет их певец и работник, Тайлефер, могучий герой.

Сошлись два славных войска, Тайлефер вперед
помчал.
И в первой же грозной схватке английский
рыцарь упал,
Для нового удара Тайлефер взмахнул мечом,
И тут же рыцарь английский уснул беспробудным
сном.

Норманны это видят и смело вступают в бой,
Врываются в гущу вражью, разламывают их строй.
Стрелы гудят и копыя, звон от мечей стоит!
Английское войско разбито, и смелый Гаральд убит.

Вильгельм Норманнский знамя на поле битвы воткнул,
Среди окровавленных трупов лагерь свой развернул,
И вот уже он пирует, наполнив чашу вином,
Английская корона сверкает ярко на нем.

«Мой храбрый Тайлефер! Хочу я выпить с тобой!
В меня своим пенем часто ты радость вселял
и покой,
Но на поле Гастингса бранном спел ты еще сильней,
Эту песнь не забуду я до последних дней».

ВЕСНОЙ

Когда под бурь пенстовых степаля
В ознобе зимнем вся земля застыла,
Душа мечту заветную хранила —
Услышать мая легкое дыханье.

И сквозь листы призывное шептанье,
Как дивный сон, весна к себе манила,
Восторг и страсть она во мне будила —
Венеры спящей мнились очертанья.

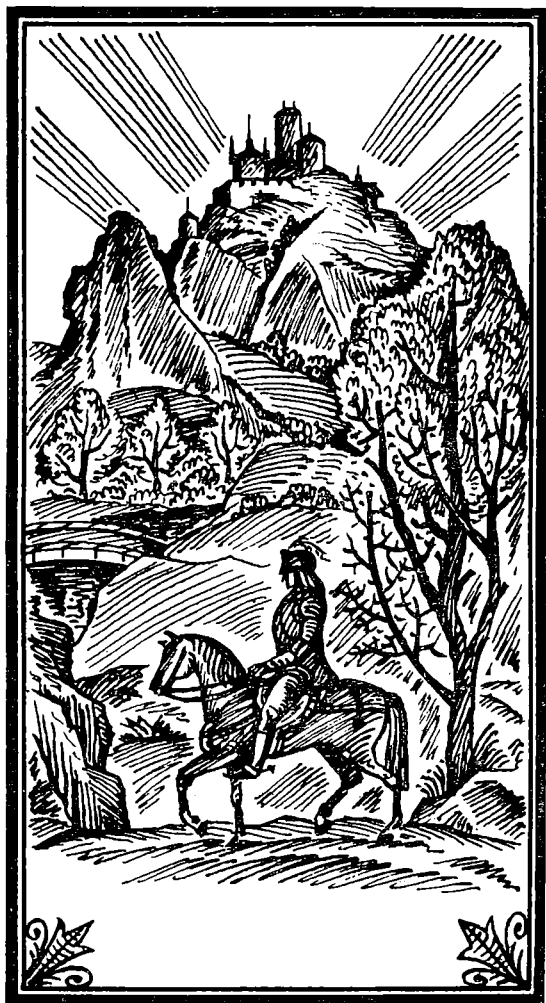
Спустился май в цветущие долины
Роскошней, чем в мечтах моих заветных,
Но где любовью тканые картины?

Во всех цветах, растущих у дороги,
В весенних далях, праздничных и светлых,
Я небо вижу, но исчезли боги...

1814 ~ 1862

К РОДИНЕ

К тебе, отчизне обновленной,
Устремлена мечта моя!
Надеждой новой окрыленный,
Твою свободу славлю я.

Ты кровью истекла в сраженье.
О, сколько пало жертв святых!
Теперь найдешь ли утешенье
В моих мелодиях простых?

ВПЕРЕД

Дальше, дальше и вперед,
Так Россия нас зовет:
Вперед!

Слышит Пруссия: вперед!
И другим передает:
Вперед!

В мощи, Австрия, воспрянь!
За свободу с нами стань,
Вперед!

Ты, саксонский древний край,
Поднимись и выступай!
Вперед!

Вы, баварцы, с нами в строй!
Швабы, франки, к Рейну, в бой,
Вперед!

Нидерланды, близок враг!
Крепче меч и выше стяг!
Вперед!

И Швейцария за нас!
Лотарингия, Эльзас!
Вперед!

К нам, Британия, примкни!
Руки братьям протяни!
Вперед!

Дальше, дальше и вперед!
Близок радостный исход!
Вперед!

Зов раздался: «Выступить!»
Дальше, доблестная рать!
Вперед!

ГРАФ ЭБЕРШТЕЙН

Бал в полном разгаре. И блеск и движенье...
Граф Эберштейн пляшет — он весь увлеченье.
И тихо ночь
Уходит прочь.
С ним в паре идет королевская дочь.

Все в беспешом танце по залам кружатся,
Она ж ему шепчет — не может сдержаться:
 «Ты весел, рад,
 Но говорят,
Что в ночь твой замок будет взят».

«Э! — думает граф,— вы любезны так были...
Затем-то на праздник меня пригласили...»
 Граф хмурит взор,
 Спешит во двор
И к замку несется во весь опор.

А к замку, закрыты туманною мглою,
Ползут уж солдаты... Но их под стеною
 Ждет граф. Им он
 Отвесил поклон
И сразу отбил их со всех сторон.

Когда же наутро король сам явился,
Уверен, что замок ему покорился,—
 Взошел на вал...
 Он видит бал —
Сам граф там со свитой своей танцевал.

«Брать замки украдкой, король, не беритесь,
А лучше сперва танцевать научитесь.
 Дочь ваша умней
 И танцует смелей —
Мой замок раскроется только пред ней».

Пир в замке у графа. Бал в полном разгаре.
Граф Эберштейн пляшет — граф нынче в ударе.
 И тихо ночь
 Уходит прочь,
С ним в паре идет королевская дочь.

Все в свадебном тапце по залам кружатся,
И он ей уж шепчет — не может сдержаться:
 «Я так богат,
 И горд, и рад —
В ночь чей-то замок будет взят?!»

ИСПАНСКИЙ СТУДЕНТ

Как-то раз я в Саламанке
Утром по саду гулял
И при песнях соловьиных
У Гомера прочитал,

Как в блистательной одежде
Шла Елена по стенам
И в таком явилась блеске
Илионским старшинам,

Что иной из седовласых
Бормотал там старшина:
«Нет другой тебе подобной,
Богоправная жена!»

Весь я в чтение погрузился;
Вдруг послышалось в кустах
Тихий шепот, чудный голос,
Приводивший сердце в страх.

На соседнем там алтане —
Нет, была то не мечта! —
Как Елена, мне явилась
Неземная красота.

С ней был рядом старикашка,
И — клянусь вам — чудака
Я готов был счесть за старца
Из Троянского кружка.

Да и сам я стал ахейцем,
Подводившим под алтан,
Как под новый город Трои
Для осады ратный стан.

Молвить проще, без метафор,—
С той поры все лето в сад
Каждый вечер с звонкой лютней
Я ходил для серенад.

Пел на все лады и тоны
Про любовь свою, пока
Мне в окно она головкой
Не кивнула раз слегка.

Так с полгода наши ночи
Проводили мы без сна,
Тешась музыкой, спасибо
Глухоте опекуна.

Хоть ревнивец в час бессонный
И вставал порой с одра,
Но ему была не слышна
Лютни звонкая игра.

Но раз ночью — небо страшно
Облеклось в могильный мрак —
Мне она не отвечала
На условленный наш знак.

Лишь беззубую старуху
Песней поднял я от сна,
Лишь седая баба эхо
Отвечала мне одна.

Так исчезла наша прелесть!
Всюду тишь и пустота!
Запустел и сад цветистый,
И все милые места.

Кто она, откуда родом,
Я, увы, не мог узнать:
Мне об этом запретила
Моя прелесть вопрошать.

С той поры ее ищу я
И брожу по городам;
Бросив в сторону Гомера,
Одиссеем стал я сам.

Взял себе в подруги лютню,
И лишь встречу где алтан
Иль окно с решеткой, тихо
Я пою про свой роман.

В городах пою и в селах,
Как в те летни вечера,
Когда пел я в Саламанке
Милой даме до утра.

Но желанного ответа
Не добьюсь еще никак,
Лишь седая баба эхо
Вторит мне в полночный мрак.

АЛОНЗО

Из далекой Палестины
Возвратясь, певец Алонзо
К замку Бальби приближался,
Полный песней вдохновенных:

Там красавица молодая,
Струны звонкие подслушав,
Обомлеет, затрепещет
И с алтана взор наклонит.

Он приходит в замок Бальби,
И под окнами поет он
Все, что сердце молодое
Втайне выдумать умело.

И цветы с высоких окон,
Видит он, к нему склонились;
Но царицы сладких песней
Меж цветами он не видит.

И ему тогда прохожий
Прошептал с лицом печальным:
«Не тревожь покоя мертвых;
Спит во гробе Изолина».

И на то певец Алонзо
Не отвечал ни слова:
Но глаза его потухли,
И не бьется боле сердце.

Как изащным дуновеньем
Ветерок лампаду гасит,
Так угас в одно мгновенье
Молодой певец от слова.

Но в старинной церкви замка,
Где пылали ярко свечи,
Где во гробе Изолина
Под душистыми цветами

Бледноликая лежала,
Всех проник незапный трепет:
Оживленная, из гроба
Изолина поднялася...

От бесчувствия могилы
Возвратясь незапно к жизни,
В гробовой она одежде,
Как в уборе брачном, встала;

И, не зная, что с ней было,
Как объятая виденьем,
Изумленная спросила:
«Не пропел ли здесь Алонзо?..»

Так, пропел он, твой Алонзо!
Но ему не петь уж боле:
Пробудив тебя из гроба,
Сам заснул он, и навеки.

Там, в стране преобразенных,
Ищет он свою земную,
До него с земли на небо
Улетевшую подругу...

Небеса кругом сияют,
Безмятежны и прекрасны...
И, надеждой обольщенный,
Их блаженства пролетая,

Кличет так он: «Изолина!»
И спокойно раздается:
«Изолина! Изолина!» —
Там в блаженствах безответных.

ДАНТЕ

Во Флоренции случилось
Это чудо днем весенним,—
На гулянье шел народ,
Как всегда по воскресеньям,—
То ли райские врата
Распахнулись в горнем свете
И по лугу закружились
Стайкой ангельскою дети?
Под густым навесом лавра
Дапт стоял девятилетний,—
Серафима он узнал
В той, что всех была приветней.
Не шумят ли ветви лавра,
Не звенят ли, точно струны?
Не любовь ли повстречал
В этот миг вздыхатель юный?
Да, любовь! Источник песен
С детства в нем открыло чувство:
Он в сонеты и канцоны
Воплотил свое искусство.
Через много лет опять
Девушкой ее он встретил,—
Дар его расцвел в ту пору
Точно сад, могуч и светел.
Из Флоренции народ
Вновь толпой выходит в поле,
Но звучат на этот раз
Песни горечи и боли.
Гроб с белеющим крестом,
В черном шелке лик девичий,
Беатриче в том гробу,
Неземная Беатриче.
Дант у темного окна,—
Слышит он, как где-то плачет

Похоропный перезвоп,
И лицо в ладони прячет.
Углубляясь в сумрак чащи,
Бродит странник злополучный:
С медью траурной отныне
Песни Данта неразлучны.
Но однажды на безлюдье,
Где скитался он, несчастный,
Подошел к нему посланник
Девы мертвой, но прекрасной.
Данта за руку он взял
И повел по преисподней,
Дабы смолкла боль земная
Перед карою господней!
Наконец на белый свет
Скорбный путь скитальца вывел:
Рай врата ему открыл
И виденьем ошастливил:
Дева шла ему навстречу
С просветленным нежным ликом,
И к светилу всех светил
В упоении великом
Вознеслись они вдвоем,
И смотрел он, как во взоре
Девы юной отражались
Вечные, святые зори.
Он божественным стихом
Обнял все в юдольном мраке,—
Так на скалах вспышки молний
Чертят пламенные знаки.
Нет, педаром наречен
Он божественным навеки:
До небес возвел он чувство,
Вспыхнувшее в человеке!

ПРОКЛЯТИЕ ПЕВЦА

Когда-то гордый замок стоял в одном краю,
От моря и до моря простер он власть свою.
Вкруг стен зеленой кущей сады манили взор,
Внутри фонтаны ткали свой радужный узор.

И в замке том воздвигнул один король свой трон.
Он был угрюм и бледен, хоть славен и силен.
Он мыслил только кровью, повелевал мечом,
Предписывал насильем и говорил бичом.

Но два певца однажды явились в замок тот —
Один кудрями темен, другой седобород.
И старый ехал с арфой, сутулясь на коне,
А юный шел, подобен сияющей весне.

И тихо молвил старый: «Готов ли ты, мой друг?
Раскрой всю глубь искусства, насыть богатством
звук.

Излей все сердце в песнях — веселье, радость,
боль,
Чтобы душою черствой растрогался король».

Уже певцы в чертоге стоят среди гостей.
Король сидит на троне с супругою своей.
Он страшен, как сиянье полярное в ночи,
Она луне подобна, чьи сладостны лучи.

Старик провел по струнам, и был чудесен звук.
Он рос, он разливался, наполнил все вокруг.
И начал юный голос — то был небесный зов,
И старый влился эхом надмирных голосов.

Они поют и славят высокую мечту,
Достоинство, свободу, любовь и красоту,

Все светлое, что может сердца людей зажечь,
Все лучшее, что может возвысить и увлечь.

Безмолвно внемлют гости преданьям старины,
Упрямые вояки и те покорены,
И королева, чувством захвачена живым,
С груди срывает розу и в дар бросает им.

Но, весь дрожа от злобы, король тогда встает:
«Вы и жену прельстили, не только мой народ!»
Он в ярости пронзает грудь юноши мечом,
И вместо дивных песен кровь хлынула ключом.

Смутясь, исчезли гости, как в бурю листьев рой.
У старика в объятьях скончался молодой.
Старик плащом окутал и вынес тело прочь,
Верхом в седле приладил и с ним пустился в ночь.

Но у ворот высоких он, задержав копя,
Снял арфу, без которой не мог прожить и дня.
Ударом о колонну разбил ее певец.
И вопль его услышан был из конца в конец:

«Будь проклят, пышный замок! Ты в мертвой тишине
Внимать вовек не будешь ни песне, ни струне.
Пусть в этих залах бродит и стонет рабий страх,
Покуда ангел мести не обратит их в прах!

Будь проклят, сад цветущий! Ты видишь мертвеца?
Запомни чистый образ убитого певца.
Твои ключи иссякнут, сгниешь до корня ты,
Сухой бурьян задушит деревья и цветы.

Будь проклят, враг поэтов и песен супостат!
Вепцом кровавой славы тебя не наградят,
Твоя сотрется память, пустым растает сном,
Как тает вздох последний в безмолвии ночном».

Так молвил старый мастер. Его услышал бог.
И стены стали щебнем, и прахом стал чертог.
И лишь одна колонна стоит еще стройна,
Но цоколь покосился и треснула она.

А где был сад зеленый, там сушь да зной песков,
Ни дерева, ни тени, ни свежих родников.
Король забыт, он — призрак без плоти, без лица.
Он вычеркнут из мира проклятием певца!

ЖНИЦА

«День добрый, Мария! Так рано уже за работой!
Хоть ты влюблена, а работаешь с прежней охотой.
Попробуй — в три дня за болотом скося луговину.
Клянусь, я в супруги отдам тебя старшему сыпу!»

Так молвил помещик, и, речи услышав такие,
Как птица, забилось влюбленное сердце Марии.
Явилась в руках ее новая чудная сила.
Как пела коса в них, как шумные травы косила!

Уж полдень пылает. Жнецы притомились, устали,
К ручью потянулись, в тени собрались на привале.
Лишь трудятся пчелы, жужжат и не знают покоя.
И трудится с ними Мария, не чувствуя зноя.

Спускается вечер, разносится звон колокольный.
Соседи кричат ей:

«Бросай! На сегодня довольно!»

Прошло уже стадо, и время косцам расходиться.
Но, косу отбив, продолжает Мария трудиться.

Вот звезды зажглись, засверкали вечерние росы,
Запел соловей, и сильнее запахло покосы.
Мария не слушает пенья, без отдыха косит,
Без отдыха косу над влажной травой заносит.

Так ночь миновала, и солнце взошло

пад вселенной.

Не пьет и не ест она, сытая верой блаженной.

Но третьим рассветом просторы зажглись луговые,

И косу бросает, и радостно плачет Мария.

«Здорово, Мария! Скосила? Ну, ты молодчина!

Тебя награжу я богато, но замуж за сына...

Глупышка! Да это ведь в шутку я дал тебе слово.

Как сердце влюбленное сразу поверить готово!»

Сказал и пошел. У Марии в глазах потемнело.

Прилежные руки бессильно повисли вдоль тела.

Все чувства затмились, дыханье пресеклось

от боли.

Такой, возвращаясь, нашли ее женщины в поле.

Текут ее годы в безмолвном, глухом умиранье.

И ложечка меда — дневное ее пропитанье.

О, пусть на лугу на цветущем ей будет могила!

Где в мире есть жница, которая так бы любила!

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПЕВЦА

Почил певец на смертном ложе,

В глазах ни помыслов, ни слез,

И Дафна прикоснулась к коже

Венком бесчувственных волос.

Стихи, что подарил он миру,

На гробе свитками лежат,

Рука привычно держит лиру,

Но струны больше не дрожат.

Глубок могильный сон собрата,

И только песням нет конца,—

Насколько велика утрата,
Впервые попяли сердца.

Прошли года толпой унылой,
Над склепом — кипариса тень.
Все, кто рыдали над могилой,
Спустились в роковую сень.

Но каждый раз порой зеленой
На зависть прошлым временам,
Помолодевший, просветленный,
Певец опять приходит к нам.

Ему по праву жизнь живая,
А не времен минувших прах;
Поэта мертвым называя,
Они живут в его стихах.

ГРАФ ЭБЕРГАРД БОРОДАТЫЙ, ПО ПРОЗВИЩУ БРЮЗГА

* * *

Неужто в землях швабов смолк рыцарский напев
И арфу не тревожат персты прекрасных дев?
А ежели не смолк он, то почему презрел
Высокое предашь старинных ратных дел?

Поют одни потешки и бойкие стишки.
Язвят, кто как умеет, и чешут языки.
Дам прежде прославляли — теперь о них острят,
И норовят героев представить нам без лат.

Граф Эбергард, восстань же из гробового сна!
Пожалуй, Бородатый, к нам, в наши времена!
Не зря же в оны лета Брюзга крушил врага
В теченье целой жизни, а жизнь была долга!

УЖАСНОЕ НАПАДЕНИЕ В ВИЛЬДБАДЕ

Веселым летним утром, под вольным вестерком,
Покинул город Штутгарт, оставил отчий дом
Седобородый рыцарь, граф Эбергард Брюзга —
Легко ступила в стремя иссохшая нога.

С немногими пажами Брюзга пустился в путь.
Не жажда приключений ему волнует грудь:
Он едет в город Вильдбад — там бьет живой родник,
Там молодеет всякий, кто к роднику припик.

В Хирсау у аббатства коней сдержали прыть,
Чтоб мопастырской чашей здесь жажду утолить,—
Под музыку органа вкусили от души
И дальше полупьяно поехали в тиши.

А в городе Вильдбаде есть постоялый двор.
Копье к стене над входом прибито с давних пор.
Здесь Эбергард вкушает покой и сладкий сон.
Родник же посещает с великим тщаньем он.

Раздевшись на камепьях, он наготу свою
С молитвой подставляет под жаркую струю.
Встанет весьма усердно под пенный поток,
Чтоб тот немилосердно окатывал и жег.

Однажды подглядели, как раненый кабан,
Плескаясь в этих струях, избавился от ран.
Тогда родник открыли — и доблестный герой
Припал к нему могучей израненной спиной.

Но вот спешит с известьем смышленный графский паж:
«С горы спустилось войско, покой нарушив наш.
Вожак суров и грозен, и рать его сильна.
А герб, я видел,— роза и морда кабапа!»

«Сынок, подай одежду.— Граф хмурится слегка.—
Намнет кому угодно такая рать бока!
Кабан свиреп и злобен, кровь — на его клыках,
А роза Эберштейна недаром вся в шипах!»

Тут юноша с известьем — из местных пастухов:
«Из дола вверх по круче идет отряд бойцов.
Вожак в блестящих латах от головы до пят.
Три боевых секиры у пояса висят!»

«Так это ж Вуппенштейнер, по кличке Волк Лесной!
Подай-ка мне, пожалуй, и плащ мой меховой.
Я в латах разбираюсь, в секирах знаю толк.
Подай и меч мне тоже. Добычи ищет Волк!

Когда вспугнут девицу, застигнув у воды,
Чтоб с нею порезвиться,— в том нет большой беды,
Но ежели купанье прервут богатыря,
То выкупа запросят два алчных упыря!»

Пастух ответил графу: «Я знаю верный путь,
Как вам от нападения бесстрашно ускользнуть.
Тропу лесную знаю: ни зверь, ни человек,
Ни лошади тем паче там не пройдут вовек».

Сквозь заросли густые пустились напролом.
Сначала граф дорогу прокладывал мечом.
Спасаться бегством было обидней, чем всегда,
Ведь силы подкрепила вильдбадская вода.

То вверх, то вниз по горкам устал герой плутать.
Меча потяжелела внезапно рукоять.
Оперся, как на посох... То круча, то откос...
И на своей горбине пастух его понес.

Подумал старый рыцарь: «Хорош у нас народ.
Он любит на горбине таскать своих господ.
Он к этому занятию приучен с малых лет,
И ничего менять нам не надо всем во вред!»

Живым и невредимым он в Штутгарт прискакал,
Монету отчеканить на память пожелал.
И, пастуху отсыпав полгорстки золотых,
Он людям Эберштейна в насмешку роздал их.

Затем отправил в Вильдбад народ мастеровой,
Чтоб обнести источник надежною стеной,
Чтоб впредь, в иные лета, тому, кто млад душой,
А хочет стать — и телом, здесь не грозил разбой.

КОРОЛИ ИЗ ГОРОДА ГЕЙМЗЕН

Чем славен город Геймзен? В нем трое королей!
Один другого злее, коварней и хитрей.
Лишь распря с Бородатым объединила их,
И тамошним народом владычат на троих.

Втроем сидят на троне и злятся на Брюзгу.
Они в большой обиде и, главное, в долгу.
Старик перехитрил их! Долг красен платежом.
Позор с купальной смоят войной и грабежом!

Едва убит он будет иль попадетя в плен,
Вмиг всякий позабудет, что значит — сюзерен.
Ни ежегодных выплат, ни графского суда —
Вчерашние вассалы свободны навсегда!

Уснули безмятежно пред битвой короли —
Да так, что с петухами подняться не смогли.
Но вот с дозорной башни трубит тревожный рог.
Всё спят они бесстрашно, но сон уже не впрок.

Кипит живое море у городской стены.
Накатывают волны к ним с каждой стороны.
И кони ржут в тумане — и рядом и вдали.
Вставайте же, герои! Вставайте, короли!

Туман сошел — и солнце сияет в небесах.
И королей мгновенно объял великий страх:
Идут на них крестьяне несметною толпой
И едет Бородатый на кляче боевой.

Решила насмерть биться вся троица с врагом
И брызнула в бойницы железом и огнем.
«Хватать меня в купальне? Не знаете Брюзгу!
Да я вас прямо в спальне всех заживо сожгу!»

Под стены крепостные, по манию руки,
Дровишки и солому подносят мужики,
Всё это заливают расплавленной смолой
И тут же поджигают горящею стрелой.

Уж стены задымились, чадит и там и тут.
А те не притомились — подвозят и несут.
Все выше лезет пламя, горит все веселей —
И все ужасней жребий коварных королей.

Но все ж одни ворота граф повелел открыть,
Чтоб мог бы выйти кто-то, кому охота жить.
И что же — в беспорядке попер оттуда сброд?
Нет! вышли церемонно, как будто крестный ход.

Процессию возглавля, во прахе и в пыли,
А главное — в бесславье, предстали короли.
Придворные за ними, бароны и пажы —
Со слугами своими. И граф велел: «Вяжи!»

И граф сказал: «Я смладу брать в битвах верх
привык.
Теперь, однако, надо мне посетить родник.
Как жаль, что Вунненштейнер,
по кличке Волк Лесной,
Вновь избежал позорно свидания со мной».

Один мужик сердечный отвел в сторонку взор,
Хоть только что усердно сам складывал костер:
«Старик-то, Бородатый, выходит, крохобор.
К трем королям четвертый — и в картах перебор!»

КРОВАВОЕ ПОБОИЩЕ ПОД РЕЙТЛИНГЕНОМ

У Ахальма, на круче, орлята гнезда вьют,—
Сын Эбергарда Ульрих обосновался тут.
На Рейтлинген в долину слетают, как с небес,
Чтоб город неповинный с лица земли исчез.

Решили горожане, однако, дать отпор
Тем, кто за пропитаньем привык спускаться с гор,—
Оружье смастерили и на гору пошли —
И всё, что находили, вмиг рушили и жгли.

Узнав об этом, сразу граф Ульрих осерчал:
«Я их еще ни разу, видать, не наказал!»
Плюются от досады герои давних сеч:
Давно бы город надо порушить и пожечь!

Есть церковь посередке меж долом и горой,
За ней — лужок зеленый, на нем и грянул бой.
Вмиг спешились орлята: смутьянов нам не жаль!
Сверкающие латы, заточенная сталь.

А вот и горожане от берега реки
Ведут на поле брани могучие полки.

Стада мычат и блеют — что вдруг за колдовство?
Сейчас не пожалеют: вот только кто кого?

Готова к рукопашной отчаянная рать.
Им убивать не страшно, а страшно умирать.
Одни берут умением, другие — лишь числом.
Но, так или иначе, мы в битве верх возьмем.

Есть в Рейтлингене Цвингер и мощные врата,
Плющом они укрыты, но дверь не заперта.
Теперь и с врат сорвали тяжелые крюки —
И ринулись в сраженье засадные полки.

С оружием наготове ударили в упор
И рыцарскую кровью окрасили простор.
Ужо дубильщик нынче в охотку подубил,
Ужо цирюльник нынче постриг их и побрил!

Они решили: пленных им нынче брать не след —
И на старинных стенах наляпан красный цвет,
Сама река, краснея, течет невесть куда —
И рыцарская слава исчезла без следа.

Не сохранили стяга, и ранен гордый граф.
Кто жив еще покуда — тому не до забав,
Кто в силах шевелиться, тот прыгает в седло,
Чтоб в крепости укрыться погибели назло.

«О всем...» — так стонет рыцарь пред тем,
как умереть.

«О всемогущий» крикнуть — ему уж не успеть.
Граф Ульрих в отступленье вдруг валится с коня —
В то самое мгновенье копчается рензя.

И в Рейтлинген наутро идет прискорбный ход —
Пажи и слуги ищут исчезнувших господ.

У ратуши рядами лежат их господа
И вряд ли встанут сами до Страшного суда.

Растрезанные трупы, числом за шестьдесят,
В огромных лужах крови у ратуши лежат.
Не узнают их слуги... А тот, кто узнает,
Спешит обмыть и в саван одеть своих господ.

Заботясь о героях, увы, в последний раз,
На дрогах, на телегах увозят их сейчас.
У каждого из павших лежит венок на лбу,
И колокол вещает их мрачную судьбу.

Граф Вейсенгейм упрямый на поле первым пал:
Он боевого стяга из рук не выпускал —
И с ним же рухнул наземь... И вот возглавил он
Исход из Рейтлингена под погребальный звон.

За ним три гордых графа пустились в путь втроем —
Фон Тюбинген, фон Цоллерн, фон Шварцберг
под рядпом.
О, граф фон Цоллерн, тело твое лежит в цветах,
А доблестное имя останется в всаках.

Фон Заксенгейм отважный и сын его молодой
Лежат, накрыты маком и лилией лесной.
Недаром бродит призрак в их замке родовом
И в землю укажет провидческим перстом.

Однажды мнимой смертью фон Люстнов удивил
И вдруг, воскреснув ночью, к жене в альков
вступил.
С тех пор его прозвали Покойником. Но вот,
Сражен жестокой сталью, он мертвым к ней идет.

Здесь песня замирает, как безутешный звон.
А если не хватает вам перечня имен,
То к ратуше ступайте и в окна вперьте взор —
Там полный список павших висит с тех самых пор.

Граф Ульрих же, орленок, оправившись от ран,
К отцу поехал, в Штутгарт, где княжил старикан.
Не больно Ульрих рвался к отцову пирогу,
Но все-таки нарвался на старого Брюзгу.

Вдвоём они сидели — без свиты и без дам —
И долго пили-ели, переживая срам.
Вдруг нож в руке у старца. И он, суров и прям,
Вмиг скатерть разрезает меж нами пополам.

РЕШИТЕЛЬНОЕ СРАЖЕНИЕ ПРИ ДЕФФИНГЕ

Обычно на кладбище покой и тишина,
И только песня нищих порою там слышна.
А в Дёффинге иначе — там среди бела дня
Случилась на погосте кровавая резня.

Явились горожане, взъярившись на крестьян,
А те на поле брани взяли за горожан,
И, не жалея пыла, схватилась рать на рать.
Кто рухнет — до могилы, считай, рукой подать.

Граф Эбергард, понятно, — на правой стороне,
Следит за схваткой ратной в испытанной броне.
Вокруг него герои былых победных сеч
За схваткой роковою следят, сжимая меч.

Гонца шлет Вунненштейнер, по кличке Волк Лесной,
Мол, он готов вассалом предстать перед Брюзгой.
Но гордый граф ответил: «Нам это ни к чему.
Монеты мы послали без умысла ему».

Сын графа, юный Ульрих, завидев рать бойцов
Из Рейтлингена, Ульма и прочих городов,
Нехорошо смеется, припомнив прежний срам,—
«Недолго остается свербеть моим рубцам».

К отцу он подъезжает: «Сегодня долг верну.
Мне жить не подобает в отеческом плену.
Есть брезгуешь со мною на скатерти одной,
Зато на поле боя ты выедешь со мной!»

Вмиг спешившись, ступили на мягкую траву.
Сын в полной юной силе, отец подобен льву.
Да и орленок тоже ревет почище льва —
Ведь стать орлом он сможет, лишь долг отдав
сперва.

Но кто это пажами положен на пенек?
Бог смилуйся пад нами! Да чей это сынок?
Ах, молния, попала ты в королевский дуб!
Срубил его под корень жестокий лесоруб!

Но старого героя и это не берет —
Орет он в гущу боя: «Отважные, вперед!
Бегут враги, я знаю! Победа, как всегда!» —
И пышная седая трясется борода.

Смятенье в стане вражьем, недоуменный вид:
Неясно горожанам, кто, в сущности, бежит.
Как песня Крысолова, их заморочил крик,
А рыцари готовы ударить в тот же миг.

Но что, внезапно вспыхнув, сияет пад землей?
Так это ж Вунненштейнер, по кличке Волк Лесной!
Волк в чистом поле рыщет, все вокруг себя крушит —
И в ужасе с кладбища все воинство бежит.

То было поздним летом и в самую страду.
Ужо и уложили в любую борозду!
Ужо иной портняжка бежал без рук, без ног.
Так рыцари претяжкий преподали урок.

Когда ж, в иные годы, пахали всё вокруг,
Доспехи и оружие знай лязгали о плуг.
Когда свалили липу с кладбищенской земли,
В дупле скелет и панцирь, один в другом, нашли.

В конце великой схватки граф Волку объявил:
«Отныне всё в порядке, и я тебя простил.
Ты, достославный рыцарь, в бою непобедим.
Ко мне пожалуй, в Штутгарт. Поъем и поедем!»

На это Вунненштейнер ответил: «Ну и пу!
Веду своей охотой я с городом войну.
А ты меня в вассалы мгновенно записал.
Запомни, старый дурень, тебе я не вассал!»

Жестокая судьбина! Победоносный граф,
Единственного сына в последний путь послав,
Всю ночь провел над телом орлепка в цвете лет,—
А плакал ли при этом, о том рассказов нет.

С утра в седло садится, сиротствуя, отец
И в Штутгарт возвратиться желает наконец.
Навстречу на дороге выходит пастушок.
«Я вижу, ты в тревоге. Выкладывай, сынок!»

«Рассказ мой будет краток. Волк в наши ясли влез
И посреди ягнят разбойничал, как бес».
И в бороду смеется Брюзга, услышав весть:
«Уж так оно ведется, и волку надо есть».

Он едет прямо в Штутгарт, куда велит душа.
Он едет величаво, нисколько не спеша.
Но вот ему навстречу паж мчится молодой.
«Я чую, ждет удача. В чем дело, мальчик мой?»

«Рассказ мой будет краток. Едва спустилась мгла,
Супруга ваша сына на свет произвела!»
«Где семя, там и чадо. Раз я не возроптал,
То это мне награда — господь ее послал!»

ПОЭТУ, УМЕРШЕМУ ОТ ГОЛОДА

Заботе, злой старухе,
Отдал ты жизни цвет
И умер с голодухи,
Как истинный поэт.

Хоть муза всех чудесней
Тебе явила цель
И одарила песней,
Качая колыбель,

Но боль утраты ранней
Пророчила — не жди
Целительных рыданий
У родственной груди.

А мир, что поражает
Обилием своим,
Тебе лишь взор ласкает.
Все радости — другим!

Веспа — благая гостья,
В мечтах — цветущий рай.
Но кто-то давит гроздь,
Кому-то урожай.

Ты воду пьешь из кружки,
Водица холодна,
А песня на пирушке
Твоя — хмельней вина.

Ты столь преобразился,
Что мог бы духом стать,
И к духам воротился
Амброзию вкушать.

ЗАКОЛДОВАННАЯ РУБАХА

«О дочь, я завтра в бой иду,
Пророчат звезды мне беду;
Яви дочернюю любовь
И мне кольчугу изготовь».

«Ах, девичьим рукам едва ль
Поддастся боевая сталь.
Досель меня учила мать
Лишь пряжу прядь, холстину ткать».

«Ну что ж, пряди и сон гони,
Хоть адом пряжу заклони!
К утру рубаху изготовь!
Пусть нас хранит твоя любовь!»

В святую ночь встает луна,
Прядет девица у окна.
И заклинанья вслух твердит,
Веретено огнем горит.

И в ткацкий бросила станок
Горящий пламенем моток,
Со свистом челпоки снуют,
Как будто духи пряжу ткут.

И вот сошлись войска чуть свет,
И странно герцог был одет:
Плотна рубаха и длинна,
На пей чужие пясьмена.

И в страхе отступает враг,
И духом падает смельчак;
Как глина, крошится булат,
И стрелы в стороны летят.

Но юный рыцарь рвется в бой:
«Я не боюсь тебя! Постой!
Ты врешь, что ты непобедим:
Ты призрак ада, прах и дых».

Сошлись и бьются что есть сил,
Рубаху меч окровенил,
Но сила силу не согнет,
И недруг недруга клянет.

На поле битвы дочь спешит.
«Где герцог, мой отец?» — кричит.
Двух умирающих нашла
И вся слезами изошла.

«Ах, дочь моя! Твоя броня
От смерти не спасла меня.
Не ад ли в помощь ты звала?
Невинна ль ты, о дочь, была?»

«Ах, грешной я, отец, была.
На помощь ад я призвала.
О горе! Враг твой — милый мой.
Спряла я смертный саван твой».

**ПРОЛОГ К ТРАГЕДИИ
«ЭРНСТ, ГЕРЦОГ ШВАБСКИЙ»**

Сегодня вы на сцене королевской
Серьезную увидите игру.
Взвоньется занавес, откроет мир,
Давно потоком времени снесенный,
И старые, законченные споры
Возобновятся бурно перед вами.
Два мужа честных, смелых, благородных,
Два друга, непоколебимо верных,—
Чьи имена прославлены геройством,—
Опальные, блуждать пред вами будут
И упадут в отчаянной борьбе.

Тем проклята несчастная страна,
Где попрапы свобода и закон,
Что лучшие, честнейшие там люди
Без пользы гибнут в горе и тоске,
Что лучшие отчества сыны
Названием изменников клеймятся,
Что незадолго звавшийся отчизны
Спасителем бывает принужден
Отыскивать приюта на чужбине;
А наряду с растратой лучших сил,
С благословенья ада, процветают
Насилье, наглость, трусость и доносы.
Совсем бывает иначе, когда,
По минованье смуты, возродятся

Закон, порядок, право и свобода
И прочно корни укрепят свои!

Тогда все те, что злобно в отдаленье
Стояли, возвращаются назад,
Довольные, в ряды своих сограждан,
И каждый ум, и каждая рука
Для блага всех трудится животворно,
Тогда блистает трон, живет и дышит город,
Поля цветут, все смотрят гордо, вольно,
Сплелись права народа и князей,
Как воз с лозою цепкой виноградной,
И всякий рад, чтоб защитить святыню,
Отдать свое имущество и кровь.

От мрачной современности мы любим
Укрыться в светлой области искусства,
От злобы дня, от болезней лихих,
В мечтах поэта ищем исцеленья.
Но если же кого-нибудь сегодня
Расстроит предлагаемый спектакль,
Тот вспомни, в утешение себе,
Какой сегодня в самом деле праздник,
И он поймет, за что герои умирают.

Еще спускаются на землю боги,
И в жизнь еще идеи проникают,
Что высшими считает человек.
Да! Ныне среди смуты повсеместной
Явился вдохновенный свыше князь,
Великодушно руку протянул
Он своему народу, предлагая
Союз свободный права и порядка.
Вы все тому свидетелями были,
Что видели глаза, запечатлейте
В сердцах,— сердца скрижалями да будут!
Да здравствует тот князь и тот народ!

ОСЕННЯЯ ПАУТИНКА

Вослед за летом уходящим
Мы шли желтеющей тропой.
Воздушной феи дар летящий
Связал чуть зримо нас с тобой.
Я эту нить ловлю смущенно:
Вот добрый знак в столь важный час...
О вы, надежды всех влюбленных,
Зефир — ваш друг. Кто против вас?

НА РАННИЮ СМЕРТЬ ВИЛЬГЕЛЬМА ГАУФА

Друзья, мы этой юной жизни цвет,
Мы эту ветку, что во цвете лет
Надломлена весенним днем погожим,
На погребальный жертвенник возложим.

Еще вчера она сияла нам,—
Над крепостью, подобной вещим снам,
Незримо вырубленной в скальных недрах,
По мановению фантазий щедрых,
Вздымался в небо облачный дворец,
А в подземелье некий дух-творец
Будил при свете факелов волшебных
Сердца героев, темноте враждебных,
И каждый звук, летя в немой провал,
Одушевленным словом оживал.

Всеслым звоном рыцарских турниров,
И плясками, и масками сатиров
Украсит старина тот тихий склеп,
Здесь беспечален даже черный креп.
Историй дивных внуки не забудут —
Они творцу живым надгробьем будут.

Покоится в могиле юный прах,
Душа в других скитается мирах,
Где цель искусства — купол бесконечный,
Где образ царствует один — предвечный.

МОГУЩЕСТВО ПЕВЦА

От развалин Отафорта
На скале курится дым,
И барон стоит в оковах
Пред властителем своим.
— Это ты мечом и песней
В царстве бунт воспламенил
И детей моих покорных
На отца восстановил?

Тот ли ты, что похвалялся
Силой духа своего,
Говоря: «С меня довольно
Половины лишь его»?
Половины будет мало,
Весь советую призвать,
Чтоб поднять из пепла замок,
Чтоб оковы разорвать.

— Да, король и повелитель,
Пред тобой Бертрам де Борн,
Песней в пепел обративший
Перигор и Вентадорн.
Я тот самый, кто владыке
Вечно был в глазу бельмом,
Из любви к кому бесстрашно
Дети ссорились с отцом.

Дочь твоя сидела в зале,
Герцог с ней жених сидел;
Вдруг мной сложенную песню
Перед ней певец запел.
Пел он, чем она гордилась,—
Пел тоску ее певца,
И рекой бежали слезы
С умиленного лица...

Сень уютную оливы
Лучший сын покинул твой,
Увлеченный песней Борна,
Песней бурной, удалой.
Он седлал коня поспешно
И за знаменем моим
Полетел навстречу буре,
Что ударила над ним.

У ворот Монфорта, кровью
Обливаясь, он упал
Мне на грудь и не от раны —
От проклятья застонал:
Он отцом был проклят! Руку
Перед смертью сжать твою
Он не мог — и крепко стиснул
Вместо этого мою.

И, как замка пыне, силы
С той поры лишился я,
Струны лопнули, разбилась
Лира вдребезги моя.
Мне связать нетрудно руки,
Если дух мой угнетен:
Для унылых песен скорби
Лишь находит силу он.

И король чело склоняет:
— Ты мне сына соблазнил,
Сердце дочери опутал
И меня не пощадил.
Сына друг! Тебе я руку
В знак прощения даю;
Прочь оковы... Я изведал
Мощь духовную твою.

VER SACRUM¹

Когда этруски грозною лавипой
Шли, не щадя ни люда, ни зверья,
Народ, оборонявший град Лавиний,
Прибег ко храму Марсова копья.

И молвил жрец, явившись на пороге:
«Не избежать нам бедствия войны!
Мы до сих пор не вспомнили о боге,
Не справили священные весны!»

Лавиняне склонились пред Мавором:
«Всех первенцев мы жертвуем тебе!»
И грянул бой, и враг бежал с позором,
Покорный переменчивой судьбе.

Лавиняне вернулись в отчи стены,
Их клич победный долго не смолкал,
И след копыт расцвел травой зеленой,
И копий лес зеленым лесом стал.

У врат родных их ждали жены, девы,
Героям посвящая цвет и ярь

¹ Весна священная (лат.).

Поутру распустившегося древа
И празднично разубранный алтарь.

Когда же стих стоустый клич победный
И первый жар лобзаний пылких спал,
Жрец в дерн сырой воизил свой дротик
медный,
На ближний холм поднялся и сказал:

«Будь славен бог, что даровал нам силу
И город наш предохранил от бед!
Вспоем же песнь воителю-светилу!
Настал черед исполнить наш обет!

Ты сжалился, и мы остались живы.
Прими ж от нас святую дань весны!
Все, чем она благословила нивы,
И все, чем наши пажити полны,

Все, что досель хранила наша рига,
Пожертвуем священному огню:
Не знать тельцу ярма, ягненку — стрига
И не ходить оседланну коню!»

И впрямь святой и необыкновенной
Была в тот год весна в венце дерев.
Молчал народ коленопреклоненный,
В предчувствии тревожном замерев.

Жрец продолжал: «Однако же обета
Исполнить тем, о смертный люд, не тщись!
Забыли вы прародичей заветы
Иль клятвой неразумною клялись?»

Скота приплод и урожайны нивы
Кто подлинно весною назовет,
Когда юниц и отроков счастливых
Среди полей не пляшет хоровод?

Красавица в девическом уборе
Богам дороже жертвенных ягнят,
А юноша, что меч подымет вскоре,
Дороже сотни лучших жеребят.

О юноши мои! Недаром все вы
С победою вернулись в отчий дом!
Недаром так прекрасны были девы,
Вас ждавшие пред городским холмом!

О покровитель нашего народа!
Ты нас от бед и унижений спас,
Потребовав за то всю юность года;
Великий Марс! Возьми ж ее у пас!»

Народ пал ниц. Лишь юные застыли
В безмолвии, не преклонив колен;
Прекрасны и бледны их лица были,
Как будто их уже коснулся тлен.

Но не успел народ окаменелый
Преодолеть отчаянье свое,
Как луч с небес, сверкающий и белый,
Воспламенил священное копьё!

И, увидав божественное пламя,
Жрец молвил, обращаясь к небесам:
«Мавора милость да пребудет с нами:
Свой добрый знак он подает нам сам!

Мавор не отвергает нашей жертвы,
Но ждет от нас не тлеющих углей:
Живущие ему милее мертвых
И травы в силе скошенных милей.

Пусть все, обетованные святыне,
Не смерть, по жизнь Мавору отдадут!
Из поросли, еще зеленой ныне,
Пусть всходы плодородные взойдут!

А посею пусть каждый юный воин
Себе из дев супругу изберет.
Да будет он во всем ее достоин
И да продлится их прекрасный род!

Примите ж эти семена и всходы,
Примите эти злаки и плоды:
Поля засеете, запрудите воды
И насадите повые сады!

Тельцов возьмите, чтоб пахали ниву,
Ягнят, чтоб каждый стал рупом богат,
И молодых коней, чтоб горделиво
Носили наших будущих солдат!

Пройдут года, и день войны настанет:
К тому предпазначает вас Арей!
Сойдя с небес, одним из вас он станет,
Чтоб основать династию царей.

Его копье храните в новом храме:
К нему стратеги ваши прибегут,
Когда на бой с искошными врагами
И миром всем опи вас поведут.

Бог указал вам новую дорогу.
Пусть приведет к победе вас она!
Вот жертва, что угодна будет богу!
Вот Марсова Священная весна!»

БРАТОУБИИЦА

На скале приморской мшистой,
Там, где берег грозно дик,
Богоматери пречистой
Чудотворный зрится лик;
С той крутой скалы на воды
Матерь божия глядит
И пловца от непогоды
Угрожающей хранит.

Каждый вечер, лишь молебный
На скале раздастся звон,
Глас ответственный хвалебный
Восстает со всех сторон;
Пахарь пещем освящает
Дня и всех трудов конец,
И на палубе читает
«Ave Maria» пловец.

Благодатного Успенья
Светлый праздник наступил;
Все окрестные селенья
Звон призывный огласил;
Солнце радостно и ярко,
Бездна вод светла до дна,
И природа, мнится, жаркой
Вся молитвою полна.

Все пути кипят толпами,
Все блестит вблизи, вдали;
Убрались вымпелами
Челноки и корабли;
И, в один слившийся крестный
Богомольно-шумный ход,
Вьется лестницей небесной
По святой скале народ.

Сзади, в грубых власяницах,
Слезы тяжкие в очах,
Бледный пост на мрачных лицах,
На главе зола и прах,
Идут грешные в молчанье;
Им с другими не вступить
В храм святой; им в покаянье
Перед храмом слезы лить.

И от всех других далеко
Мертвецом бредет один:
Щеки впалы; тускло око;
Полон мрачный лоб морщин;
Из железа пояс ржавый
Тело чахлое гнетет,
И, к ноге прильнув кровавой,
Злая цепь ее грызет.

Брата некогда убил он;
Изломав проклятый меч,
Сталь убийства обратил он
В пояс; латы скинул с плеч,
И в оковах, как колодник,
Бродит он с тех пор и ждет,
Что какой-нибудь угодник
Чудом цепь с него сорвет.

Бродит он, бездомный странник,
Бродит много, много лет;
Но прощенья посланник
Им не встречен; чуда нет.
Смутен день, бессонны ночи,
Скорбь с людьми и без людей,
Вид небес пугает очи,
Жизнь страшна, конец страшной.

Вот, как бы дорогой терпий,
Тяжко к храму всходит он;
В храме все молчат, вечерний
Внемля благовеста звон.
Стал он в страхе пред дверями:
Девы лик сквозь фимиам
Блещет, обданный лучами
Дня, сходящего к водам.

И окрест благоговенья
Распростерлась тишина:
Мнится, таинством Успенья
Вся земля еще полна,
И на облаке сияет
Возлетевшей девы след,
И она благословляет,
Исчезая, здешний свет.

Все пошли назад толпами;
Но преступник не спешит
Им вослед, перед дверями,
Бледен ликом, он стоит:
Цепи все еще вокруг тела,
Ими сжатого, лежат,
А душа уж улетела
В град свободы, в божий град.

МИЦКЕВИЧ

Берег Вислы сотрясает
Гролом яростным война;
В бой она войска бросает,
Нам в Германии слышна;
Меч скрежещет обнаженный
Там, где песня боевая
Слух волнует напряженный:
Польша все еще живая!

Мы внимаем песне дальней,
И внимает ей земля;
Ропщут волны все печальней,
Но безмолвствуют поля;
Будят гибнущие стоном
Мрак разрушенного зала;
Весть блуждает в мире сонном:
Пала Польша, Польша пала.

Но на этой тихой тризне
Слышен мощный рокот струн,
Возвещающих отчизне
Благодетельный канун.
Чародейством песнопений
Мертвых к жизни вызывая,
Вновь свидетельствует геший:
Польша все еще живая.

ЖАВОРОНКИ

Звонкий щебет, взлет лихой!
Здравствуй, жаворонков рой!
Тот в луга стрелой летит,
Этот в листьях шелестит.

Третий взвился к облакам
И звенит, ликуя, там...
Лишь один, чья трель нежней,
Бьется здесь, в груди моей.

НА МОСТУ НАД БИДАССОА

На мосту над Бидассоа
К небу длань святой простер.
Слева — ширь долин французских,
Справа — цепь испанских гор.
Он людей благословляет
Здесь, на трудном их пути,
Где покинувший отчизну
Скорбно молвит ей: «Прости!»

На мосту над Бидассоа
Некий лик волшебный зрим.
Для одних он дышит гневом,
Но сияет он другим.

Тем сулит он сушь пустыни,
Этим — вешние луга.
Всем чужбина безотрадна,
Всем отчизна дорога.

Мирно плещет Бидассоа,
Ждет стада на водопой.
А в горах еще стреляют,
А в горах — последний бой.
И в вечернем полумраке
Сходит вольница к реке.
Знамя пулями пробито,
След кровавый па песке.

На мосту над Бидассоа
Ружья праздные сложив,
Все в реке омыли раны,
Сосчитали тех, кто жив.
Ждут неприбывших, оставших,
Ждут ушедших в вечный мир.
Барабан гремит, и гордо
Молвит старый командир:

«Час настал! Сверните знамя —
Это был свободы стяг.
Не впервые на границу
Оттеснил нас подлый враг.
Но свободу мы в изгнанье
Увели не навсегда!
Не померкла наша слава,
Наша светит нам звезда.

Мина, ты, в боях за вольность
Смерть выдавший столько раз,—
Ты один не тронут пулей
В день губительный для нас.

Ты — Испании спаситель,
Ты — надежда для нас.
Мы уходим, чтоб вернуться,
Мы не бросили ружье!»

Но встает, шатаясь, Мипа,
Молчалив и бледен сам.
Шлет прощальный взгляд и небу,
И своим родным горам.
Прижимает к сердцу руки,
А в глазах его туман.
На мосту над Бидассоа
Кровь течет из старых ран.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ ПОЭТА

Шел я лугом в воскресенье,
Слыша жаворонков пенье,
В поле встретился сосед,
Работящ, хоть стар и сед.

«Будь благословен вовек
Труд твой в поле, человек,
Всхожесть зерен, острый плуг,
Теплота крестьянских рук».

Стал его серьезен взгляд:
«Я поэзии не рад!
Гнев небес разбудишь ты,—
Превратишь зерно в цветы!»

«Друг, ты шутку позабуди,
Я цветов прошу чуть-чуть,
Чтоб внучонок твой помог
На снопы сплести вепок!»

ПРИЗРАЧНЫЙ ВИННЫЙ ЧАН

Про Вейнсберг, славный городок,
Где крепок виноградный сок,
Где песни льются тут и там,
Где замок — «Дом прекрасных дам»,—
Там Лютер, средь вина, кутил,
Недолго пел, недолго пил,
Ведь он искал с давнишних пор
С чернильницей и чертом спор,
Где б всяких духов вился пляс,—
Про Вейнсберг будет мой рассказ!

Однажды сторож городской
Обход свершал ночной порой,
Прошедший год он провожал,
А новый вместе с тем встречал.
Полночный час уж начал бить,
Собрался страж в трубу трубить —
В часах гудит, в часах поет —
Уже уходит старый год...
Вдруг шум и гам возник кругом,
Напротив расступился дом;
Иль это чудится ему —
Давильный чан стоит в дому.
В усердье радостном теснят
Друг друга пылко стар и млад,
И, ярким пурпуром горя,
Вина молодого бьет струя.
И крутит лопастей рядок
Клокочущий и мутный ток.
Но сторож этому не рад,
В испуге пятится назад,
А темный город вдруг цветет,
В полдневном блеске восстает,
В осеннем золоте сады,

Набухли сладкие плоды.
Вдали мелькает за листвою
Нарядных сборщиц пестрый рой;
Гурьбой носильщицы идут,
Корзины с гроздьями несут,
А у босых мальчишских ног
Обильно брызжет вишневый сок.
И смех и песнь в сиянье дня,
Ручных тележек стукотня.
А только солнышко зашло,
Наверх снопы огня взмело,
И гроздья крупных ярких звезд
Повисли, распутивши хвост...
Полночный тяжело пробил час
Со звонницы двенадцать раз,
И блеск угас, и мрак умолк,
Исчезли вмиг и молвь и толк,
Напротив, в доме, тихий свет,
Лампады догоревшей след.
И, вмиг очнувшись, страж поет
Всё ту же песнь про новый год;
Ту, да не ту — она нова,
Он ищет новые слова.
Обильем радостных словес
Он славит эту ночь чудес:
Явление чапа с давних пор
Обильный предвещало сбор!

Тут стражника по шапке — «бух!»
Но то был не полночный дух.
Смеющийся мастеровой
Ему кивает головой:
«Пока в твоём чану одно
Лишь прошлогоднее вино!»

МАЙСКАЯ РОСА

Лес и поле покрывая,
Чуть зардеют небеса,
Свежей, чистой влагой рая
Сходит майская роса.
Все, чем мая дни нам святы,
Вся краса его поры,
Зелень, краски, ароматы,
Соки — все ее дары.

В створы раковин зальется —
Ряд жемчужин в них зажжет;
В ствол дубовый заберется,
Пчелы в нем заводят мед.
Стоит птичке перелетной
Клюв смочить ее водой —
И от песни беззаботной
Засмеется лес седой.

Щечки девушка умое
Майских ландышей росой —
Новый блеск ее покроет
Красотою неземной.
Если глаз печаль туманит
И горит на нем слеза,
Сквозь росу он снова взглянет
Утру божьему в глаза.

Так, сходи в часы депицы,
Ты врачуешь скорбь земли.
Окропи ж и мне ресницы,
Жажду сердца утоли,
Дай мне юность, чары песен,
Дай взирать на небеса,
Видеть все, чем мир чудесен,
Утра майского роса!

ПОТОНУВШАЯ КОРОНА

На том холме высоком
Стоит крестьянский дом,
С порога — вид просторный,
Леса, поля кругом.

Сидит крестьянин вольный
У своего крыльца,
Спокойно точит косу,
Благодарит творца.

А под холмом — низина,
И пруд в низине той.
На дне лежит корона,
Сверкает под водой.

В лучах луны сверкая,
Лежит уж много лет,
И никому на свете
До ней и дела нет.

ПЕЩЕРА-КОЛОКОЛ

Со сводом горных хрусталей
Между скалами грот есть дивный;
Ему, по благости своей,
Господь дал чудный гул отзывный:
Поет ли кто иль говорит,
В нем гул, как колокол, гудит.

Впервые юная чета,
Сгорая страстью чувств взаимной,
Друг другу вымолвила «да»
В его тени гостеприимной,—

И чисто грот речей их пыл,
Как колокольчик, повторил.

На каменной скамейке сев,
В нем два студента пировали,
Сливали пьяный свой напев
И чашу в чашу ударяли,—
И никогда еще с тех пор
Так не гремело эхо гор.

Два мужа с думой на челе,
Священным связаны обетом,
О рабстве в их родной земле
Вели беседу в гроте этом,—
И глухо грот гудел кругом,
Как колокол над мертвецом.

ВЕЧЕРНИЕ ОБЛАКА

Вижу, облаков плывет
Рой лучистый на закат,
Облаков горящий ряд
Угасает, исчезает...
Сердце чуткое поймет —
Рано ль, поздно для меня:
Тень души на склоне дня
Так же зримо просияет.

МАЛЬВА

Бледна ты, мальва! что с тобою?
Вот я принес тебе привет.
«Ах, вихрь пронесся надо мною,
Весны моей развеяв цвет!»

Холодной осени ты, роза,
И солнца скудного дитя,—
Хоть благовонье от мороза
Немеет в почках у тебя,

Но сердце все ж твое скрывает
Румянец сладостный страстей,
Что, лишь расцветши, увядает;
Ты им мила мечте моей.

Не подражай весне притворно,
Скрывает много красоты
Твой сочный тон, глубокий, черный,
С отливом мягкой чистоты.

ВИНО И ХЛЕБ

Столько запахов чудесных
Ты, земля, даруешь мне:
Виноград в горах окрестных
Зацветает по весне.

А в полях хлебов цветенье,
Скоро цепи застучат,
Жерновов раздастся пенье,
В прессах выжмут виноград.

И к столу под чистым небом
Выйдешь ты, ловка, стройна,
И поставишь рядом с хлебом
Кубок пенного вина.

СЧАСТЬЕ ЭДЕНХАЛЯ

Лорд Эденхаль дал знак рукой
Оркестру: поживее, шваль!
В разгаре пир, вино — рекой.
И возгласил гордец и враль:
«Гей, выпьем, чтоб счастлив был я, Эденхаль!»

И старый кравчий сразу смолк,
Ему извлечь — как знать, спроста ль,—
Завернутый в пурпурный шелк,
Наследный кубок было жаль,—
Хрустальный, как счастье твое, Эденхаль!

«Эй, кравчий, наливай полней
Вином сверкающий хрусталь!»
Старик дрожит, и сноп лучей
Пронзает кубок, как спираль.
Так светится счастье твое, Эденхаль!

«Приял сей кубок предок мой
От феи. Не она рекла ль:
Кто разобьет фиал святой —
Умрет?» Застолье не печаль
И счастье свое береги, Эденхаль!

«Мой род в былые времена
Чужая мощь сломить могла ль?!
Так пьем же веселей, до дна!
Кривляйся, шут, и зубы скаль!
За счастье свое нынче пьет Эденхаль!»

И чаши зазвенели в лад,
Был звон их тонок, как сусаль;
Второй звучал как водопад,
А третий — громом грянул вдаль.
«Да, счастье твое велико, Эденхаль!»

«Мой род доньше не угас,
И предков волю что не я ль?
Содвинем чаши еще раз,
Дабы в заветную скрижаль
Навеки уверовал лорд Эденхаль!»

Тут треснул кубок — страшный гул
Сотряс в ночи и дом и даль.
Огонь пирующих пригнул,
Глаза на злое пламя пяль!
Ты сам свое счастье разбил, Эдепхаль!

Врагами замок осажден.
Закутан в черный дым, как в шаль.
Пал юный лорд, мечом сражен,—
Надежда в нем еще жила ль?
И треснувший кубок сжимал Эденхаль!

Среди обугленных руин,
Вокруг чернеющих, как паль,
Наутро кравчий брел один,
Безмолвный, как сама печаль.
«Что случилось со счастьем твоим, Эдепхаль?»

Все станет пылью и золой —
Живая плоть, скала и сталь,
Хрусталь — венец красы земной...
Прочней ли шар земной? Едва ль.
Он хрупок, как счастье твое, Эденхаль!»

СТРАНСТВИЕ

Взял посох я, беспечный,
И в путь пустился я;
Хвалил мне каждый встречный
Германские края;

Оставшись верным сыном
Родимых нив и сел,
Я лучшим апельсинам
Картофель предпочел.

И в княжеской палате
Зажмурил я глаза;
Там в серебре и злате
Сияли образа;
Там древо родовое
Росло, не коренясь
В народном перегное,
Которым брезгал князь.

Я в университете,
Как добрый патриот,
Купался в чистом свете
Пророческих свобод;
Профессор там читает,
Как тленье побороть;
При этом он питает
Свою земную плоть.

Я в певческой дубраве,
Конечно, побывал;
Своей привержен славе,
Там лирик лавры рвал;
Не помнит о народе,
Бумагу вороша,
Согласно новой моде
Скорбящая душа.

Храм посетил я божий
И был услышать рад,
Что знатному вельможе
Здесь кучер — тоже брат,

Но слышал я при этом
И перечень мытарств,
Считайте, мол, Заветом
Новейшим Книгу Царств.

Гостил я в доме честном,
Где бургеры живут,
И в единенье тесном
Там не бывает смут.
Так славься, дом семейный,
Довольством и трудом,
От Балтики до Рейна
Один уютный дом.

Я видел и больницу,
Где варят на обед
Капусту да кашницу,
А разносолов нет;
Для юного бедняги
Найдется там кровать.
А старому бродяге
Где переночевать?

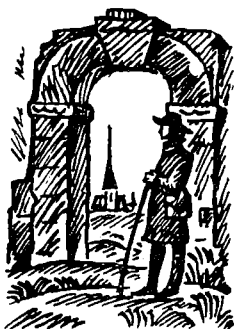
Я посетил столицу
И речи слушал там;
Казалось, я в больницу
Попал или в бедлам,
Где бредовой регламент
Царил среди болтовни:
Не надобен парламент
Нам, подданным, ни-ни!

Смешался я с народом
Средь пестрых площадей,
Где пыль под небосводом —
Соперница дождей,

Где в суете и в спешке
Бежит за часом час,
Где скучно сладкоежке
Без пива и колбас.

Над Нюренбергом дерзкий
Наш стяг покрыла мгла;
Орел, кумир имперский,
Смежил свои крыла;
Напрасная попытка —
Взлететь хоть кое-как;
Наш герб теперь — улитка,
А знаменосец — рак.

О смертном вспомнив часе,
Я с посохом своим
Вернулся восвояси,
Отчаяньем томим,
Но даже справив тризну,
Пущусь я, мертвый, в путь,
Чтоб на мою отчизну
Свободную взглянуть.

БОГОМОЛЬНАЯ ОХОТНИЦА

Охоту любила одна госпожа,
При этом спасеньем души дорожа;
И пороховница и четки при ней;
Не так-то легко угадать, что важней.

Немыслим в подобных делах произвол,
Ружейный в руках раскаляется ствол;
Однако покаяться даме пора:
Она помолиться забыла с утра.

Из сумки охотничьей можно достать
Молитвенник, чтобы его почитать;
Вдруг шорох в кустах, и нетрудно постичь,
Что это не ангел, а красная дичь.

Охота за царством небесным идет,
И выстрела зверь осторожный не ждет;
Охотнице нашей молиться не лень,
И бегством спасается лучший олень.

ЖАВОРОНКОВАЯ ВОЙНА

«Жаворонки мы простые,
Солнце мы и волю чтим,
Над зелеными полями
В синь небесную летим».

Птичек тысячи несутся,
Распевая и резвясь.
Собрались все горожане,
На полет их заглядясь.

Граф поместье родовое
Покидает поутру,
Юнкера везет младого
К королевскому двору.

«Будет осенью охота!» —
Старый граф безмерно рад,
Ну а сын в дорогу рвется,
Ищет славы и наград.

Покидая город тесный,
Серых стен и башен ряд,
Золотое утро встретить
Поспешают стар и млад.

Городских дружин водитель
Здесь с невестой молодой,
На лугу в траве — фиалки,
В пебе — жаворопков рой.

Дни весны так славны были,
Только скоро отцвели,
И короткие за ними
Ночи летние прошли.

«Жаворопки мы простые,—
Песен кончилась пора,
Осень, стужа подступают,
Скоро в путь уже пора».

Вышли в поле горожане
Под седой осенней мглой,
Тихо сети разостлали
Над остывшей землей.

«Слышишь, жаворонков стая!
Ты лети сюда, лети!»
За шумели и забились
Птахи вольные в сети.

Старый граф во гневе тяжком
«Покараю! — закричал.—
Дерзость города умерить
Срок давно уже настал!»

Городских дружин водитель
Крикнул смело: «Бою — быть!
Мы за жаворонков бьемся —
Каждый волеп их ловить!»

Утром юнкер бездыханный
На сырой земле лежит,
А над ним, на меч склопяясь,
Граф израненный стоит.

Городских дружин водитель
Не повторит те слова,
Кровь с лица его смывает
Безутешная вдова.

Ну, а жаворонков стая
Снова в воздухе кружит
И, за солнцем улетаю,
Заливается, свистит:

«Жаворонки мы простые,
Вольно наши дни летят;
Те, кто нас убить пытались,
Сами мертвые лежат».

ПОСЛЕДНИЙ ПФАЛЬЦГРАФ

Я — пфальцграф Гёц. Я весь в долгах,
Но заплачу с лихвой:
Продам угодя и людей
И замок родовой.

Лишь два старинных права мне
Дороже, чем мой дом.
В святом монастыре — одно,
Одно — в лесу густом.

Я щедрым был к святым отцам,
Пока я был богат.
Собаку с ястребом теперь
Прокормит пусть аббат.

В лесах вокруг монастыря
Охочусь с давних пор.
Как прежде, буду в рог трубить,
Все остальное — вздор.

Но миг придет, умолкнет рог,
Смежит мне веки сон,
И выйдут иноки к ручью
Под колокольный звон.

Под сенью дуба вековой
Зароют грешный прах.
Мне вечно будут птицы петь
И полчаса — монах.

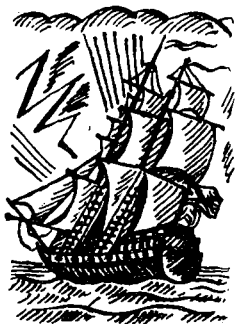
НА СТИХИ ГЕТЕ

Как в эти дни томительного мая
Рокочет соловей, не умолкая,—
Средь буйного весеннего волненья
Бессмертные не молкнут песнопенья!

ПАПУТСТВО

В глухую почь, в морской кромешной мгле,
Когда корабль давно идет сквозь темень
И в темном небе не найдешь звезды,
Тогда на палубе чуть светит огонек,
В безумстве бури бережно спасенный,
И компас различает рулевой
И, стрелку видя, верный держит путь.
О друг, свой огонек в душе храни,—
И мрак любой не властен над тобою!

ВЛАСТЬ

Из всех властей, что о Земле радеют,—
Пусть рады им народы иль не рады,
Есть лишь *одна*: чем бóльшим завладеет,
Тем больше будет на Земле отрады.
Краса, добро и правда не стареют —
Они не ждут ни славы, ни награды,
Пред властью их обязаны склониться
Сыны свободы и ее убийцы.

ФОРТУНАТ И ЕГО СЫНОВЬЯ

Фрагмент поэмы

КНИГА ПЕРВАЯ

О тучи, прихотливы и летучи,
Как волны, вечно по небу плывите.
О волны, величавы и могучи,
Как тучи, небо звездное затмите!
О ветры, насылающие тучи
И волны исполинские,— ведите
Ладью папева к цели многострунной,
Храпя от переменчивой Фортуны!

Попутный ветер! В путь! К далеким страпам!
За нами — Кипр, а мы — на корабле.
И вдруг, охотник с луком и колчаном,
Воздвигся стройный отрок на скале.
Воззвал — и вниз, и, с рвением ураганным,
За парусом спешит в лазурной мгле;
Вот с палубы канат ему кидают,
И, как паживку, он его хватает.

Корабль, принявший гостя из пучины,
Был венецийских барков образцом.
В Венецию он шел из Палестины,
Гружен святой водою и вином.
Все были рады страннику с чужбины,
Невольно любопытствуя о нем;
На палубе сидит он в брызгах пены
И повествует людям откровенно:

«Вопросом, вижу, полнится ваш взор
И удивлением небеспричинным.
Узнайте же! Отец мой Теодор
Был в Фамагусте добрым гражданином.
Богат и славен до недавних пор,
Но разорен предательством змеиным,
Нужду он делит с дамой Грацианой,
А Фортунат — их первенец желанный!

Судите же, синьоры, хорошо ли
В отцовском доме дни влачить и дале —
С горбушкой хлеба и щепоткой соли
Там, где пиры, бывало, задавали.
Жить в скудости не легче, чем в неволе.
К тому же вид отеческой печали
И горя материнского не в силах
Развеять мыслей, бедственно унылых.

Охота оставалась мне одна —
Но и леса как будто опустели:
Ни лапы в них теперь, ни кабана,
И даже птицы словно улетели,
А как вспугнешь какую — то она
Летит, тоща, как призрак, еле-еле.
И лишь когда взбирался я на скалы
И вдаль глядел — мне это помогало.

И вот сегодня, из моей пустыни,
Я парус ваш заметил на просторе,
И нетерпенье, сонное доньше,
Проснулось и велело: прыгай в море!
Пытай судьбу и счастье на чужбине!..
Пловец хороший, я нагнал вас вскоре.
Теперь вольно и птицам в небе виться —
Ловец стал мореходом, вольной птицей!

Лишь об одном не вспомнил я сперва:
Родителей покинул я внезапно,
Хоть говорил не раз им и не два:
«Ждать не хочу и вечно ждать не стану.
На счастье предъявлю свои права,
Как ни было б оно непостоянно».
И вот сейчас — а путь мой только начат —
Отец грустит, а мать, конечно, плачет.

Но мне пора не тосковать об этом,
А обратиться к нынешним делам.
Вы гостя лаской встретили, приветом,
Хоть как с луны свалился на борт к вам.
Я не хочу прослыть апахоретом
И за добро по-доброму воздам.
В пажи пойду, пойду в простые слуги
К кому-нибудь при шпаге и кольчуге».

Растроганные юношей приятным,
Переглянулись все, как по приказу.
Граф Хуберт Фландрский (на пути обратном
Из Палестины), что внимал рассказу,
И находил его весьма занятным,
И Fortunatom выделен был сразу,
И, предпочтенье это понимая,—
Воскликнул: «Предложенье принимаю!»

Мне нравится, что ты мой антипод
И мы вдвоем — забавная упряжка:
Тебя удача в странствия зовет,
А дома весь извелся ты, бедняжка,
Тогда как я, как раз наоборот,
Скитальчеством измученный — и тяжело,—
Хочу бежать волнений, бурь и мрака,
Навеки бросив якорь в гавань брака».

«Брак — это гавань, полная покоя?! —
Воскликнул шут (он ездил в Палестину
С хозяином). — Уверовав в такое,
Навеки проклянешь свою судьбину.
Брак — это море, дикое и злос,
Коварны мели, и подлы глубины,
Смертельны бури, смертоносны штили,
И, миновав Харибду, мчишься к Сцилле.

Я в путь пустился в силу двух причин,
Поставив на кон юность и здоровье:
Во-первых, как мой добрый господин,
К святым местам решил прибыть с любовью,
А во-вторых, как множество мужчин,
Я заскучал в супружеском алькове —
И в браке вообще. Ведь даже в бездне
Со мною обращались бы любезней!»

Зачем же умным слушать дурака?
Совсем иное говорит Фортуна.
На облачке сидит она, пока
Внизу мелькают мелкие буруны,
И весла воду трогают слегка,
И паруса натянуты, как струны,
Но если речь о гавани заходит,
Богиня это дерзостью находит.

«Куда спешите, шаткие суда? —
И с Фортупата не спускает взгляда.—
Как хорошо, что ты попал сюда:
С тобою позабавлюсь я как надо.
Тебя не отпущу я никогда,
Тобой наиграюсь до упаду,
Ведя от поражения к победе
Сквозь череду комедий и трагедий.

Трагедии — моя первостихия,
Хотя иной негодник-рифмоплет
В комедии — то злые, то пустые —
Меня (под маской Случая) ведет.
Сторонятся меня цари земные,
Слепою привередницей зовет
Молва. Но разве ваше Правосудье —
Сестра Фемида — не слепа, о люди?

Вы Злой Судьбой соперницу зовете
Мою. Темна, загадочна она,
Самоуправство у псе в почете,
Как в самые худые времена.
То сами вы кого-нибудь убьете,
То ваша кровь трикрат отомщена,
А в чем причина? Нет у вас ответа.
Вот разве что недобрая примета.

Немудрено, что распоследней нищей
Я гильдию поэтов содержу.
Никто не будет сыт духовной пищей,
А остальную пищу — придержу.
Пускай в полуразрушенном жилище
К туману припадают, к миражу.
Пусть голодают, пусть околевают —
Недаром на бессмертье уповают!

Случается, хотя не ежегодно, —
Воспеть Фортуцу пожелает кто-то.
Но как?.. Меня шельмуя принародно,
Лпшая уваженья и почета.
Такое мне, конечно, негодно —
И я казню, как должно, рифмоплета,
Чтоб он, измучась, изменил бы тему
И не закончил никогда поэму.

Мой Фортунат! Я твердо уповаю,
Что бардом ты не станешь в здешнем мире,
Не то и дружба наша, не скрываю,
Закончится отмщением проныре.
Ну, песенку-другую разрешаю,
Чтобы потешить дам игрой на лире,—
Но никаких высоких вдохновений!
Не то пойдешь дорогою гонений!»

Разгневанно богиня замолчала.
Я замолчу на этом месте тоже:
Не расскажу, куда их море мчало,
Не расскажу, куда домчало все же,
Не расскажу, как Фортунат сначала
Не замечал завистников, похоже,
Хотя — красавчик и любимчик графский —
Мишенью им представился заправской.

Не расскажу о графском обрученье
С достопочтенной Клевской герцогиней,
Не оглашу учтивые реченья,
В том лавров не ища своей гордыни;
Чем попусту хвалить пиры да пенья,
Начну рассказ как раз посередине,
Когда пиры к концу второй педели
Пирующим изрядно надоели.

Уже пылает лето на исходе,
Отмечено прилежною косою,
Уже поклоны отдали природе,
В амбар зерно сгружая золотое,
Уже темным-темно на небосводе,
И поле стынет, черное, пустое,
Суля приют не парочкам влюбленным,
А воронам, сорокам да ворбнам.

И вновь земля разрыта — но не плугом.
Кругом всюду плывет кровавый пот.
Один упал, как скошенный педугом,
Другой упал и больше не встанет,
А третий мчится вновь победным кругом,—
Твой час, Турнир Великий, настает.
Бьют барабаны, бубны и трещотки,
Начало возвещая страшной сходки.

Пускай пример преподал нам Гомер,
Как начитать подобные рассказы,
Спустив ахеян на берег с галер
Подробно, постепенно и не сразу,
Но скучноват эпический пример
Для любящих отточенную фразу,
Поэтому лишь перечислю вкратце,
Кому угодно было здесь собраться.

Бойцы, один другого легендарней,
Из благороднейших домов Европы:
Бароны из конюшни и пекарни,
Наследные лакеи и холопы;
Графья из кухни, рыцари из псарни
Вступают на воинственные тропы,
Отбросив метлы, вертелы и грабли,
Чтоб прыгнуть в седла и ударить в сабли.

А если кто к началу припозднится,
Не след его за труса почитать:
Наездником вчерашний стал возница,
А лошадь трудно лошадью назвать,
Но всё с хвостом и с гривой сгодится —
И кобылица всаднику под стать,
Хотя непросто к ней приноровиться
И, судя по ушам, она ослица.

Гербы разнообразьем не грешат,
А главный герб турнира — нечто вроде
(Оттуда он, не иначе, и взят)
Того, чем птиц пугают в огороде;
Призы для победителей бренчат
В пустой тарелке на вселенском сходе;
Бойцы сошлись сюда не для забавы —
Они алкают злата, а не славы.

Чем дальше битва, тем полней казна —
И ярость у соперников во взгляде.
Но если алчность вознаграждена,
То честолюбье тоже не внакладе —
Корона смельчаку припасена,
При шутовском уместная наряде.
Но на земле нет ничего, за что бы
Не бились люди, полны лютой злобы.

И вот, едва лишь трубный звук возник,
Толпа холопов ринулась на сечу,
Круша других холопов, в сей же миг
Отважно устремившихся навстречу.
Гадать и думать — дело не для них.
Рублю, колю, давлю, кого ни встречу,
А коли что не так — то камнем в рыло...
И пыль, паря, противников покрыла.

Но словно луч высокого светила,
Когда застлал все небо черный чад,
В толпе противоборцев, полон силы,
То там, то здесь мелькает Фортупат.
Резва лошадка (прочие — унылы),
Блестит оружие и пылает взгляд,
Как будто рыцарь, гордый и нездешний,
Всерьез явился на турнир потешный.

И наконец пыль в поле улеглась
И грохот битвы вроде бы затих:
Одни лежат, уткнувшись посом в грязь,
Бредут другие на своих двоих
(Лошадочка давно уж унеслась)
И публика освистывает их.
Лишь Фортунат в седле — и каждый зритель
Смекает быстро, кто здесь победитель.

И после столь блистательной победы
Ждет юношу неслыханный фавор:
Он графу подает вино к обеду,
Он запирает двери на запор,
Он мчится с приглашением к соседу, —
Любезен, ловок и на диво спор;
А нынче, пуще прежнего в почете,
Он с графом на пиру и на охоте.

А ежели графиня заскучает
Дождливом утром в обществе девичьем,
Он ей на цитре сладостно играет,
Согласно древним рыцарским обычьям.
О Кипре он чуть путано болтает
С прелестным островным косноязычем —
И внемлют все историям оттуда:
Что дамы носят — и другие чуда.

Но чем сильнее обласкан господами,
Тем горше и больней он ранит слуг, —
В груди шута пылает злое пламя:
Всем стало шутки слушать недосуг —
Про злых жен и про мужей с рогами;
Как стоптанный башмак, он брошен вдруг.
До рассказней его и околесниц
Нет дела никому в медовый месяц.

Однажды челядь шумно пировала,
И за полночь веселый пир зашел:
Уже скамья-другая пустовала,
Кто за степену держался, кто за стол,
И лампа, точно пьяная, дрожала,—
Но, во хмелю еще сильнее зол,
Восстал дурак в компании кабацкой
И приговор провозгласил дурацкий:

«Лептяи, разгильдяи, лежебоки!
Тупая бессловесная скотина!
Вам лишь бы лишней не было мороки,
А что бы ни случилось,— все едино.
Кого у нас пустили во пророки
И кто у вас похитил господина?
Ужели мир и вправду стал столь странен,
Что лишь дурак один не оболванен?»

Подобранный на средиземной шири
(А лучше б утопить его!) чужак
Морочит госпожу игрой на лире
И господину льстит и так и сяк.
А взять его победу на турнире!
Является трусишка и сопляк
В таких доспехах и с таким оружием,
Что мы, герои, с ним никак не сдюжим!

Пусть все мне по три талера заплатят —
Я этого нахала изведу.
И если через месяц не укатит,
Я каждому плачу двойную мзду.
Друзья! шут попраасну слов не тратит,
Я отведу ужасную беду,
Нависшую над преданным сословьем...
Согласны ль вы с означенным условием?»

Все с мест, чуть он закончил, повскакали,
Утешены вопиственным шутом.
Стаканами, ликуя, застучали —
И кое-кто порезался притом;
В кулак единогрозный руки сжали,
Как было в Рютли, — встав к плечу плечом, —
И вылезли, цепляясь друг за дружку,
Из кабака, на том прервав пирушку.

С тех пор, почтеньем ревностным объят,
Шут служит Фортунату честь по чести.
Страшись его, мой добрый Фортунат!
Страшись не мести, а коварной лести.
«Водой не разольешь их, — говорят, —
За кубком и у девок — вечно вместе».
Шут называет юношу героем —
И это вроде нравится обоим.

И вот что странно: пьют они вдвоем,
Шут платит за себя и за другого.
Как Фортунат ни ссорится с дружком,
Тот на своем стоит — и платит снова.
Дивятся все: что стало с дураком?
Себя ведет он крайне bestолково.
Хотел устроить ад врагу — и что же?
Устроил рай — и платит всё дороже.

Но вот однажды, в тихий час ночной,
В своих покоях юноша не спит —
И слышит вздох тоскливый за стеной, —
И входит шут и вот что говорит:
«Мой Фортунат! ты мне как сын родной.
Твоя обида горше всех обид,
И я дрожу от горя и стыда:
Тебе грозит нежданная беда.

С известьем надо мне поторопиться,
Пока беда и вправду не стряслась.
Решила ревность в замке поселиться,
И зависть в сердце графа завелась.
А ты успел графине полюбиться,
Игра твоя по сердцу ей пришлась,—
И граф поклялся: приструню злодея,
Ему тугой струною стиснув шею.

Ты лаврами увенчан — и по праву,
Но на дворе дурные времена.
На завтра же назначена расправа,
Час пробил, приготовлена струна.
Я притерпелся к Хубертову нраву,
Я чашу барской злобы пил до дна,
Я б и сейчас погиб за Фортупата,
К тому ж — пазло жспе мой треклятой!

Но ты, гляжу, падеешься па чудо
И безмятежно гибель ждешь свою.
Ты здесь живешь любимчиком покуда
И в самом деле будто бы в раю.
Да и со мной дружить поди не худо —
Я принимаю сторону твою —
Всегда, во всем... Но страшный час все
ближе.
Ты бледен, ты дрожишь... Беги, беги же!

Послушай, милый, доброго совета,
Мне сам господь вложил его в уста:
С утра наавтра, с самого рассвета,
Едва откроют первые врата,
Как на охоту графскую одетый,
Вскочи в седло — и прочь. И темнота
Небес порукой будет в тайном деле.
Ах, ангелы еще бы порадели!»

Он замолчал — и поцелуй Иудин
Коснулся Фортунатовых ланит.
Да, новый Аттис, выбор многотруден —
И юпоша трещет и дрожит.
Ночь таянется, сон спящих непробуден,
Лишь тот, кого казнить хотят, не спит
И ждет рассвета — зова на свободу.
Но все луна скользит по небосводу.

И я, поэт, дрожу в не меньшем страхе,
Чем мой хитро запуганный герой,
Ведь если Фортунат умрет на плахе,
Рассказ прервется, лавр поникнет мой;
Мечтая об эпическом размахе,
Вдруг ограничусь песнею одной
И не сумею, вопреки названью,
О *сыновьях* вести повествовать.

Но не горюйте! На дворе светает,
И колокол в часовне замка бьет.
О, светлый звук! все девы уповают,
Что он их каждый раз к венцу зовет,—
И все же их не так он утешает,
Как юношу, что в страхе утра ждет;
Он выезжает с соколом, с борзою,
Погибель оставляя за спиною.

Он миновал врата и в поле мчится,
Не разбирая, ров или канава;
Борзой примстилось — впереди лиснца,
А соколу — великая забава.
И всаднику не время залениться,
Заколебаться; влево или вправо?
Да если б из глазницы глаз скатился,
За ним бы Фортунат не поклонился!

Быстрее стрелы до берега морского
Домчался он на бешеном коне.
Корабль, пуститься в плаванье готовый,
Качался у причала на волне.
Коня, борзую, сокола лихого
Он бросил в неприветной стороне —
И на борт... А куда?.. С подобной прытью
Ему важней не пристань, а отплыть!

Отплыли, покидая Нидерланды.
Я речь держу законно и правдиво —
И не считайте ввозом контрабанды
Глухие нидерландские мотивы.
Что там едят, что пьют, что носят гранды,
Кто пишет маслом, чем поэты живы, —
Все это в песню входит по-хозяйски.
В Китай бы плыли — спел я по-китайски!

А если кто-нибудь меня осудит
За нарушение правил поведения,
То Фортуната, право, не убудет,
Ведь наготове наше объяснение:
Как в старой книге сказано, так будет,
Я вслед за ней скитаюсь вечной тенью,
На ровном месте лучше отступить,
Чем в повести от правды отступить.

КНИГА ВТОРАЯ

Топтаться в нидерландских башмаках
Напеву стало нынче неприлично.
Фортуне подобающий размах —
Котурпы из трагедии античной.
Пролог пробормотала влопыхах,
Начало возвестила самолично

И хоть погибель отвела до срока,
А все ж взыскует с юноши жестоко.

Мы в Лондоне теперь. В какую пору?
Подумал было я, что в феврале.
Ведь в холода съезжаются актеры
Давать спектакли в лондонском тепле —
Трагедии! Но нет... Фортуна — спора:
Уже апрель неверный на земле —
То жди капли, то опять метели;
Да, кстати, я и сам рожден в апреле.

Жил в Лондоне на улице старинной
Роберто, бойкий купчик из Тосканы;
Умел он обхитрить самую судьбину,
Его старая были беспрестанны;
Приказчики, писцы, простолюдины —
Всяк на него работал без обмана;
Большая прибыль к купчику бежала,
Хоть он отнюдь не брезговал и малой.

И вот сидит Роберто за столом —
Вдруг стук. Не дожидаясь приглашенья,
Бесцеремонный гость заходит в дом —
Довольно безотрадное явленье.
Одежда чужеземная на нем,
В чертах лица — тоска и утомленье.
Высок он, тощ, слеза и злость во взгляде —
Не стащит, так попросит бога ради.

«Мы с вами, — говорит он, — земляки,
А с батюшкой моим вы побратимы.
Андреас Роджо я, сын Луки.
Отец мой из Флоренции родимой
Вам шлет шелков бесчисленные тюки;
В семействе нашем вы высоко чтимы,

За вас мы молим бога перед спом.
Я, как отца, прошу вас об одном.

В Турине лорд английский арестован.
Его беда мне застит белый свет.
Горчайший жребий лорду уготован.
За что же? За невипнейший предмет:
Он собиратель... Не собирал жуков он,
Ни камушков, ни свитков, ни монет.
А лишь, чудак (таков британский поров!),
Сбирал счета от сотен кредиторов.

Британский лорд в тюрьме, как жалкий тать,
За склонность к необычному томится!
А я, в Турин приехав торговать,
Решил взглянуть, чем древний град
гордится,—

Соборы, мощи, всё не передать,
И главное, туринская темница —
И собиратель там. Его собрацье
Воистину превыше описанья!

Я вас могу заверить как знаток —
Коллекция в пятнадцать тыщ цепою!
Владелец же — забился в уголок
Под мерзостной тюремною степою
(Там воздух сперт и низок потолок).
И состраданье овладело мною,
И я поклялся: сил не пожалею,
Освобожу британца поскорее!

Немедленно я к делу приступил,
Чтоб вырвать из узилища героя.
Он мне расписку новую вручил,
Где прежний долг уже умножен втрое.
— Езжай к Роберто, — так он возгласил. —
Роберто долг покроет, и с лихвою!

Он знает, как богат я и как честен...
Ну, а дальнейший путь мой вам известен».

Не думайте, что это говорилось
С униженной просьбой и мольбой,
Напротив — как неслыханная милость,
Притом не без намека на разбой,
Коль вспоможенье б не осуществилось.
Но у купца Роберто нрав крутой —
И, перед чужаком не тупя взгляда,
Он обрывает наглуую тираду.

«Как раз сегодня мне пришло посланье
От вашего почтенного отца.
Синьор Лука в большом негодованье
И почитает вас за подлеца.
Он называет ваше обещанье
Предвестием ужасного конца.
Прохвостом выставляя вас отпетым,
Он пишет мне — и всем купцам — об этом.

Но то, что вы задумали сейчас,
Скажу вам честно, не сулит дурного.
Достойный лорд, разжалобивший вас,
Наследства ждет — и очень недурного.
Я за него готов на этот раз
И вправду заплатить как за родного,
Вот только поручителя найдите.
Идите к лордам, к королю идите!»

И к родичам он мчится церемонным
(В Британии нет никого богаче).
Рассказывает им о заточенном,
Живописует, жалких слез не пряча,
Ужасный мрак в узилище зловонном,
И крыс, и вшей... Но всюду незадача:

«Король,— любой из лордов отвечает,—
Его послал — пусть сам и выручает!»

Король пусть выручает!.. И тосканец
Не чуя ног стремится во дворец.
«Британия,— зовет,— в ценах британец!
Британский лорд, считай, живой мертвец!
В узилище туринском твой посланец.
Неужто там и ждет сего конец?»
Со смехом челядь вокруг него толпится:
«Святой Георгий к нам решил явиться!»

Но вот ответ придворного: «Терпеньё!
В недобрый час, ударясь в мотовство,
Себя обрек ваш лорд на заточенье —
Казне сейчас совсем не до него.
Принцессы предстоит нам обрученье —
И все, что есть, ушло на торжество
И на брильянты вепценосной даме.
Пойдите к казначею, гляньте сами».

Коль поддается рай сравненью с адом,
То вспыхнул бриллиантов фейерверк
Пред итальянцем, как эдем... Здесь, рядом!
А образ заточенного померк.
Несчастный узник! Соблазвившись кладом,
Спаситель твой сомпеция отверг
И, замышляя подлую затею,
Стрелой повнесся к лорду-казначею.

Лорд Эдмонд крепко верил во Христа,
Но не чурался радостей телесных.
Он отступал от правила поста
Во славу яств заморских и окрестных.
Весь щедрость и вдобавок — простота,
За стол любил сажать и неизвестных,

И наш тосканец чуть ли не насильно
Был приглашен откушать изобильно.

Андреас, нетерпением пылая,
За дело взялся прямо за столом,—
Мол, ювелир он, из чужого края,
Мол, всем на свете сыздавна знаком
И прибыл в Лондон, твердо уповав
На то, что и с британским королем,
Который выдает принцессу замуж,
Свести знакомство сможет он,— а там уж...

«Зачем,— лорд Эдмонд перебил, однако,—
Ты за столом о деле речь ведешь?
Вот рябчики в вине. Вот вина. На-ко!
А угорь здешний разве не хорош?»
Но итальянец ест и пьет без смака,
Он нетерпенья сдерживает дрожь,
Но вот уносят блюда и кувшины
И достают алмазы и рубины.

Как фавн, следя украдкой за паядой,
Подстерегает около куста,
Когда невыразимую усладой
В свой полный рост предстанет нагота,—
Так и пройдоха не спускает взгляда
С шкатулки — та покуда заперта,
Но наконец, как дева, отворилась —
И чудо долгожданное открылось.

Там были звезды, месяцы, светила,
Рубины, диаманты и гранаты,
А главное, горело и светило
Червонное — в безмерном блеске — злато.
Волнение Андреаса охватило,
И он заговорил как бесноватый;

Так говорят жрецы и звездочеты,
Хоть и в безумье есть свои расчеты.

«Все золото земное предо мною —
Единственное в мире колдовство.
Пред ним и честь и совесть — все пустое,
Ведь всемогуще это божество;
Супружества крушит оно устои
И девства побеждает хвастовство.
Лишь золотой монетою поманишь —
И властелином всей вселенной станешь.

Зачем же понапрасну тратить силы
И юность недостойно расточать —
И жалкий куш оспаривать уныло,
И вдов влюбленных мелко обирать?
Бери по крупной! Всё бери, что мило!
Что приглянется, то и пужно брать!
И хоть решенье поздно подоспело,
Но раз пришло, то мне пора за дело!

А вы, князья, как серые вороны,
Рассевшись важно по сукам!
Настает час — и с вас сорвут короны
И кланяться никто не станет вам.
Что человек? Он дух непогребенный,
Лишь злато дарит тяжесть телесам.
И вот оно во мраке мне искрится.
Пора, монарх, со мною поделиться!»

Так говорил он — в мыслях. А открыто
Безмолвствовал. «Приятель, согласись!
Чьи диаманты столь же знамениты?
Чьи аметисты огненной зажглись?
Чьи перлы той же негою облиты?
А если что имеешь — не таись!»

Шельмец ответил: «Уж не обессудьте,
Отзавтракать назавтра к нам прибудьте!»

К Роберто отправляется пройдоха,
Нашелся поручитель, говорит.
Богат и знатен, честен без подвоха
И к лорду состраданием горит.
Он и к купцам относится неплохо.
И доступ к королю ему открыт.
«Задай пазавтра завтрак. Да отменпый!
Наш поручитель — гость наш драгоценный!»

Роберто проявил свое старанье,
А гость был ровно в полдень тут как тут.
По зале разлилось благоуханье,
И дивный пар поплыл из белых блюд.
Горят графинов радужные грани,
Едят и пьют они, едят и пьют,
О деле же — покуда ни полслова:
Беседа за едою бестолкова.

Беспечный лорд вкусил всего помногу
И выпил много доброго вина
И крепкого, с огнем и перцем, грогу,
Но кротости душа его полна.
Христианин, он был угоден богу,
Его не смел смутить и сатапа,
Но Андреас, лихие козни строя,
Сказал ему: «Прошу паверх, за мною!»

Лорд Эдмоуд, о дурном не помышляя
(Пусть ангел, по отчасти и протак),
В ответ на приглашение пегодяя
Безропотно поднялся на чердак.
Шкатулка там стояла золотая.
Над нею наклоняется, бедняк,

Чтоб рассмотреть получше, что в ней
скрыто,—

И падает, предательски убитый.

Убийца с пальца жертвы перстень снял
(Печатка имя Эдмонда послала),
Взял ключ у мертвеца — и прочь бежал,
Как будто бы введом нечистой силой,
Чердак же — занер наглухо... Похвал
Достойна жизнь твоя, лорд Эдмонд милый,—
Ты казначей был неподкупно честный,
Одарят ли тебя казной небесной?

Убийца мчится к дому казначея,
Жена (теперь вдова) его встречает;
«Я к вам гонцом,— вот притча лиходдея,—
Супруг ваш, отобедав, сон вкушает.
Послал он за шкатулкую своюю,
Он важный торг со мною затевает.
Вот перстень, вот ключи,— он молвит

гордо,—

Не сомневайтесь: я посланник лорда».

Вдова была отнюдь не простовата,
Но женщин объезжать умел хитрец.
Вдвоем они обшарили палаты,
Вдвоем перетряхнули весь дворец —
Шкатулки нету. Спрятана куда-то.
Туда, где не пайти. И наконец
Андреас понял, как он просчитался,
И, проклиная рок, расхохотался.

А между тем возмездие грозит.
Убийство вскроют — и его казнят.
Поэтому он к берегу спешит,
Где корабли спасение сулят,—
В сравненьи с плахой это славный вид!
Едино, на восход или на закат

Божать — лишь бы от Англии подале!
...Но громы уж вдали загромыхали.

Роберто что-то пишет за столом,
А сверху — струйки алые сочатся!
Но не был бы он истинным купцом,
Когда бы стал на это отвлекаться;
Куда важней свести число с числом,
Как вдруг пошли чернила расплываться;
Порезался он, что ли, в самом деле,
Или чернила сами заалели?

Роберто, это впредь тебе паука,
Намек — из адской бездны или свыше!
Двойная бухгалтерия — не штука
В сравненье с трупом, спрятанным под
крышей.

На ровном месте поскользнуться — мука,
Судьба разит еще хитрей и тише:
С утра купцом ты был... купцом примерным!
А в полдень потянуло духом серным!

Роберто, супув за ухо перо,
Скликает домочадцев для совета.
Кому кинжал вонзили под ребро,
Из чьей груди струя струится эта,
Кому распотрошили все путро?
Чердак взломали слуги и клевереты:
Лорд Эдмонд после трапезы беспечной
В кровавой луже сон вкушает вечный.

Решит несчастье в доме поселиться —
И все переверпет своим приходом,
И радость тут отныне не жилища,
И верный друг помедлит перед входом,
А чуть войдет — давай всему дивиться,
Как будто к карлам он пришел, к уродам,

К каким-нибудь мифическим лемурам,
Как призраки, бесплотным и понурым!

Так у Роберто в доме пынче стало,
И за столом толкуют об одном:
«Подобный труп не бросишь где попало,
Ведь подозренье пало бы на дом!»
Но, слава богу, дом не без подвала,
Колодец тихий есть в подвале том,
И труп в колодец этот отправляют.
Роберто, хоть не мертв, не оживает.

Не оживает, ибо мертв от страха.
Он позабыл возлюбленные числа.
Теперь, когда грозит позор и плаха,
В веденье книг конторских мало смысла:
Зачем ему в делах бежать от краха,
Когда погибель страшная нависла.
Все чудится — из книги кровь сочится!
Все чудится — повытчик в дом стучится!

Но погодите! Дни идут и дале.
Король хватился: Эдмонда не стало.
И потому монарх в большой печали,
Да и шкатулка, главное, пропала!
Распорядился, чтобы поискали...
Молва о флорентийце побежала,
Мол, казначей зашел, да и не вышел.
И тут Роберто стук у врат услышал.

Пришел судья и сыщики его.
Обшарили весь дом до самой крыши.
Они не упустили ничего:
Ни паутины, ни летучей мыши.
Лишь Эдмонда не видно. Колдовство!
Тут про колодец, что журчал все тише,

Проведали, взглянули — из колодца
Торчит рука — и, значит, суд начнется!

Гораций Флакк в рассказе о Медее
Детоубийства нам не расписал
В подробностях, чтоб было пострашнее...
Вот сдержанность, достойная похвал!
Поэтому про месть за казначея
Расскажем, чтя античный идеал:
Повесили Роберто со слугами
Под блеклыми чужими небесами.

А если вы устали наблюдать
Прискорбные и страшные события,
То мне пора смешить и потешать
И совершать забавные открытия.
Младой вдове наскучило страдать,
Она полна вполне здоровой прытью.
«Нет Эдмонда», — так думает Камилла,
Но думает все менее уныло.

Ее стенанья стали соразмерны,
А слезы жарче, слаще и нежней.
Уже не мнит, что свет — исчадьё скверны,
И не бежит веселых майских дней.
Ведет себя по-прежнему примерно,
Но шепчется с наперсницей своей,
А та твердит: есть средство от недуга.
Пора спровадить мертвого супруга!

«Взгляни, веспа, ее нельзя не славить!
А вправе славить тот лишь, кто влюблен.
Вели кровать иначе переставить,
Чем как она стояла испокон.
В ней юношу во сне сумеи представить —
Увидишь, это будет славный сон.

Все мертвецы сошли в гроба глухие,
А мы живем, и нам нужны живые!»

В ответ Камилла: «Можно ли такое!
Покойному супругу изменять!»
Но не дает ей эта мысль покой,
И вот она решилась испытать,
Что будет, коль в супружеском покое
Все ж сдвинуть с места прежнего кровать.
И сдвинула. И вот что оказалось:
Шкатулка под кроватью отыскалась!

Камилла обратилась за советом
К двум родичам, мужам седебородым.
Но те, едва прослышали про это,
Давай ее стращать дурным исходом.
Находка не останется секретом,
Не зря шкатулку ищут всем народом.
Не лучше ли самой предстать у тропа
И высочайше быть вознагражденной?

Камилла порешила появиться
Вдовою, чье блаженство — позади,
Повесила слезинки на ресницы,
Шнуровку затянула на груди,
А в остальном взяла пример с блудницы
(Той вера повелела: «Не блуди!»),
Когда она в Магдале промышляла)
И во дворец с шкатулкой зашагала.

Едва король нежданною паходкой
Натешился, как вспомнил о вдовице.
Легко ли ей, пусть праведной и кроткой,
С потерсю сокровищ примириться?
Как поступить с печальной красоткой?
Какой ей повод дать развеселиться?

Решил властитель: ей подарим малость,
Раз вся шкатулка нам теперь досталась.

И вот из богатейшего собрания
Кольцо он драгоценное достал:
«Наш дар тебе отнюдь не за старанья,
И не за честность выше всех похвал,
И не за вдовьи горькие терзанья,—
Их знает только тот, кто сам терял,—
Наш дар затем, чтоб в свете ты блистала,
К кольцу в придачу взяв у нас вассала!»

В толпе придворных молодой барон,
Высок, и строен, и хорош собою,
Еще при жизни Эдмонда влюблен
В прекрасную Камиллу всей душою,
У окон гарцевал порою он —
И замечаем был из них порою;
Теперь же, очастливлен в одночасье,
Кольцо он получает и согласие.

Брильянты, драгоценное изделие,
Чистейшее чело собой украсьте!
Ты на груди красуйся, ожерелье,
Смирения залогом, а не страсти!
Златое, расверкайся, рукоделье,
У истинно достойного во власти!
Сокровища, с вас кровь отныне смыта,
Хоть злодеяний вслед за вами свита...

Тебе поем, король британский, славу!
И вдовам — под тобою — жить не тяжело!
Еще одну утешил ты на славу —
Вдову Роберто, Кёрдулу-бедняжку.
Послав ее супруга на расправу,
Ты ей с детьми готов простить проманку

Недонесепья...— Хоть во искупленье
Их дом и двор пустил на разграбленье.

И вот король призвал ее. И даже
Приданое отсыпал полновесно,
Чтоб выдать замуж. Ведь не молода же,
Но жить вдовой и ей неинтересно.
Младой писец. К убийству и пропаже
Он не причастен. Это всем известно:
В отлучке был. Зато теперь на месте.
И, несомненно, нравится невесте.

Король решил взглянуть, каков мошенник,—
И видит, что мошенник он и верно,
И женится, конечно, из-за денег,
И вдовушка излишне легковерна,
Но так ей полюбился соплеменник,
Что если все и кончится прескверно,
То лишь сама в том будет виновата —
И выдал он вдову за Фортуната.

Здесь занавес. Но, зрители, какую
Трагедию мы вам преподнесли!
Разоблачен убийца подчистую,
Труп извлечен, считай, из-под земли,
Утешили вдовицу молодую,
К венцу немолодую повели —
И вроде слезы высохли навечно,
Но горе пам! Фортуна бессердечна!

1814—1816

КОММЕНТАРИИ

В настоящем издании стихотворения Людвига Уланда публикуются в хронологическом порядке, хотя сам поэт располагал их по принципу нарастания того или иного «романтического» чувства, настроения, состояния — независимо от времени написания конкретных произведений. Поскольку в нашем сборнике стихотворения Уланда публикуются далеко не в полном объеме, уже тем самым оказывается невозможным соблюдение авторской композиции. Зато хронологический принцип позволил без помех включить в состав книги стихотворения из рукописного наследия поэта, которые в изданиях на немецком языке, как правило, публикуются лишь вслед за основным собранием.

В настоящем сборнике стихотворное наследие Уланда представлено в двух разделах: 1803—1813 и 1814—1862. Это деление соответствует двум важнейшим этапам его творчества. Первый этап — годы плодотворного эстетического поиска, в результате которого Уланд, бесспорно, становится одним из ведущих романтических немецких поэтов. На втором этапе — с 1814 года — творчество Уланда обретает новую грань — поэт активно включается в политические битвы современности, что значительно расширяет диапазон его творчества.

Свои первые стихотворения Уланд написал еще в 1800 году. С 1806 года он начал активно публиковать-

ся в периодических изданиях и альманахах. В 1815 году в известном издательстве Котты, издававшем произведения Шиллера и Гете, вышел сборник Уланда «Стихотворения» («Gedichte»), который при последующих изданиях (1820, 1826, 1829, 1831, 1833, 1834 и т. д.) пополнялся новыми произведениями. Все издания «Стихотворений» построены на сложном сочетании жанрового, хронологического, тематического принципов и особо продуманной композиционной структуры, которая должна была нести в себе дополнительную идейно-эстетическую нагрузку. Помимо «Стихотворений», Уланд издал лишь один небольшой поэтический сборник «Отечественные стихотворения» (1817), который затем включил в качестве отдельного раздела во второе издание «Стихотворений» (1820). Последнее прижизненное издание «Стихотворений» (1861) было уже 42-м по счету. Первое критическое издание вышло в 1893 году; образцовым стало двухтомное критическое издание, подготовленное известными германистами Эрихом Шмидтом и Юлиусом Хартманом в 1898 году. Активная текстологическая работа и архивные поиски возобновились с 1960-х годов в ФРГ. В Марбахе в Шиллеровском музее хранятся рукописи Л. Уланда. В ГДР также вышло несколько изданий избранных произведений писателя. В работе над данной книгой были использованы: *Uhlands Werke. Bd. 1—2, Hrsg. von L. Fränkel. Leipzig und Wien, 1893*; *U l a n d L. Gesammelte Werke in acht Bänden. Hrsg. von W. Reinöhl. Leipzig, 1914.*

Предлагаемые ниже комментарии — по необходимости краткие — имеют своей целью несколько расширить исторический контекст восприятия отдельных произведений Уланда, помочь в правильном понимании труднодоступных реалий текста, указать источники русских переводов и привести некоторые их варианты.

Третья элегия (стр. 25).— Одна из четырех элегий, написанных в сентябре — октябре 1803 г. и посвященная Фридрике Абель (1788—1874), дочери Фридриха Абеля — учителя Шиллера в «Карловой школе», ставшего затем профессором университета в Тюбингене.

Смерть витязей (стр. 26).— Баллада написана 14 июля 1804 г.; является самым ранним из произведений Улаида, включенных им в сборник «Стихотворения». Сюжет заимствован из «Истории датчан» Саксона Грамматика (1140 — ок. 1208), где в седьмой книге рассказано о битве между шведами и датчанами.

Слепой король (стр. 27).— Баллада написана 24 августа 1804 г.¹, стилистически переработана 5 декабря 1814 г. Сюжет заимствован из четвертой книги «Деяний датчан» Саксона Грамматика, где, правда, отсутствует мотив похищенной принцессы.

Утешение (стр. 31).— Имеется семь музыкальных переложений этого стихотворения, в том числе И. Брамса. Перевод В. А. Жуковского (1818) впервые опубликован в «Полярной звезде на 1823 год». Известно всего двадцать переводов В. А. Жуковского из Улаида, осуществленных в 1816—1833 гг. Это стихотворение переводил также А. А. Милорадович: «Монахиня» в кн.: Милорадович А. А. Сказки, переводы и стихотворения. М., 1904, с. 112.

Пастух (стр. 32).— Существует также перевод А. А. Зоргенфрея в кн.: Гейне Г. Полн. собр. соч., т. VII. М.—Л., 1936, с. 288—289.

¹ Далее мы ограничимся (кроме особых случаев) лишь указанием на год написания стихотворений.

Король на башне (стр. 34).— Перевод М. Л. Михайлова был впервые опубликован в «Сборнике литературных статей, посвященных русскими писателями памяти А. Ф. Смирдина» (т. VI. СПб., 1859, с. 121). Всего известно десять переводов М. Л. Михайлова из Уланда, некоторые стихотворения он переводил дважды.

Песня бедняка (стр. 35).— Перевод В. А. Жуковского (1816) был впервые опубликован в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» (СПб., 1821, ч. 10, № 6). Жуковский при переводе последовательно преобразует лютеранскую протестантскую обрядовость Уланда в православные обычаи.

Монах и пастух (стр. 40).— Перевод Ф. Б. Миллера (1816—1881) публикуется по кн.: Миллер Ф. Б. Стихотворения. Изд. 3. М., 1872, с. 149—150. Всего известно шесть переводов Ф. Б. Миллера из Уланда.

Часовня (стр. 41).— Перевод, помеченный инициалами П. Н., публикуется по кн.: Уланд И.-Л. Избранные стихотворения в переводах русских поэтов. СПб., 1902. Установить подлинное имя переводчика не удалось. Существует также перевод Е. Головина «Сельский храм», напечатанный в журнале «Модный магазин» (1868, № 6, с. 102).

Замок у моря (стр. 42).— Известно пять музыкальных переложений этого стихотворения (К. Кройцер и др.). В. А. Жуковский в 1831 г., изменив строфику и ритмику, довольно точно передал содержание.

ЗАМОК НА БЕРЕГУ МОРЯ

«Ты видел ли замок на бреге морском?
Играют, сияют пад ним облака;
Лазурное море прекрасно кругом».

«Я замок тот видел на бреге морском;
Сияла над ним одиноко луна;
Над морем клубился холодный туман».

«Шумели ль, плескали ль морские валы?
С их шумом, с их плеском сливался ли глас
Веселого пенья, торжественных струн?»

«Был ветер спокоен; молчала волна;
Мне слышалась в замке печальная песнь;
Я плакал от жалобных звуков ея».

«Царя и царицу ты видел ли там?
Ты видел ли с ними их милую дочь,
Младую, как утро весеннего дня?»

«Царя и царицу я видел... Вдвоем,
Безгласны, печальны, сидели они;
Но милой их дочери не было там».

Перевод В. А. Жуковского был впервые напечатан в журнале «Муравейник» (1831, № 4).

Горный пастух (стр. 44).— Перевод при жизни М. Л. Михайлова не публиковался, был запрещен цензором также и при попытке напечатания в 1874 г. в журнале «Дело». Впервые опубликован: Собрание стихотворений М. Михайлова. СПб., 1890, с. 152.

Мечта (стр. 45).— Помещаем также перевод В. А. Жуковского (1816), впервые опубликованный в «Полярной звезде на 1823 год»:

СЧАСТИЕ ВО СНЕ

Дорогой шла девица;
С ней друг ее молодой;
Болезненны их лица;
Наполнен взор тоской.

Друг друга лобызают
И в очи и в уста —
И снова расцветают
В них жизнь и красота.

Минутное веселье!
Двух колоколов звон:
Она проснулась в келье;
В тюрьме проснулся он.

Существует также перевод А. А. Милорадовича (см. вышеуказ. изд., с. 111).

Блаженная смерть (стр. 46).— В 1847 г. в «Литературной газете» (№ 33, с. 159) был опубликован перевод М. Л. Михайлова, существенно отличающийся от впоследствии доработанного текста. Приводим окончательный вариант.

БЛАЖЕННАЯ СМЕРТЬ

Я умер от неги
Любви и счастья;
Мне были могилой
Объятья милой;
Меня воскресили
Ее лобзанья;
Я небо увидел
В очах прекрасных.

Существует также перевод А. Н. Струговщикова (1808—1878), опубликованный в «Отечественных записках» (1842, т. XXII, отд. I, с. 370).

Слова старца (стр. 46).— Перевод Н. П. Огарева был опубликован в «Отечественных записках» (1843, т. XXVIII, с. 196).

Три песни (стр. 46).— Перевод В. А. Жуковского (1816) впервые был опубликован в «Соревнователе просвещения и благотворения» (СПб., 1820, ч. 10, № 4). Жуковский изменил ритм и заменил немецкое имя «Зифрид» («Sifrid») на «Освальд».

Мать и дитя (стр. 48).— Приводим также перевод М. Л. Михайлова, впервые опубликованный в журнале «Подснежник» (1858, III, с. 1).

МАТЬ И ДИТЯ

«У тебя есть братец в небе!
Он меня не огорчал
Никогда — и божий ангел
В небеса малютку взял».

— Научи меня, родная,
Как тебя мне огорчить,
Чтоб не мог меня с тобою
Божий ангел разлучить.

Существует также перевод Ф. Б. Миллера (указ. соч., с. 132).

Ночью (стр. 49).— Перевод М. Л. Михайлова впервые опубликован: «Иллюстрация» (1848, № 40, с. 247).

Победитель (стр. 50).— Перевод В. А. Жуковского (1822) впервые опубликован: «Полярная звезда на 1823 год», с. 376. Жуковский очень точно передал содержание и форму оригинала.

П а с т у ш ь я п е с н я (стр. 51).— Перевод М. Л. Михайлова впервые опубликован: «Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти А. Ф. Смирдина», т. VI. СПб., 1859, с. 123.

Существует также перевод А. А. Милорадовича (указ. соч., с. 117).

Х о р о ш и й т о в а р и щ (стр. 51).— Стихотворение переводили также В. А. Жуковский, М. Л. Михайлов и др. Перевод В. А. Жуковского (1826—1827) при жизни не печатался. Впервые на черповой вариант стихотворения указал Н. Бычков в 1887 г. (Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в имп. Публ. библиотеку в 1884 году. СПб., 1887, с. 12). Но лишь Ц. Вольпе в 1939 г. обнаружил, что это перевод из Уланда:

Был у меня товарищ,
Уж прямо брат родной.
Ударили тревогу,
С ним дружным шагом, в ногу
Пошли мы в жаркий бой.

Вдруг свистнула картеча...
Кого из нас двоих?
Меня промчалось мимо;
А он... лежит, родимый,
В крови у ног моих.

Пожать мне хочет руку...
Нельзя, кладу заряд.
В той жизни, друг, сочтемся;
И там, когда сойдемся,
Ты будь мне верный брат.

Перевод М. Л. Михайлова был впервые опубликован в «Литературной газете» (1849, № 3, с. 39). Впоследствии М. Л. Михайлов существенно переработал свой перевод. Публикуем окончательный вариант.

ДОБРЫЙ ТОВАРИЩ

Был у меня товарищ,
Товарищ дорогой.
Был барабан тревогу;
Он шел со мною в ногу,
Шаг в шаг, рука с рукой

Тут вдруг шальная пуля.
Не мне ли? Нету; с ног
Его рядком свалило,
Как словно отхватило
От тела мне кусок.

Он протянул мне руку;
А мне — вбивать заряд.
«Ну, не взыщи, сердечный!
Дай мира в жизни вечной
Тебе господь, камрад!»

Эта песня Уланда с народным вариантом мелодии получила столь широкое распространение, что уже с 1840-х гг. стала помещаться в сборниках народных песен.

Хозяйкина на дочь (стр. 53).— В 1820 г. балладу перевел В. А. Жуковский (Соревнователь просвещения и благотворения. СПб., 1820, ч. 10, № 5):

ТРИ ПУТНИКА

В свой край возвратяся из дальней земли,
Три путника в гости к старушке зашли.

«Прими, приюти нас на темную ночь;
Но где же красавица? Где твоя дочь?»

«Принять, приютить вас готова, друзья;
Скончалась красавица дочка моя».

В светлице свеча пред иконой горит:
В светлице красавица в гробе лежит.

И первый поднявший покров гробовой
На мертвую смотрит с унылой душой:

«Ах! если б на свете еще ты жила,
Ты мною б отныне любима была!»

Другой покрывало опять паложил,
И горько заплакал, и взор опустил:

«Ах, милая, милая, ты ль умерла?
Ты мною так долго любима была!»

Но третий опять покрывало поднял
И мертвую в бледны уста целовал:

«Тебя я любил; мне тебя не забыть;
Тебя я и в вечности буду любить!»

Эта баллада Уланда с 1840-х гг. публикуется в сборниках народных песен и до сих пор широко поется. Помимо народного варианта мелодии существует еще пять композиторских переложений.

Развалины (стр. 54).— Перевод М. Л. Михайлова впервые опубликован: Стихотворения М. Л. Михайлова. Берлин, 1862, с. 105.

Утес Телля (стр. 54).— К образу легендарного швейцарского героя Вильгельма Телля (XIV в.) Уланд впервые обратился в 1807 г.: во время путешествия с друзьями по Швейцарии он написал прозаический отрывок «Фантазии из Швейцарии», впервые помещенный в рукописном журнале тюбингенских романтиков «Воскресный листок для просвещенных словесий» (1807, № 4, 1 февр.).

Сон (стр. 56).— Перевод В. А. Жуковского впервые опубликован: «Полярная звезда на 1823 год». Имеется также перевод А. А. Милорадовича.

Мщение (стр. 56).— Перевод В. А. Жуковского (1816) впервые опубликован: «Невский зритель» (1820, февр., с. 85).

Ночной рыцарь (стр. 57).— Перевод Д. Мина впервые опубликован: Русский вестник (1890, т. 145, янв., с. 409). *Алтан* (альтана) — башня, балкон, беседка (устар.).

Старый рыцарь (стр. 59).— Под таким названием В. А. Жуковский перевел стихотворение Уланда «Боярышник графа Эбергарда» в конце 1832 г.; оно было опубликовано в «Библиотеке для чтения» (1834, т. 2). Жуковский опустил в переводе все имена, и таким образом исчезла сюжетная привязка стихотворения к графу Эбергарду I (1445—1496), первому герцогу Вюртембергскому. По всей вероятности, «Ветка Палестины» Лермонтова написана не без влияния «Старого рыцаря» Жуковского.

Рыцарь Роллон (стр. 66).— Название этой баллады у Уланда «Юнкер Рехбергер». Сказание о дерзком рыцаре Рехбергере зафиксировано во многих источниках, в том числе в «Немецких преданиях» (1816—1818) братьев Гримм. В. А. Жуковский, впервые опубликовавший свой перевод (1832) в «Библиотеке для чтения» (1834, т. 2, с. 93), изменил имя героя и опустил ироническую заключительную строфу баллады Уланда (см. с. 14).

Гаральд (стр. 68).— Перевод В. А. Жуковского впервые опубликован: «Соревнователь просвещения и благотворения» (1820, № 3).

Песни странника (стр. 79).— Цикл, в окончательном варианте включивший в себя девять песен,

создавался поэтом в 1806—1811 гг. В 1813 г. в издании вюртембергских романтиков — альманахе «Поэтический лес» («Dichterwald») эти стихи были опубликованы под заголовком «Восемь новых песен странника». Это был первый из многочисленных впоследствии немецких романтических песенных циклов; цикл в целом и отдельные его песни привлекли внимание композиторов (И. Брамс, К. Кройцер, К. Лёве и др.).

Прощание (стр. 79).— Это стихотворение существует в переводе М. Л. Михайлова (впервые опубликован в 1862 г.):

Так прощай, моя радость, прощай!
Дождались мы с тобой расставанья.
Поцелуй же меня, приласкай!
Уж другого не будет свиданья.

На прощанье нарви мне цветов!
Все на яблоне ветки белеют.
Не увижу на ней я плодов:
Без меня они летом созреют.

Приводим также перевод Ю. Жадовской (в кн.: Уланд Л. Избранные стихотворения в переводах русских поэтов. СПб., 1902, с. 5):

О, прощай, моя радость, прощай!
Суждено нам расстаться с тобой.
Поцелуй на прощанье мне дай:
Так назначено, видно, судьбой.

Принеси мне скорее цветов,
Что цветут на деревьях в саду.
Не дожидаться мне, видно, плодов.
Я от жизни плодов и не жду.

Меч Зигфрида (стр. 84).— Этот перевод и остальные девять переводов Вильгельма Левика (1907—

1982) из Уланда были впервые опубликованы в кн.: Немецкие баллады. М., Детская литература, 1958.

Плаванье Карла Великого (стр. 85).— Перевод В. А. Жуковского (1832) впервые опубликован в его четвертом собрании сочинений (1835—1844, т. 5). С легендой о поездке Карла Великого в «святую землю» (Палестину) Уланд познакомился по старофранцузским источникам в Париже. В источниках отсутствует, однако, мотив бури, который Уланд положил в основу сюжета своей баллады. Жуковский в данном случае точно следует за Уландом.

Весенние песни (стр. 87).— Первые три стихотворения цикла Уланд написал 21 марта 1812 г., согласно пометке в дневнике, «после вчерашней прогулки на Шлосберг» (гора в окрестностях Тюбингена). Весь цикл состоит из девяти стихотворений, написанных в 1811—1830 гг. Семь стихотворений (кроме № 6—«Весеннее утешение» и № 7—«Будущая весна») были опубликованы как «Весенние песни» уже в 1815 г., повлияв на Вильгельма Мюллера, известного автора романтических песенных циклов. «Весенние песни» были широко известны и также привлекли внимание многих композиторов (Ф. Мендельсон-Бартольди, Ф. Шуберт, К. Кройцер и др.).

Весеннее успокоение (стр. 88).— Перевод Ф. И. Тютчева впервые опубликован: «Телескоп» (1832, № 10, с. 154). Приводим также перевод М. Л. Михайлова (1861):

Ах! не кладите в могилу меня
В ясное утро весеннего дня!
Если меня схоронить захотите,
Лучше в густую траву положите!

Любо в траве и в цветах мне лежать:
Издали будет свирель мне звучать,
А в вышине будут плыть надо мною
Майские тучки прозрачной грядю!

Весенняя песня рецензента (стр. 89).—
...с клейстовской весной в кармане.— Имеется в
виду стихотворение «Весна» Эвальда Кристиана фон
Клейста (1715—1759).

Дон Массиа (стр. 90).— Четвертое стихотворе-
ние из цикла «Любовь поэта». В основе сюжета — судь-
ба средневекового испанского поэта Марция, убитого
в 1434 г., этот сюжет привлекал многих поэтов. Пере-
вод Д. Мина приводится по изд.: Русский вестник,
1880, т. 145, январь, с. 410—411.

Тайлефер (стр. 91).— Битва при Гастингсе про-
изошла 28 сентября 1066 г. Содержание строф 1—6 и
15 в использованных Уландом исторических источни-
ках не зафиксировано и является свободным вымыс-
лом поэта.

Вперед (стр. 97).— Перевод В. А. Зоргенфрея
публикуется по изд.: Гейне Г. Полн. собр. соч. в
12-ти томах, т. VII. М.— Л., 1936, с. 288—289. Стихотво-
рение передает патриотический подъем, охвативший
немецкие земли, и прославляет единение европейских
народов в борьбе против Наполеона.

Граф Эберштейн (стр. 98).— Сказание о гра-
фе Эберштейне Уланд прочитал в журнале известного
знатока древностей Ф.-Д. Грэттера в 1812 г. Позднее
поэт дважды — в 1822 и 1836 гг.— посещал замок Эбер-
штейн, находящийся вблизи от Баден-Бадена. Перевод
М. Волошина был опубликован в газете «Русский Тур-

кстап» (1900, № 7, 15 октября, с. 1). Текст двух переводов М. Волошина из Уланда передан составителю Е. В. Витковским.

Испанский студент (стр. 100).— Перевод стихотворения Уланда «Студент» из цикла «Жалобы любви» публикуется по изд.: Русский вестник, 1880, т. 145, январь, с. 411—413.

Алонзо (стр. 102).— Второе стихотворение цикла «Любовь поэта», написано по итальянским источникам. В. А. Жуковский, переведший балладу в 1831 г., заменил заглавное имя героя — Дюранд — на Алонзо.

Данте (стр. 105).— Пятое стихотворение цикла «Любовь поэта». Источниками Уланда были произведения Данте и книга Ф. Бутервека «История поэзии и красноречия» (1801—1819).

Проклятие певца (стр. 107).— Источник баллады восходит к Т. Перси («Памятники древней английской поэзии», 1765) и к Гердеру. Баллада Уланда пользовалась очень большой популярностью, известно около десяти ее музыкальных переложений.

На русский язык «Проклятие певца» переводилось неоднократно. В 1846 г. в журнале «Москвитиния» (№ 7, с. 13—14) был опубликован перевод Ф. Б. Миллера. Приводим для сравнения доработанный вариант по изд.: Стихотворения Ф. Б. Миллера. М., 1872:

Стоял когда-то замок — угрюмый великан,
Глядел он через поле на синий океан,
Кругом него тянулись сады цветной каймой,
В них били водометы алмазною струей.

Его владетель гордый был грозен и силен,
И бледный и угрюмый, сидел на тропе он;

Что взгляд его — то трепет, что дума — то боязнь,
Что слово — то оковы, что приговор — то казнь.

Раз к замку шли два скальда: один, во цвете лет,
Был статен и прекрасен; другой — и дряхл и сед;
Он тихо ехал с арфой на вороном коне,
А юноша товарищ шел бодро в стороне.

«Готовься, сын мой,— старец питомцу говорил,—
Припомни все напевы, каким тебя учил;
Сбери всю силу звуков и вторь моим струнам:
Сегодня тронуть сердце монарха должно нам».

И в зале оба скальда стоят среди мужей;
Король сидит на троне с супругою своей:
Он — грозно величавый, как буря в ночь; она —
Прекрасна, как денница, как лилия — певна.

Вот арфу вдохновенно певец маститый взял
И вещими перстами по струнам пробежал:
Они запели чудно под опытной рукой,
И с ними слил свой голос товарищ молодой.

И пели о блаженстве, о веке золотом,
О славе и свободе, о вечном и святом,
Что сладостно для сердца, что полно светлых дум,
Что возвышает душу, что окрыляет ум.

Смирился пред святыней мужей надменный дух.
В немом благоговенье стоят они вокруг.
И плачет королева; но, радости полна,
Певцам бросает розу с груди своей она.

Но, задрожав от гнева, король с престола встал.
«Вы, обольстив коварно народ мой,— он сказал,—
Прельстятъ жену хотите!» И меч он бросил свой,
И пал, пропзенный в сердце, в крови певец младой.

И вмиг, как ураганом, толпу рассеял страх;
Певец скончался тихо у старца на руках.
Он на коня сажает с собою мертвеца
И быстро выезжает из грозного дворца.

Но у ворот высоких остановил певец
Коня, и взял он лиру, всех лир других венец,

О мраморные ступи в куски ее разбил
И горьким, страшным воплем весь замок огласил:

«О, горе вам, твердыни! Отныне будут в вас
Звучать не струны арфы, не песни сладкий глас,—
Но вопли и рыдания, но стон и звук оков,
Пока вы не падете под бременем веков!

О, горе вам, фонтаны, зеркальные пруды!
И вам, в красе весенней цветущие сады!
Отныне ваша слава исчезнет навсегда!
Засохнут все деревья, иссякнет вся вода!

А на тебе, убийца, проклятие певца!
Тиран! ты не достигнешь бессмертия венца!
Твое клятое имя в века не перейдет:
Как смертное хрипенье в степи, оно замрет!»

И вещей глас поэта услышан в небесах:
И пали стены замка в развалины и прах;
Над ним стоит уныло колонна лишь одна,
И та уж покачнулась и скоро пасть должна.

В печальном запустенье лежат его сады;
Засохли все деревья, заглохли все пруды;
Об имени тирана предание молчит:
Проклятье вековое певца на нем лежит.

Ж и ц а (стр. 110).— Баллада написана Уландом на основе подлинного происшествия, о котором сообщалось в газетах в ноябре 1814 г.

Граф Эбергард Бородатый, по прозвищу Брюзга (стр. 111).— Цикл баллад на мотивы из вюртембергской истории Уланд написал в июне—июле 1815 г. Поэт использовал в процессе работы целый ряд средневековых и более поздних источников по истории Швабии XIV в.— время, к которому относятся иронически описываемые в балладах события.

Поэту, умершему от голода (стр. 124).— Написано 16 октября 1816 г. в память об умершем венском поэте И.-Л. Штолце.

Заколдованная рубаха (стр. 125).— Источником баллады Уланда была изданная Жан-Полем в 1815 г. книга Ф.-Л.-Ф. Добебека «Суеверия и героические предания немецкого средневековья», которой широко пользовался также и Г. Гейне.

Пролог к трагедии «Эрнст, герцог Швабский» (стр. 127).— «Пролог» был написан Уландом в 1818 г. для торжеств, связанных с принятием вюртембергской конституции. 29 октября «Пролог» был прочитан перед постановкой в Штутгарте драмы «Эрнст, герцог Швабский».

На раннюю смерть Вильгельма Гауфа (стр. 130).— Вильгельм Гауф, земляк Уланда, написавший в том числе и исторический роман «Лихтенштейн» на мотивы швабской истории, умер 18 ноября 1827 г.

Могущество певца (стр. 131).— Под таким названием В. Злобин опубликовал в 1883 г. свой перевод баллады Уланда «Бертрам де Борн»: Романы и повести. Библиотека мирского толка (М., 1883, № 12, с. 5—7). *Бертрам де Борн* (1140—1215) — знаменитый провансальский трубадур. Сражался против английского короля Генриха II, притязавшего на владение югом Франции, вместе с сыновьями последнего Генрихом III и Ричардом Львиное Сердце. Посвящал песни дочери Генриха II Матильде. *Отафорт* (Хаутефорт) — замок Бертрама де Борна в графстве *Перигор* (Перигорд). *Вентадори* — графство к северу от Перигора.

Известны также переводы А. А. Фета и М. Во-

лошина. Приводим для сравнения перевод М. Волошина, опубликованный в газете «Русский Туркестан» (1900, 15 октября, № 7, с. 1).

БЕРТРАН ДЕ БОРН

На скале среди развалин
Аутафорт, дымясь, лежит.
А владелец пред палаткой
Короля в цепях стоит.

«Ты ль мечом своим и песней
Смуту нес среди людей?
Ты ли против дел отцовских
Возмутил моих детей?»

Ты ли тот, кто так хвалялся
И так гордо говорил,
Что тебе довольно даже
Половины этих сил?

Половины, видно, мало,
Не пора ли все собрать,
Чтоб построить снова замок
И оковы разорвать?»

«Да, ты прав, король-владыка!
Пред тобой Бертран де Борн,
Кто зажег одною песней
Перигор и Вентадорн.

Кто бельмом для властелина
На глазу был до конца,
Из любви к кому презрели
Дети ярость их отца.

Дочь твоя сидела в зале
Как невеста. Пир кипел...
И посланец мой ей песню
Мной сложённую пропел:

Чем она гордилась раньше,
Про певца с его тоской...
Пел, пока ее уборы
Не увлажнились слезой...

И в тени оливы сонной
Сын не мог твой усидеть,
Когда песнь любви и гнева
Я велел пред ним пропеть.

Конь оседлан, и я знамя
Сам понес пред ним вперед,
И стрела его пронзила
При Монфорте у ворот.

Он лежал в моих объятьях,
Но не раною томим,
А сознанием, что умрет он
Под проклятием твоим.

Он к тебе пред смертью руку
Через море простирал,
Но твоей нигде не встретил,
Лишь мою сильней сжимал.

И с тех пор, как этот замок,
Сила сломлена моя...
Нет ни всей, ни половины...
Нет ни лютни, ни копья.

Да! Сковать не трудно руки,
Если гордый дух разбит.
Песня скорби и печали
Лишь в душе твоей звучит».

Vergil's Aeneid (стр. 133).— Баллада написана 26 ноября 1829 г. При работе над балладой Уланд использовал целый ряд античных и современных ему источников, не придерживаясь их буквально. *Весна священная*.— В дни бедствий древние латиняне давали обет принести в жертву всех первенцев, которые родятся ближайшей весной: эта весна получала название «священной». Впоследствии детей не убивали, а по достижении совершеннолетия высылали на чужбину. *Мавор* — одно из имен римского бога войны Марса (греч. миф.— Арей, Арес).

Б р а т о у б и й ц а (стр. 137).— Перевод В. А. Жуковского (1832) был впервые опубликован в изд.: Подарок бедным, альманах на 1834 год. Одесса, 1834, с. 197—200.

М и ц к е в и ч (стр. 140).— Стихотворение написано в декабре 1833 г. и предназначалось в качестве поэтического предисловия к книге переводов А. Мицкевича, опубликованной в Штутгарте в 1834 г. Но, увидев рукопись сборника, которая его не во всем удовлетворила, Уланд отказался от публикации своего стихотворения.

Н а м о с т у н а д Б и д а с с о а (стр. 141).— Стихотворение посвящено героическим испанским повстанцам, пытавшимся во главе с Франсиско Миной (1782—1836) свергнуть деспотическую власть испанской феодальной монархии. *Бидассоа* — река на границе Испании и Франции.

М а й с к а я р о с а (стр. 146).— Перевод О. П. Вейсберг публикуется по изд.: Русский вестник, 1899, т. ССІХІ, № 5, с. 218—219.

П е щ е р а - к о л о к о л (стр. 147).— Перевод Д. Мина публикуется по изд.: Русский вестник, 1880, т. 145, январь, с. 143.

М а л ь в а (стр. 148).— Перевод А. Милорадовича публикуется по изд.: М и л о р а д о в и ч А. А. Сказки, переводы и стихотворения. М., 1904, с. 120—121.

С ч а с т ь е Э д е н х а л я (стр. 150).— Источником сюжета послужила легенда в книге английского писателя Д. Ритсона «Волшебные сказки» (1831).

Странствие (стр. 151).— Стихотворение отражает впечатления Уланда от поездки в Баварию летом 1834 г., во время которой поэт посетил города Мюнхен и Нюрнберг. По своему сатирическому пастрою и общему тону «Странствие» передает разочарование поэта итогами революции 1830 г. и в некоторых чертах предвещает поэму Гейне «Германия» (1844). *Я лучшим апельсинам // Картофель предпочел.*— Поэт вступает здесь в своеобразную полемику с Гете: в оригинале — аллюзия на знаменитую песню Миньоны (из «Годов учения Вильгельма Мейстера» — «Ты знаешь край лимонных рощ в цвету...»). *Над Нюрнбергом дерзким...*— По рассказу жены поэта, Уланд посетил по пути празднество в Нюрнберге, которое явилось в его глазах символом упадка народной жизни.

Богомольная охотница (стр. 155).— Стихотворение написано 19 ноября 1837 г. на основе подлинного происшествия с княгиней Лёвенштейн, о котором поэт узнал от своих друзей.

Жаворонковая война (стр. 156).— Средневековые ссоры горожан с титулованными землевладельцами описаны в ряде источников. Уланду, в частности, было известно распоряжение 1496 г., в котором граф фон Эттинген запрещал жителям города Нёрдлингена «гоняться за жаворонками».

Последний пфальцграф (стр. 158).— Уланд основательно исследовал родословную тюрингских пфальцграфов и написал статью «Тюрингские пфальцграфы», опубликованную в 1855 г. в журнале «Германия», издававшемся Ф. Пфейфером. В рукописи баллады, подаренной Уландом жене — Эмили Уланд (1799—1881), конец баллады расширен и соотнесен с собственной жизнью поэта.

Напутствие (стр. 161).— Уланд собственноручно переписал «Напутствие» в семейный альбом Фридерике Майер— дочери своего друга Карла Майера (см. предисловие), готовившейся в эти дни к отплытию в США вместе со своим женихом.

Власть (стр. 162).— Стихотворение было обнаружено после смерти поэта на его рабочем столе и рассматривается в качестве своеобразного духовного завещания. Впервые опубликовано в первом посмертном издании «Стихотворений» в 1863 г.

Фортунат и его сыповья (стр. 163).— Над первой книгой «Фортуната» Уланд работал с 26 сентября 1814 г. по 30 января 1815 г., вторая книга создавалась с 18 февраля по 29 октября 1816 г. Оставшаяся фрагментом поэма, написанная октавами, была впервые опубликована в 1820 г. во втором издании «Стихотворений». Первое дошедшее до нас издание популярной немецкой народной книги «Фортунат» относится к 1509 г. Сюжет «Фортуната», повествующий о злоключениях молодого героя, пытающегося разбогатеть честным путем, с начала XIX в. привлек внимание многих немецких романтиков: Л. Тика, А. фон Шамиссо, Ю. Кернера, Ф. де ла Мотт Фуке. В переписке самого Уланда Фортунат упоминается с 1807 г. Хотя Уланд опубликовал только две книги своей поэтической обработки «Фортуната», в его рукописях сохранились подробные планы остальных книг. Поэт несколько осовременивает сюжет народной книги, вводя намеки на современную ему действительность и иронически обыгрывая некоторые произведения современных ему литераторов (например, пьесы Э. Вернера и А. Мюллера).

А. Гугнин

СОДЕРЖАНИЕ

- А. Гюгенин. Романтический челп в бурных волпах истории, или Поэзия Людвига Улапда . . .* 3

1803—1813

1803

- * Третья элегия. *Перевод А. Гюгенина* 25

1804

- * Смерть витязей. *Перевод Ю. Голубца* 26
* Слепой король. *Перевод Ю. Голубца* 27
* Венок. *Перевод Ю. Голубца* 30

1805

- Утешение. *Перевод В. Жуковского* 31
Пастух. *Перевод Р. Дубровкина* 32
* Отречение. *Перевод Ю. Голубца* 33
Король на башне. *Перевод М. Михайлова* 34
Песня бедняка. *Перевод В. Жуковского* 35
* Певец у одра умирающей возлюбленной. *Перевод В. Вебера* 36

Монах и пастух. <i>Перевод Ф. Миллера</i>	40
Часовня. <i>Перевод П. П.</i>	41
Замок у моря. <i>Перевод В. Левика</i>	41

1806

* Смерть отрока. <i>Перевод А. Прокопьева</i>	43
Горный пастух. <i>Перевод М. Михайлова</i>	44
* Мечта. <i>Перевод В. Куприянова</i>	45

1807

* Блаженная смерть. <i>Перевод Б. Чулкова</i>	46
Слова старца. <i>Перевод Н. Огарева</i>	46
Три песни. <i>Перевод В. Жуковского</i>	46
* Посвящение. <i>Перевод В. Вебера</i>	47
* Укрывшиеся. <i>Перевод А. Казарновского</i>	47
* Мать и дитя. <i>Перевод Б. Чулкова</i>	48

1808

* Жалоба поэта. <i>Перевод В. Вебера</i>	49
Ночью. <i>Перевод М. Михайлова</i>	49
Толкование сна. <i>Перевод Ф. Миллера</i>	49

1809

Победитель. <i>Перевод В. Жуковского</i>	50
Пастушья песня. <i>Перевод М. Михайлова</i>	50
Хороший товарищ. <i>Перевод В. Левика</i>	51
* Умершая любовь. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	52
* Елена. <i>Перевод В. Куприянова</i>	52
Хозяйкина дочь. <i>Перевод В. Левика</i>	53

Развалины. Перевод М. Михайлова	54
* Утес Телля. Перевод Р. Дубровкина	54
* Лодка. Перевод Р. Дубровкина	54
* Мартовская ночь. Перевод Б. Чулкова	55
Сон. Перевод В. Жуковского	56
Мщение. Перевод В. Жуковского	56
Замок в лесу. Перевод А. Гугнина	57
Ночной рыцарь. Перевод Д. Мина	57
* Серна. Перевод Р. Дубровкина	58
* Судьба. Перевод В. Вебера	58
Старый рыцарь. Перевод В. Жуковского	59
* Пропавший охотник. Перевод В. Микушевича	60
* Предчувствие смерти. Перевод Р. Дубровкина	61

* Кольцо. Перевод В. Микушевича	62
* Три замка. Перевод В. Микушевича	63
Рыцарь Роллон. Перевод В. Жуковского	66
Гаральд. Перевод В. Жуковского	68
Безотрадная весна. Перевод А. Гугнина	70
Завещание. Перевод А. Гугнина	71
* Петрарке. Перевод Р. Дубровкина	71
Роланд-оруженосец. Перевод В. Левика	72
* Хирсау. Перевод Р. Дубровкина	79
* Песни странника. Перевод В. Микушевича	
1. Прощание	79
2. Прощанье-расставанье	79
3. В дальней дали	80
4. Утренняя песня	80
5. Ночной путь	81
6. Зимний путь	81
7. Отъезд	82

8. Пристанище	82
9. Возвращение	83

1812

Меч Зигфрида. <i>Перевод В. Левика</i>	84
Плавание Карла Великого. <i>Перевод В. Жуковского</i>	85
Весенние песни	
1. Предчувствие весны. <i>Перевод А. Милорадовича</i>	87
2. Всянье веспы. <i>Перевод А. Милорадовича</i>	87
3. Весеннее успокоение. <i>Перевод Ф. Тютчева</i>	88
4. * Весенний праздник. <i>Перевод В. Микушевича</i>	88
5. Приход весны. <i>Перевод В. Жуковского</i>	88
6. * Весеннее утешение. <i>Перевод В. Микушевича</i>	89
7. * Грядущая весна. <i>Перевод В. Микушевича</i>	89
8. * Весенняя песня рецензента. <i>Перевод В. Микушевича</i>	89
Дон Масспа. <i>Перевод Д. Мина</i>	90
* Тайлефер. <i>Перевод А. Гугнина</i>	91

1813

Весной. <i>Перевод А. Гугнина</i>	94
---	----

1814—1862

1814

К родине. <i>Перевод А. Гугнина</i>	97
Вперед. <i>Перевод В. Зоргенфрея</i>	97
Граф Эберштейн. <i>Перевод М. Волошина</i>	98

Испацский студент. <i>Перевод Д. Мина</i>	100
Алонзо. <i>Перевод В. Жуковского</i>	102
* Данте. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	105
Проклятие певца. <i>Перевод В. Левика</i>	107

1815

Жница. <i>Перевод В. Левика</i>	110
* Возвращение певца. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	111
* Граф Эбергард Бородатый, по прозвищу Брюзга. <i>Перевод В. Топорова</i>	
«Неужто в землях швабов смолк рыцарский напев...»	112
Ужасное нападение в Вильдбаде	113
Короли из города Геймзен	115
Кровавое побоище под Рейтлингенем	117
Решительное сражение при Дёффинге	120

1816

Поэту, умершему от голода. <i>Перевод Н. Гриценко</i>	124
* Заколдованная рубаха. <i>Перевод В. Летучего</i>	125

1819

Пролог к трагедии «Эрнст, герцог швабский». <i>Перевод В. Злобина</i>	127
--	-----

1822

Осенняя паутинка. <i>Перевод А. Гугнина</i>	129
---	-----

1827

- * На раннюю смерть Вильгельма Гауфа. *Перевод Р. Дубровкина* 130

1829

- Могущество певца. *Перевод В. Злобина* 131
 * Ver sacrum. *Перевод Е. Колесова* 133
 Братоубийца. *Перевод В. Жуковского* 137

1833

- * Мицкевич. *Перевод В. Микушевича* 140

1834

- * Жаворонки. *Перевод О. Соколова* 141
 На мосту над Бидассоа. *Перевод В. Левика* 141
 * Благословение поэта. *Перевод О. Соколова* 143
 * Призрачный винный чан. *Перевод Ю. Голубца* 144
 Майская роса. *Перевод О. Вейсберг* 146
 Погопущая корона. *Перевод В. Левика* 147
 Пещера-колокол. *Перевод Д. Мина* 147
 * Вечерние облака. *Перевод Ю. Голубца* 148
 Мальва. *Перевод А. Милорадовича* 148
 Вино и хлеб. *Перевод А. Гугнина* 149
 * Счастье Эденхалля. *Перевод В. Летучего* 150
 * Странствие. *Перевод В. Микушевича* 151

1837

- * Богомольная охотница. *Перевод В. Микушевича* 155

1847

- * Жаворонковая войпа. *Перевод А. Гугнина* . . . 156
 Последний пфальцграф. *Перевод А. Гугнина* . . . 158

1849

- * На стихи Гете. *Перевод Ю. Голубца* 160

1854

- Напутствие. *Перевод А. Гугнина* 161

1862

- * Власть. *Перевод А. Гугнина* 162

- * Fortunat и его сыновья. Фрагмент поэмы.
Перевод В. Топорова 163

- Комментарии *А. Гугнина* 191

Уланд Л.

У-47 Стихотворения. Пер. с нем./Сост.,
вступ. статья и коммент. А. Гугнина.— М.:
Худож. лит., 1988.— 223 с.

ISBN 5-280-00320-4

В сборнике впервые представлены отдельной книгой
стихотворения выдающегося немецкого поэта-романтика
Людвига Уланда (1787—1862) в новых переводах и в пе-
реводах старых русских поэтов.

У $\frac{4703000000-384}{028(01)-88}$ 141—88

ББК 84.4Ге

ЛЮДВИГ УЛАНД

СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор

Е. МАРКОВИЧ

Художественный редактор

Л. КАЛИТОВСКАЯ

Технический редактор

Л. ВИТУШКИНА

Корректоры

Н. УСОЛЬЦЕВА,

О. НАРЕНКОВА

ИБ № 5194

Сдано в набор 22.02.88. Подписано к печати 14.09.88. Формат 70×90¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная». Печать высокая. Усл. печ. л. 8,17 + 1 вкл. = 8,21. Усл. кр.-отт. 8,53. Уч.-изд. л. 8,93 + 1 вкл. = 8,95. Тираж 25 000 экз. Изд. № VI-2979. Заказ № 3598. Цена 85 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16

